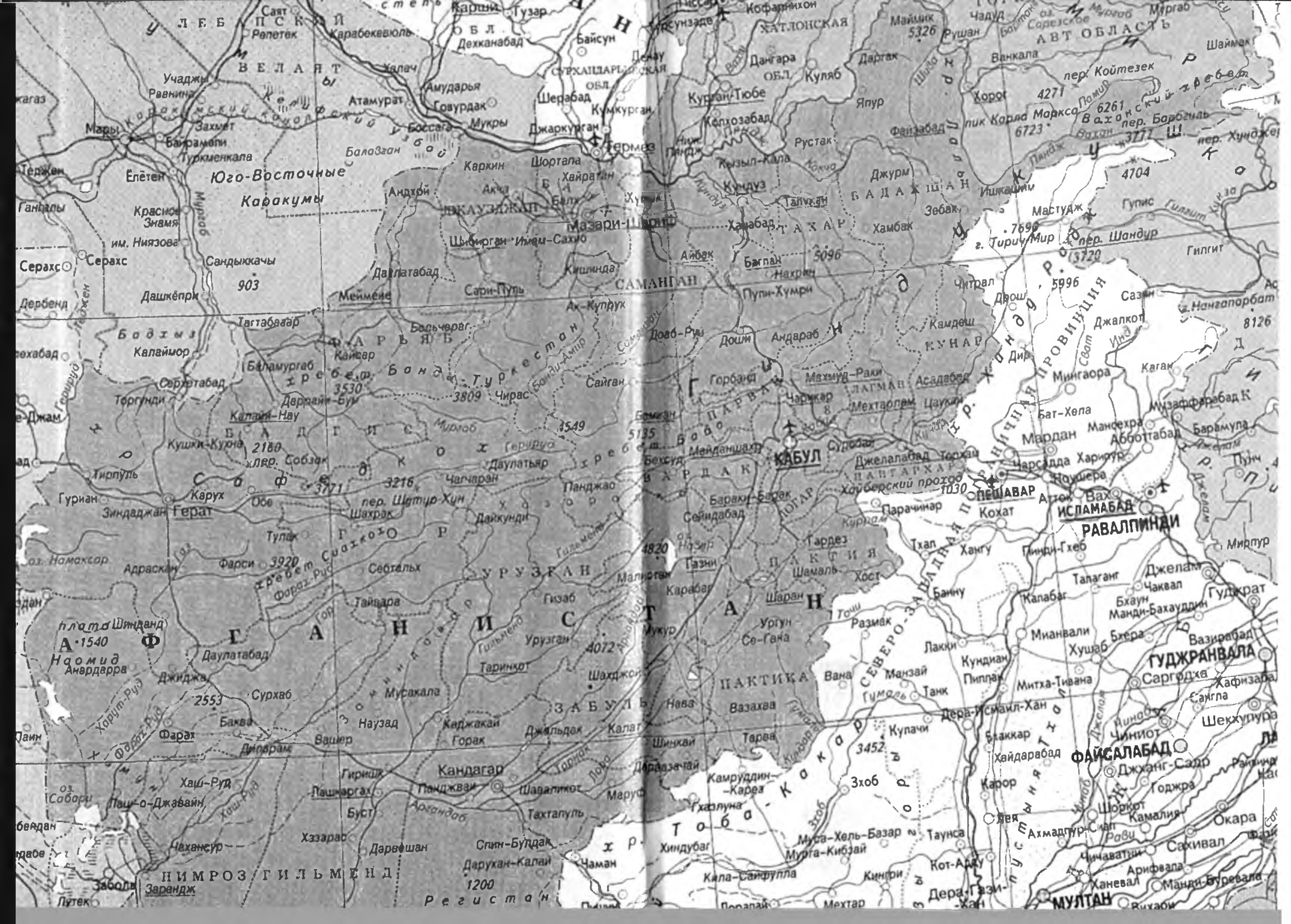

В. МИХЕЕВ

СПРЯТАННАЯ ВОЙНА

В. МИХЕЕВ

СПРЯТАННАЯ ВОЙНА

Книга издана при поддержке
Губернатора Вологодской области В. Е. Позгалева

Михеев В. И.

Спрятанная война. Очерки. - Вологда, 2011. - 160 с.

В ходе длительной работы над книгой автор постоянно встречался с нашими «афганцами», поражаясь их мужеству и стойкости, проявленным в далекой малоизученной стране, их верности военной присяге, любви к своей Родине, своим родным. Ушедшие на войну мальчишками, они вернулись мужчинами, прошедшими афганское горнило. «Афганский синдром» и до сих пор довлечет над некоторыми из них.

Эта книга о них, о наших череповецких ребятах, частичка истории нашего города. И пусть судит о ней сам читатель.

ОТ АВТОРА

Книга «Спрятанная война» – документальная, сурово-правдивая, о наших мужественных череповецких парнях.

Автор благодарен за сотрудничество в подготовке и издании заместителю мэра Череповца А. М. Акишину, ряду череповецких журналистов, согласившихся опубликовать свои очерки в главе «Помяни их, Россия, в декабрьскую стужу», а также заведующей городским центром досуга ветеранов войны и труда Т. Н. Митеневой, написавшей несколько очерков о наших погибших в Афганистане ребятах.

Книга о войне в Афганистане, длившейся почти 10 лет, частично раскрывает одну из тяжелейших страниц в истории Советского государства.

Могучий контингент Советской Армии был брошен в малоизученную горную страну с тысячелетним исламским прошлым. Неглубокий анализ внутренней обстановки в Афганистане, игнорирование внешних факторов привели к негативным результатам.

Ни победы в конечном счете, ни поражения. Но молодое поколение того времени под руководством советских офицеров достойно выдержало напряженнейшую войну с хитрым, опытным и коварным противником, хорошо подготовленным лучшими иностранными специалистами – советниками и инструкторами, об этом рассказывается на страницах книги.

Череповецкие парни, молодые, сильные, верные Родине и военной присяге, прошли суровую школу этой войны. Никто из них, брошенных в пепел Афгана, не дрогнул.

Так называемый тогда «интернациональный долг» они выполнили до конца.

И мы обязаны сохранить память о ветеранах этой в значительной степени «спрятанной войны». Надеемся, что книга вызовет интерес у широкого читательского круга.

Кандидат исторических наук В. Михеев

Прим.: ряд очерков о погибших ребятах взят по согласованию с журналистами из книги «Пепел Афгана» 1993 года издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что заставило нас взяться за подготовку и издание книги о войне в Афганистане, продолжавшейся без малого 10 лет?

Это народная боль, скорбь о тех молодых ребятах, которые погибли там, далеко от своей Родины, и похоронены на наших мемориальных кладбищах. Молодые, сильные, красивые парни, которым жить бы да жить.

Это скорбь о многих воинах-инвалидах, которым подчас не хватает доброты и участия, материальной поддержки.

Это возможность вспомнить отважных ребят-череповчан, которые мужественно дрались с хорошо подготовленным, коварным противником.

Честное выполнение воинского долга, верность военной присяге – характерные черты наших парней. Многие из них вернулись с орденами и медалями.

К сожалению, долгие годы об этой необъявленной войне просто умалчивалось, видимо, она не принесла лавры нашему государству. Лишь сравнительно недавно начали появляться книги памяти в различных регионах страны. Их становится все больше и больше. В 1993 году в Северо-Западном издательстве г. Архангельска вышла книга «Пепел Афгана». Она посвящена памяти воинов-вологоджан, павших в Афганистане. Восемьдесят одного своего сына навеки потеряла вологодская земля. Книга подготовлена при участии Ассоциации воинов-интернационалистов и воинов запаса Вологодской области. Есть в ней очерки о череповчанах, погибших в Афганистане, но не о всех.

Мы пришли к выводу о создании собственной книги о войне, которой могло не быть, но она была.

Да! Если бы политики того времени глубоко и всесторонне продумали вопрос о вводе войск в Афганистан, в страну с глубокими пережитками прошлого, с полуфеодальным и феодальным строем, с всеохватывающей население исламской религией, господством крупных феодалов и мулл и т.д., то вряд ли решились бросить туда могучую и сильную тогда Советскую Армию.

Генштаб СССР в лице его старших офицеров предупреждал властных политиков о ненужности этой военной акции, но к их голосу не прислушались. Руководствуясь сиюминутными, кажущимися возможностями создать по соседству новое демократическое государство с будущим социалистическим уклоном, они, политики, просчитались, глубоко не проанализировав обстановку.

По некоторым данным, через эту войну прошло более миллиона солдат и офицеров, из них потери убитыми составили более 14600 человек, в том числе 1979 офицеров и генералов; ранения, контузии и травмы получили 469685 человек.

Результат этой войны мы знаем – его фактически нет.

В нашей книге опубликованы очерки о молодых парнях – череповчанах, брошенных туда, в Афганистан, 18-20-летними мальчишками. Многие из них побывали в боях с хитрым и коварным противником, но выстояли и победили. Пережили они и разные афганские болезни от непривычного климата и многое другое.

Да, верно, окрепла их воля к жизни, их мужская дружба. Вернулись победителями с орденами и медалями. Но сталкивались порой с непониманием той сложности их военной службы, которую они выполнили в этой особой, специфической стране.

Более 700 череповчан прошли через афганское горнило. А вернувшись, влились в ряды строителей Череповца.

К сожалению, мы не смогли рассказать в книге о всех наших ребятах-«афганцах», просто это невозможно. Но постарались показать в своих очерках то, что было пережито.

Материалы собирались долго и по крупицам, а читатель сам вправе оценить их значение.

Думаем и надеемся, что книга будет иметь значение в воспитании подрастающего поколения, поможет разобраться в еще одной странице истории нашей Родины.

Дружба, взаимовыручка, мужество, верность воинскому долгу, военной присяге должны быть примером для молодежи.

Автор приносит свои извинения за некоторые возможные неточности и готов принять их к сведению.

ГЛАВА 1

АФГАНИСТАН

В этой малоизученной отсталой стране на протяжении веков сложился свой полуфеодальный, феодальный и кочевой образ жизни с мощной исламской подпоркой.

Выгодное географическое положение Афганистана, находящегося в юго-западной части Центральной Азии, сделало его центром политической борьбы целого ряда более крупных и сильных государств, таких, как Великобритания, США, Китай, Пакистан, Иран, Советский Союз.

Особенно усердствовали в этом направлении англичане. Имея колонию в Индии и довольно сильную армию, им не терпелось прихватить и кажущийся беззащитным и слабым свободолюбивый Афганистан.

В общей сложности Англия развязала против Афганистана три войны. В конечном итоге афганцам пришлось признать некоторые притязания Англии. Хотя фактически англичане потерпели ряд поражений от афганцев.

Свободолюбивый дух афганского народа явно претил захватническим интересам Англии.

Первым дружескую поддержку афганскому народу оказало молодое Советское государство. 27 марта 1919 года оно официально объявило о признании независимости и суверенитета Афганистана. 24 февраля 1921 года был подписан договор о дружбе. Он явился одним из первых документов в истории человечества, зафиксировавших отношения между крупной державой и малым государством, основанные на равноправии и невмешательстве во внутренние дела друг друга, взаимном уважении.

И тем не менее в связи с происками английской агентуры, активизацией басмачества, перебежавшего из Средней Азии, а также подстрекательством реакционного духовенства был развязан террор против советских представителей в столице Афганистана Кабуле. В 1922 году там были убиты пять сотрудников советского посольства.

Караваны кочевников вдоль немногих автомобильных дорог, хриплые песни муэдзинов, призывающих мусульман к молитве, крестьяне в чалмах, сохой добывающие свой трудный хлеб, женщины в парандже, скользящие серой тенью на глинобитных деревенских дувалах, – таким был прежний Афганистан, южный сосед Советского государства.

Ханы племен, крупные феодалы, помещики и высшее исламское духовенство препятствовали проведению более или менее прогрессивных реформ в стране, в частности созданию и расширению государственного сектора экономики.

Часто вспыхивали недоразумения и противоречия между основным населением Афганистана – пуштунами и угнетенными национальными меньшинствами – таджиками, узбеками и другими.

Внутренняя борьба между правящими классами привела к власти Надир-шаха, королевская семья которого правила страной с 1929 по 1978 год.

Конституция 1931 года сохранила монархическую форму правления, вполне устраивающую господствующие классы. Интересы помещиков-феодалов, крупного духовенства, богатых купцов, правительственной знати, чиновников единодушно сходились в неприкосновенности частной собственности, запрещении конфискации земель и имущества, сохранении в аулах и кишлаках зависимых полуфеодальных отношений.

Сделать это было не так уж и трудно, учитывая, что не менее 90% населения оставались неграмотными.

Тем не менее в угоду времени, развитию отношений с соседними странами, ввиду необходимости подъема экономики, а также в связи с некоторым накоплением капитала правящими классами в стране с большим напряжением начали проводиться реформы.

В 1956 году правительством Афганистана был принят пятилетний план развития экономики страны, началось постепенное строительство промышленных предприятий, энергетических, цементных, металлообрабатывающих и других. Больше внимания стало уделяться созданию ирригационной системы.

Но в решении ряда вопросов центральное правительство наталкивалось на серьезные, порой непреодолимые трудности. Так, при осуществлении регулярного набора в армию в юго-восточных районах страны произошли волнения племен джадран, мангалов, сафи и момандов. Причина восстания – попытка властей разоружить эти племена и призвать их в армию.

Меры центральной власти, направленные на частичную ликвидацию феодальных привилегий верхушки кочевых и полукочевых племен, сепаратистских настроений, не приносили успеха.

Тем не менее жизнь брала свое.

С помощью Советского Союза в середине 60-х годов в Афганистане было завершено строительство крупных народнохозяйственных объектов, в том числе: Джелалабадский ирригационный канал, автодорога Кушка – Герат – Кандагар, крупнейшая в стране ГЭС в Наглу и целый ряд других объектов.

В связи с этим рос и рабочий класс, в 1967 году его численность составила 130 тысяч человек. Если учесть, что численность населения Афганистана колебалась к этому времени от 15 до 16 миллионов человек, а перепись фактически не проводилась, да и сделать это в полупустынной и горной стране было очень трудно, то ясно, что процент рабочего класса крайне низкий.

В 1964 году в Афганистане была принята новая конституция, согласно которой продекларировано право на создание в стране политических партий. Этого требовали и нарождающиеся прогрессивные силы, в основном представители афганской интеллигенции, многие из которых оканчивали советские вузы.

1 января 1965 года в Кабуле в нелегальных условиях состоялся первый съезд партии трудового народа Афганистана, сокращенно НДПА (национально-демократической партии Афганистана). Конечно, громко сказано насчет трудового народа, ибо с самого начала это была очень малочисленная партия, по сути дела, охватывающая лишь верхушку афганской интеллигенции и некоторую часть афганских офицеров. Кстати, ряд из них в свое время оканчивали советские военные вузы. К 1978 году число членов НДПА составляло приблизительно 20 тысяч человек.

Становление этой партии, на которую делали ставку наиболее прогрессивные силы страны и к которой присматривались в ЦК КПСС, было делом довольно сложным. Оно проходило в непрестанной борьбе между новым и старым. А новое, как всегда, рождалось в муках.

Реакционные силы не хотели так просто сдавать свои позиции, к тому же они имели основательную и постоянную поддержку со стороны таких государств, как США, Англия, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и некоторых других.

Правящие круги этих стран боялись советизации Афганистана, набирающих силу дружественных отношений между СССР и Афганистаном.

Ни для кого не была секретом нарастающая и постоянная помощь со стороны Страны Советов афганскому народу. Свидетельством этому были афганские пятилетки.

17 июля 1973 года в Афганистане произошло вооруженное выступление воинских подразделений, в результате которого власть перешла к созданному центральному комитету страны, по сути дела, к коллективной организации военных.

Член королевской семьи М. Дауд стал главой государства и одновременно премьер-министром. Однако королевский режим был ликвидирован, и государство провозглашено Республикой Афганистан. Конституция 1964 года была отменена.

Несмотря на некоторое улучшение в деле развития производительных сил, в целом экономика и социальное положение населения оставляли желать лучшего. Об этом говорят некоторые цифры: в 27 провинциях страны, кроме Кабула, в 1973 году было 35 больниц, 76 докторов, 930 больничных коек, 11 лабораторий и рентгеновских установок. На 214 тысяч человек приходился один врач.

Новый глава государства в 1977 году принимает конституцию, согласно которой становится президентом страны.

Получив широкие полномочия, Дауд переходит в наступление против оппозиции и запрещает деятельность НДПА. Демократическая программа этой партии, ее прогрессивные реформы явно не устраивают Дауда и феодальные круги Афганистана.

Начинаются гонения на видных членов НДПА. Многие руководители национально-демократической партии Афганистана брошены в тюрьму по обвинению в государственных преступлениях, убит авторитетный член руководства партии Акбар Хайбар.

Но дальнейшие действия реакции были прерваны мощными демонстрациями, организованными оппозицией и поддержанными рядом воинских частей.

27 апреля 1978 года в Афганистане произошел революционный взрыв. В историю Афганистана он вошел под названием Саурской революции (саур – название месяца). Во дворец, в котором находился глава правительства М. Дауд, ворвалась группа военных, в перестрелке Дауд был убит.

Руководители партии Н. Тараки, Б. Кармаль и другие освобождены из тюрьмы.

Однако в НДПА не было единства, и после так называемой Апрельской революции разногласия в партии вспыхнули с новой силой. Обострилась обстановка в ряде провинций страны. И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного, так как «революция» носила поверхностный, верхушечный характер, фактически не задевая основные массы населения.

Уже в мае министр национальной обороны ДРА, то есть Демократической Республики Афганистан, получившей это название в ходе Саурской революции, полковник Абдул Кадыр в беседе с главным военным консультантом генерал-лейтенантом Л. Н. Гореловым сказал, что «враги революции поднимают голову и начинают действовать, число арестованных лиц достигло 10 тысяч, все тюрьмы переполнены».

В стране началась междоусобная гражданская война.

В ту пору советское руководство во главе с Л. И. Брежневым трактовало событие в Афганистане как победу национально-демократической революции, а вспыхнувшие боевые действия

считало необъявленной войной, которая велась моджахедами при содействии ряда стран, в первую очередь Пакистана и США.

К сожалению, пришедшая к власти НДПА, обещавшая в своей программе дехканам землю и воду, удовлетворение социальных нужд, не смогла решить эти жизненные проблемы. Феодалы и круги страны вместе с исламским духовенством и крупным купечеством действовали более напористо. Они не собирались отдавать власть.

Более того, воспользовавшись распрями в руководстве ЦК НДПА, которое разделилось на две враждующие фракции, враги Апрельской революции протасили в состав Политбюро ЦК НДПА своего человека – Х. Амина, сыгравшего впоследствии провокаторскую роль. Вошедший в доверие к главе государства Н. М. Тараки Амин постепенно прибирал власть к своим рукам. В этом ему помогала не только афганская оппозиция, но и иностранная агентура.

В сентябре 1978 года Тараки признал, что «обстановка в стране очень беспокойная: то в одном, то в другом районе реакция поднимает голову. Единственной опорой у нас является армия, на которую мы возложили все функции по управлению государством».

Одновременно в беседе с генерал-лейтенантом Л. Н. Гореловым Тараки просил ускорить поставку вооружения и военной техники, а также направить в страну советские войска.

8 марта 1979 года в провинции Герат началось открытое антиправительственное выступление. Мятеж с трудом был подавлен. Когда в Москве узнали о гератских событиях, члены Политбюро ЦК КПСС обсудили создавшееся в Афганистане положение, дав поручение А. Н. Косыгину переговорить с Тараки. В ходе этого разговора Н. М. Тараки обратился с просьбой о вмешательстве Советского Союза в афганские события: «Я предлагаю, – сказал Н. М. Тараки, – чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула». А. Н. Косыгин возразил: «Вы слишком упрощаете вопрос. Он сложный и имеет политическое и международное значение. Но мы еще раз посоветуемся и дадим ответ».

20 марта того же 1979 года Тараки прилетел в Москву, пытаясь привлечь внимание советского руководства к критическому положению нового афганского правительства. Но его просьба о вводе советских войск в Афганистан снова была отвергнута.

Между тем обстановка в Афганистане с каждым днем осложнялась. Продолжались вооруженные столкновения правительственных войск с отрядами оппозиции.

Афганские лидеры несколько раз обращались за военной помощью к советскому руководству: в течение лета 1979 года – девять, в октябре-декабре – шесть раз.

Дальнейшие события вышли из-под контроля Тараки. Он снова в сентябре встречался в Москве с советскими руководителями, а когда 11 сентября прибыл в Кабул, то заявил: «Будем лечить в партии раковую опухоль». Видимо, Тараки получил в Москве какую-то положительную для правительства ДРА информацию.

Но Х. Амин, чувствуя усиление Тараки в борьбе за власть, сделал упреждающий ход: 13 сентября он снял с постов четырех поддерживающих Тараки министров: госбезопасности, МВД, связи и по делам границ. По сути дела, руководителей ведущих министерств.

По настоянию советских представителей, находящихся в Афганистане, Тараки пригласил Амина на встречу в присутствии посла СССР и советских военачальников. Встреча не состоялась, вместо нее во время прибытия Амина и сопровождающих его лиц произошла перестрелка, в которой приняла участие охрана Тараки. На другой день, 15 сентября, на состоявшемся пленуме ЦК НДПА генеральным секретарем партии стал Хафизулла Амин. Тараки был освобожден от всех своих обязанностей. И его судьбе не позавидуешь: сначала домашний арест, а в октябре его задушили офицеры по указанию пришедшего к власти Амина.

Фигура Амина была, пожалуй, наиболее зловещей в истории революционного переворота в Афганистане. По всей вероятности, он играл в ней контрреволюционную роль и, возможно, по показаниям ряда знавших его афганских деятелей, мог быть агентом ЦРУ (Центрального разведывательного управления США). Его деятельность против лояльно настроенных к Советскому Союзу деятелей НДПА типа Тараки и других говорит сама за себя.

Дни пребывания Амина и его команды у руля власти также были сочтены. Уже в начале декабря 1979 года, за несколько недель до ввода советских войск в Афганистан, события развивались с калейдоскопической быстротой:

– 8 декабря. Высшее советское руководство во главе с Л. И. Брежневым долго совещалось относительно сложившейся ситуации в Афганистане.

– 10 декабря. Стали известны серьезные разногласия между министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба Н. В. Старковым. Начальник Генштаба категорически возражал против ввода войск в Афганистан и предлагал искать политическое решение. Однако Устинов отдал распоряжение формировать 40-ю армию для вторжения в Афганистан.

– 12 декабря. Политбюро ЦК КПСС на своем заседании принимает решение о вводе 40-й армии на территорию Афганистана. Все делается в секрете, об этом знает лишь ограниченный круг лиц из высшего военного руководства.

– 13 декабря. Оперативная группа под руководством генерала армии С. Ф. Ахромеева направлена в Ташкент и Термез для организации развертывания войск. Вскоре эту группу возглавил Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Командующим 40-й армии назначили генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова.

– 25 декабря. С 15.00 начался постепенный ввод соединений и частей 40-й армии в Демократическую Республику Афганистан по трем основным направлениям: через Кушку, Термез и Хорог. 103-я воздушно-десантная дивизия перебрасывалась военно-транспортной авиацией на аэродромы в Кабул, Баграм и частично Кандагар.

– 27 декабря. Спецподразделение «Зенит» штурмовало дворец «Топпайи-Таджбек», глава государства Х. Амин убит.

По радио передали обращение лояльного к Советскому Союзу Бабрака Кармаля, в котором новый глава государства сказал, что власть принадлежит всему народу.

Однако дальнейшие события показали обратное. Афганский народ, задавленный гнетом феодальных кругов, крупных помещиков и особенно активным религиозным духовенством, купечеством, был глух и нем к переменам и новой власти. По всей вероятности, вековые традиции и крепкие религиозные корни ислама вполне устраивали в основном неграмотное население горной и полупустынной страны. Сложившийся менталитет такого народа поколебать было далеко не просто.

В стране разгоралась гражданская война. Уже к концу 1979 года отряды моджахедов, «борцов за веру», действовали в большинстве провинций. Причем действовали в открытую, проводили террористические и диверсионные операции, нанося огромный экономический ущерб и без того нищей стране.

Как же объясняли личному составу 40-й армии – армии вторжения в чужую страну обстановку тех дней?

Советникам вручали документ без подписи «О единой трактовке вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве, и вводе советских войск в Афганистан». В нем события 27 декабря 1979 года трактовались в искаженном виде. В частности, говорилось: «В ночь с 27 на 28 декабря 1979 года произошло выступление подпольщиков – членов НДПА, поддержанное здоровыми патриотическими силами страны, в результате чего режим Амина был свергнут».

На самом деле дворец «Топпайи-Таджбек», резиденцию Амина, штурмовал отряд КГБ СССР «Зенит».

Этот документ был никем не подписан, но сохранился экземпляр с резолюцией С. Ф. Ахромеева: «Т. Афанасьеву А. П. Это офи-

циально одобренный документ. Прошу переговорить. Ахромеев. 01.03.1980 г.».

Распространилось мнение, что «ограниченный контингент советских войск» должен войти в Афганистан, чтобы, с одной стороны, оказать помощь афганскому руководству в деле защиты завоеваний Апрельской революции, а с другой – не позволить реакционным силам установить свои порядки в этой многострадальной стране. Тезис о классовой борьбе превалировал и тут, в совершенно чужой для нас стране, оказавшейся в результате верхушечного переворота в огне гражданской войны. Советское руководство, направляя войска, не учло многие очень важные, в том числе исторические, особенности этой страны. В Афганистане очень сильные племенные традиции. Огромная роль принадлежит религии. Ислам – значительная часть культуры и образа жизни народов Афганистана. Более 90 процентов населения этой страны – мусульмане, 95 процентов из них – сунниты, пять – шииты. Все мечети в хорошем состоянии. Количество паломников в Мекку растет из года в год. Только в 1980 году их было более восьми тысяч.

И, пожалуй, никакие пришельцы не в состоянии утвердить на афганской земле свои порядки. Об этом свидетельствует опыт трех англо-афганских войн: 1838, 1878-1880 и 1904-1905 годов.

Вводя 40-ю армию в Афганистан, рассчитывая быстро «навести порядок», советские руководители сделали тяжелый и неверный шаг. Мероприятия по изучению военно-политической обстановки в Афганистане оказались явно не на высоте.

Приведем свидетельство очевидца – генерал-лейтенанта запаса И. Ф. Рябченко: «В конце октября 1979 года я с группой офицеров вылетел в эту страну, где мы посмотрели основные объекты в столице, аэродромы в Кабуле, Баграме и Кандагаре. Задача была одна – ознакомиться, и в случае получения приказа мы были готовы пойти на прикрытия определенных объектов после высадки...

25 декабря, около 18.00, нам приказали решить те задачи, которые стояли перед нами, началась переброска по воздуху десанта с посадкой на аэродромах Кабула, Баграма, Кандагара.

В течение вечера 27 декабря был осуществлен государственный или военный переворот. Правительство возглавил Бабрак Кармаль.

Получили объяснение, что Хафизулла Амин оказался предателем, английским шпионом. Но так ли было на самом деле – трудно определить. Во всяком случае, для меня, командира воздушно-десантной дивизии, полковника, абсолютно непознаваемое и непонятное, так это или не так. 28 декабря по радио объявили, что Амин свергнут. А пока в нашей прессе царило гробовое молчание,

в Афганистане шла война. Не знали родные советских воинов того, что их сыновья, мужья, братья брошены в огонь настоящих боев».

Война разгоралась с каждым днем, домой шли письма из Афганистана, пронизанные нежностью, любовью к далекой родной стране. Но в них ни слова о жестокости реальных столкновений, увечьях, ранениях. Ни слова о погибших товарищах, вынесенных из боя на плащ-палатках. Не было рассказов о боях, о внезапных взрывах, столах, криках, ненависти, с которой их порой встречали в кишлаках, ни слова о физическом, моральном надломе. Каждый воспринимал накал событий по-своему.

Приведем рассказ Мухаммеда Шакера, жителя города Андхой провинции Фарьяб Каргара, который получил высшее образование в Ленинграде и является магистром исторических наук. «Как я отношусь к войне в моей стране? Конечно, отрицательно. В том, что советские солдаты воевали, они не виноваты. Виноваты политики Советского Союза, руководители Коммунистической партии.

В вашей стране не военные играли в войне главную роль, а верхушка правительства – 5-7 человек. У нас, в Афганистане, президентская форма правления выражалась диктаторской формой управления, так же, как это было в СССР. Л. И. Брежнев сказал, чтобы вводить войска, – 40-я армия пошла. Советские же офицеры, которые воевали там, выполняли приказ высшего военно-политического руководства. Они были исполнителями. Боялись говорить правду. Может, военные и знали, что Брежнев и его свита были не правы, но молчали, хотя у нас, в Андхое, говорили «втихари».

Я разговаривал с солдатами разных национальностей – узбеками, таджиками, – и они были против войны. Вот почему я, как очевидец, знаю, что в годы войны солдаты с юга разбежались, и тогда на их место посылали советских 18-19-летних ребят, совершенно не подготовленных к ведению боевых действий у нас в горах. Они учились воевать на войне, а там не учиться надо было, а уметь сражаться».

Солдаты из среднеазиатских советских республик не хотели воевать против своих, таких же узбеков, таджиков, которые в массе своей издавна населяли северную часть Афганистана.

В декабре 1979 года утверждали, что Апрельская революция вступила в качественно новую фазу развития и ее главный ориентир – удовлетворение жизненно важных потребностей народа и страны. В какой-то степени это находило понимание у наиболее образованной части интеллигенции Афганистана, но этому не суждено было сбыться.

Оппозиция опиралась на реальную силу. В отрядах моджахе-

дов были пострадавшие от безграмотного режима НДПА, религиозные фанатики, политически незрелые люди, дехкане, зависящие от своих феодалов-помещиков. Большинство населения в провинциях фактически зависело от созданных оппозицией подпольных органов власти – «исламских комитетов» и подчинялось им. Руководство НДПА, занятое борьбой за власть, так и не смогло укрепить свои органы власти в уездах и волостях.

Вскоре на сопредельной территории Пакистана, у которого не было и нет очерченных границ с Афганистаном, были созданы многочисленные базы для подготовки боевых отрядов моджахедов для вооруженной борьбы с правительственными войсками Афганистана, а затем, по мере нарастания гражданской войны и вовлечения нашего контингента в эту войну, – и против наших частей и подразделений.

Подготовкой моджахедов занимались опытные иностранные инструкторы, на деньги ряда мусульманских стран закупалось новейшее вооружение. Было оно американского, английского, китайского, итальянского производства и еще некоторых стран.

Создалась ситуация, когда на территории ДРА, страны с исключительно слабой центральной властью, советские войска были вынуждены начать боевые действия против отрядов моджахедов. Стоило ли защищать власть, не имеющую опоры в массах, когда, по сути дела, в стране не было революционной ситуации, когда почти все государства ООН ополчились против нас, требуя немедленного вывода войск? Советский Союз, проводящий мирную политику и призывающий к этому другие страны, оказался в сложном положении.

Генерал армии В. И. Варенников так оценивал эти события: «Генеральный штаб выступал против ввода наших войск до тех пор, пока идея не приняла форму решения. Мы предлагали такой альтернативный вариант: советским частям стать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться. Уже потом стало ясно: линия была в принципе правильной. И нам следовало отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжелые последствия для защитников такой линии.

К сожалению, мы поддались напору со стороны Бабрака Кармала и позволили втянуть себя в затянувшуюся войну».

А отсчет времени этой войны для солдат и офицеров нашей 40-й армии начался с 27 декабря 1979 года.

В январе 1980 года соединения и части 40-й армии под командованием генерал-майора Ю. В. Тухаринова заняли ключевые позиции в ряде провинций страны и совместно с афганской армией взяли под охрану важнейшие административные центры, жизнен-

но важные объекты, аэродромы и основные автомобильные магистрали – Хайратон, Пули-Хумри, Кабул, Джелалабад, Герат, Кандагар, Кундуз, Файзабад, а также туннель через перевал Саланг.

Ход событий, особенно антиправительственные выступления в Кабуле в феврале 1980 года, вынудили советское руководство согласиться вести военные действия по разгрому отрядов моджахедов («борцов за веру»).

Боевые действия наших войск проводились в ряде провинций Афганистана и приносили существенные результаты. Так, операция «Удар», проведенная в ноябре-декабре 1980 года в центральных провинциях, примыкающих к столице Афганистана Кабулу, была первой, наиболее крупной и дала немалые положительные результаты.

Но военные успехи, как правило, не закреплялись органами афганской власти в уездах и волостях.

Бабрак Кармаль и другие руководители предпочитали отсиживаться в Кабуле, а если кто-то из них и отправлялся в тот или иной провинциальный центр, то только вместе с советским представителем и соответствующей советской охраной.

Возникали серьезные противоречия. С одной стороны, ввод Советской Армии и изменения в руководстве государством вселяли надежду на перемены к лучшему, а с другой стороны – усиление сопротивления моджахедов, продолжающиеся распри среди руководства НДПА, крайняя инертность крестьянских масс, задавленных гнетом помещиков-феодалов, настороженность в племенах препятствовали стабилизации обстановки на местах.

Вместе с тем, выполняя интернациональный долг, наши офицеры, сержанты и солдаты с честью решали поставленные перед ними задачи, проявляя при этом мужество и отвагу. Едва ли не в каждой российской семье бережно хранятся письма с этой далекой необъявленной войны. Письма молодых советских ребят, не вернувшихся домой. Они не многословны, но пропитаны трогательной заботой о мамах и папах, о братишках и сестренках, бабушках и дедушках, а также страстным желанием жить и снова встретиться с близкими людьми.

Наши ребята попадали в чужую страну, в чуждую, непривычную среду, как на край земли. Ведь многие из них, этих мальчишек, не выезжали до этого за пределы родной области.

И было там, далеко от Родины, немало чему удивляться: надрывным крикам муэдзинов, по несколько раз в сутки сзывающих мусульман на молитву, женщинам в черном, похожим на призраки. Они напоминали «духов» своим бесплотным, неосязаемым видом.

Было больно смотреть на чумазых афганских мальчишек – искалеченных, с оторванной рукой или ногой.

Нашим ребятам не было известно чувство страха и опасности, оно пришло позже, когда окунулись в круговерт событий.

Ежедневно, нередко по несколько раз в сутки к ним обращались афганские товарищи с просьбой разминировать дорогу или дом, поддержать «огоньком» попавшую в засаду группу бойцов афганской армии, обезвредить ту или иную крупную банду, терроризирующую население, захватить выслеженный верблужий караван с оружием и боеприпасами,двигающийся из Пакистана.

Наши воины, солдаты и офицеры, мужественно и честно выполняли свой долг. А погибшие, по официальным данным, приблизительно 15 тысяч, похоронены хотя и с почестями, но как-то негласно, с какой-то виноватой боязливой тайной. К чему бы это? Такой «несуразице», мягко выражаясь, нет и не будет оправдания!

Генерал-полковник Г. А. Стефановский, бывший член Военного совета Туркестанского округа, в своей книге «Пламя афганской войны» не скрывает: «Фамилии, имена и отчества погибших уже замелькали в разного рода донесениях, документах и справках, а в радиоэфир пошли под мрачным кодом «ноль двадцать первый».

Через некоторое время обрабатывают, обернут целлофаном, заварят в цинковый гроб, оставив маленькое окошечко, и обобьют досками. Пройдет прощальный краткий траурный митинг. Боевые друзья проводят в последний путь своего товарища и будут вспоминать, как, когда виделись с ним в последний раз, с живым еще старшим лейтенантом или сержантом. Затем «ноль двадцать первый» погрузят в большой транспортный самолет, бортмеханик осмотрит опечатанные деревянные ящики, пометит что-то в бумагах и доложит командиру экипажа, что все готово к перевозке на Родину.

Трудяга-самолет с этого момента получает название «черный тюльпан». Это радиопозывной. Им вызывали самолет. «Груз двести» – так по коду обозначали погибших. Гроб с телом погибшего сопровождал или тот, кто был с ним в последнем бою, или друг, или офицер из той части, где он служил. В самолете, который отправлялся на Родину, кроме экипажа никого не было. Он летел по очереди в те города, поселки и села, откуда были погибшие.

Хоронить «афганцев» с почестями на Родине не полагалось. Хоронили тихо, но о горе родителей узнавали многие. Как бы строго ни запрещали надписи на могилах «Погиб в Афганистане», все знали – погиб именно там. К чему бы это, зачем эта таинственность, граничащая с пренебрежением к своим офицерам и солдатам? Тупость и слабоумие политического руководства, видимо, так.

Главу «Афганистан» закончим песней о «черном тюльпане» А. Розенбаума из его книги «Никто не создан для войны».

В АФГАНИСТАНЕ

*В «черном тюльпане»
С водкой в стакане
Мы молча плывем над землей.
Скорбная птица через границу
К русским зарницам
Несет ребятишек домой.*

*В «черном тюльпане»
Те, что с заданий
Едут на родину милую
В землю залечь.
В отпуск бессрочный,
Рваные в клочья.
Им никогда, никогда не обнять теплых плеч.*

*...Опять везти на родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют.
Но надо добраться.
Надо собраться,
Если сломаться, то можно нарваться и тут.*

*Горы стреляют,
«Стингер» взлетает.
Если нарваться,
То парни второй раз умрут.*

(Текст дан в сокращении.)

И все же они возвращались домой не в цинковых гробах на крыльях «черного тюльпана». Они, выполнив свой долг, сохранив верность воинской присяге, возвращались домой, награжденные орденами и медалями.

В своей книге, посвященной нашим череповецким «афганцам», мы сделали первую попытку показать наших ребят такими, какими они были. Из городских мирных мальчишек – 18-19-летних тогда – они превратились в смелых и решительных воинов. Конечно, не сразу. Но не трусили, не убегали от опасностей, встречали их лицом к лицу. Многие вернулись ранеными, контужеными, больными от знойного, непривычного климата Афганистана, немало

месяцев провели в госпиталях. А некоторые не вернулись вообще, пропав без вести.

Заботливо прибранные могилы на череповецких кладбищенских мемориалах заставляют содрогаться от бессмысленных и ненужных потерь.

Но из истории многострадальной России не вычеркнуть эту необъявленную войну. Что было, то было.

ПЕРВЫМИ БЫЛИ ПОГРАНИЧНИКИ

ХОМЯКОВ В. П.

О том, что перед вводом советских войск в Афганистан туда были направлены группы пограничников, знает далеко не каждый. Да это и не афишировалось. Делалось тайно, без огласки. Недавно мне довелось познакомиться с одним из них – майором пограничных войск Виктором Петровичем Хомяковым.

В 1967 году он закончил в Рязани военное училище связи, в следующем, 1968-м, был уже в Чехословакии, где происходили волнения оппозиции, а в 1969 году военная судьба забросила его на остров Даманский в период стычки с китайцами. Далее служба в Алма-Ате, вызов в Мос-

кву и трехмесячные курсы для подготовки к работе в Афганистане. Он был определен в состав пограничных войск КГБ.

«23 марта 1979 года, – рассказывает Виктор Петрович, – нас, офицеров и прапорщиков, в составе 20 человек переправили в Кабул – столицу Афганистана. Разместили в посольстве, где нас принял посол А. М. Пузанов.

В апреле 1979 года афганские революционеры партии НДПА отмечали 1-ю годовщину Апрельской революции.

Казалось, ничто не предвещало трагических событий – начала затяжной войны. Мы, пограничники, охраняли наши представительства в Кабуле, сопровождали советников и работников посольства при их выезде из Кабула, занимались другой специфической работой, присущей пограничникам.

Встречались мы и с руководителем Афганистана – Тараки Амином.

Осенью 1979 года, ясности в обстановке не было, но 15 наших ребят-пограничников отправили в провинции.

Вскоре в Кабул прибыла вторая, более многочисленная группа пограничников. Они входили в состав КГБ и действовали совместно с работниками госбезопасности СССР».

Более полугодя выполнял свою работу в Афганистане Виктор Петрович, выполнял честно, добросовестно, как и положено советским пограничникам.

А далее командование направило его на охрану посольства СССР в Грецию, где он пробыл три с половиной года.

После распада Советского Союза Виктор Петрович и его сын Олег, тоже пограничник, окончивший Алма-Атинское высшее пограничное командное училище, продолжили службу в пограничных войсках Республики Казахстан, добросовестно выполняли свой долг.

Ныне они трудятся на мирной ниве. Олег Викторович защитил кандидатскую диссертацию, стал кандидатом философских наук. Жена Виктора Петровича, Нина Петровна, разделившая с мужем волнительные дороги, также продолжает трудиться.

МОЛОДОСТЬ И ДРУЖБА БРАЛИ СВОЕ

БИРЮКОВ О. В.

Олег Бирюков родился в большой крестьянской семье. Его родители жили в селе Большой Двор, что недалеко от Череповца. Село было зажиточное и много-ремесленное. Так, дед Олега занимался выделкой кожи и шил добротные сапоги. Тогда это было хорошим подспорьем для семьи, где смекалкой и умением отличался каждый из ее членов.

Со строительством металлургического завода изменился уклад крестьянской промысловой жизни. Еще бы: под боком такая громадина, требующая большого количества рабочей силы.

Отец Олега, Вениамин Александрович, подался на ЧМЗ, многие члены семьи Бирюковых также ушли работать на металлургический гигант. Семь лет (с 1985 по 1993 год) вальцовщиком цеха холодного проката проработал и Олег. Но до этого он успел закончить 8 классов в 21-й

средней школе и лесомеханический техникум, а главное – с честью выполнить свой конституционный долг в рядах Советской Армии.

Далекий 1983 год. Таджикистан, город Термез, где два с половиной месяца Олег проходил курс специальной военной подготовки. Из учебной части был направлен в 180-й мотострелковый полк, в разведроту. Служба с июня 1983 по май 1985 года проходила в этой орденоносной части. В лице Олега разведроты получила сильного, уверенного в себе бойца. Ему было всего 19 лет. Но к этому времени Олег имел большой список спортивных достижений. Он был капитаном сборной Вологодской области по морскому многоборью, выполнил норматив кандидата в мастера спорта.

Служба в армии не была для него обузой. Но Афганистан – страна особая, и многое давалось нелегко: обеспечение продвижения колонн с грузами, поддержка пехоты, которая действовала в ущельях и горах, зачистки кишлаков совместно с подразделениями афганской армии – все это требовало большого морального и физического напряжения. Чаще других подразделений полка разведроты принимала участие в засадных действиях по реализации агентурных данных, выслеживанию и захвату караванов с оружием, патрулированию автодороги Кабул – Джелалабад. Со слов Олега, «мы хорошо трянули одну из банд на одном из участков дороги».

«Дружба и сплоченность, – говорит Олег, – помогали нам преодолевать все невзгоды и опасности. Сергей Кабанов, Аркадий Корнев, Юра Кузнецов, Сергей Родичев, Дима Васильев, Валера Воронцов, Саша Лазарев, – с любовью вспоминает он своих друзей.

А ведь некоторых уже нет в живых. Малярия, желтуха, тиф, дифтерия беспощадно подрывали здоровье наших ребят.

Молодость брала свое: нравилась природа Афганистана – красивые горные луга, ореховые рощи, сосновые леса. Но приходилось всегда быть в напряжении. Однажды в ущелье Панджер нарвались на тщательно подготовленную душманами засаду. С помощью надежной военной техники и оружия, накопленного боевого опыта и мастерства в ходе кинжальной перестрелки сумели прорваться.

За два года службы мы потеряли почти половину наших ребят из 50.

Что там говорить, – подводит итог Олег Вениаминович, – многих наших ребят Афганистан покалечил.

Мы крепко скучали по Родине. Я долго переписывался с девушкой Олей, переживал, да и остальные ребята тоже. Скучали по дому и радовались каждому пришедшему из Союза письму. Себя мы в обиду никому не давали. Наша рота была дружной, уверенной в себе и на хорошем счету у командования».

Медаль «За боевые заслуги» и многие другие награды украшают грудь нашего земляка.

РАЗВЕДЧИК

БОРОУХИН Г. Н.

Два года своей армейской службы отдал Георгий Афганистану. Попал он туда, как и многие наши ребята, осенью 1980 года, почти через год после ввода ограниченного контингента войск.

«Из Череповца, – рассказывает он, – вместе со мной были еще 11 ребят, в том числе Виноградов Сергей, Бесенков Павел, Яковлев Олег, Годунов Александр и другие.

Сначала Вологда, где мы узнали, что, вероятнее всего, нам светит Афганистан. Страну эту мы знали только по урокам географии, почти понаслышке. Двухмесячный курс молодого бойца проходили в Каракалпакской АССР, учились, как добывать воду в пустыне, стрелять из автоматического оружия и другим премудростям армейской жизни.

С первым же выпуском из учебки я попал в Кабул, на так называемую пересылку под названием «теплый стан». Это было место распределения бойцов по воинским подразделениям, разбросанным по Афганистану».

Служба Георгия проходила в 66-й мотострелковой бригаде, в разведроте. В нее отбирали наиболее толковых, физически крепких ребят славянского происхождения. Так, видимо, было надежней. Разведка есть разведка, это глаза и уши армии.

«У меня, – рассказывает Георгий, – сложилось хорошее мнение о наших старших товарищах, которые уже готовились к демобилизации. Они охотно делились с нами опытом борьбы с неуловимым порой противником, рассказывали о его тактике, о его коварных приемах, учили нас, первогодков, умению вести себя в бою и реагировать на опасность. Их опыт нам очень пригодился. Ведь страна для нас была совершенно чужая, война шла без линии фронта».

С января 1981 года Георгий вместе с ребятами часто ходил в рейды, в засады на моджахедов.

«Духам», – говорит он, – очень хотелось разгромить Джелал-бадский аэродром, где стояли наши самолеты и вертолеты. Однажды нас, разведчиков, в составе сравнительно небольшой

группы направили на прочесывание местности вокруг аэродрома. Была ночь, темная южная ночь, когда с трудом видишь и ощущаешь идущего впереди товарища. Группу возглавлял лейтенант Аверьянов.

Спускаясь к арыку, мы неожиданно наткнулись на моджахедов. По нам полоснули автоматы противника. С ходу, что называется, плюхнулись в грязь около арыка, головы поднять было невозможно. Мне резануло пулей по спине, ранение касательное, неглубокое, но крови потерял много. А вот наш разведчик Вася Косташенко погиб. Это было мое боевое крещение».

Спрашиваю Георгия: «Выполнили ли вы свое задание?» «Да, – был ответ, – выполнили. Мы сорвали дерзкий замысел противника, в этом нам помогли вертолетчики, которых мы вызвали на подмогу.

Обнаруженные моджахеды убрались восвояси. Ну а я три недели провел в джелалабадском госпитале, затем снова разведроты.

Вскоре в составе 2-го батальона бригады я был направлен в г. Асадабад. В пути наш мощный ЗИЛ-130 подорвался на mine, разнесло всю переднюю часть машины, были раненые, я получил контузию, но остался в строю.

Очень многие наши солдаты и офицеры, – продолжал Георгий, – переболели желтухой. Меня она тоже не миновала. Было это уже после рейда в Асадабад. После двух месяцев лечения в Узбекистане – снова в свою роту, и снова рейды, засады, операции.

По агентурным данным мы делали предварительную проверку кишлаков, в которых нередко находились склады с оружием для моджахедов. Во время одной из таких проверок, когда мы накрыли склад с оружием, при возвращении обратно были обстреляны. Я получил огнестрельное ранение в правую руку. Снова госпиталь в Джелалабаде. Молодость брала свое, опять вернулся в строй.

Как-то из нашей роты в Кабул за продовольствием была направлена боевая разведывательная десантная машина (БРДМ). Я напросился пулеметчиком. В ходе поездки попали мы под сильный пулеметный огонь. Было это при подходе к так называемому «чертову мосту». Моджахеды били с гор и валунов. Наша боевая машина вместе с другими оказалась под обстрелом. 11 человек были ранены, некоторые тяжело. Чтобы отогнать «духов», вызвали вертолеты. Их они очень боялись. Только так удалось прорваться».

Демобилизовали Георгия в ноябре 1982 года.

«Вышел я рано утром из московского поезда, и мне не поверилось, что нет больше засад, нет «духов» – коварных и злых. Все

кругом родное, спокойное. Подошел к своему дому, сел на скамейку и сидел в каком-то оцепенении. Жили мы тогда на первом этаже, и надо же так случиться, вскинул голову, а в это время шторку откинул отец, Новомир Иванович. Сколько было радости у моих родителей, а также у бабушки Ксении Николаевны, ведь она растила меня с годика до 1-го класса школы».

Все же задаю вопрос: что дали Георгию годы службы в Афганистане, этой не совсем понятной для нас стране?

Ответ был такой: «Научили ценить и уважать дружбу. В нашем поколении осталось воспитанное в нас чувство патриотизма, многое зависит от воспитания в семье, от родителей и школы. К сожалению, некоторых наших ребят крепко сломало, ожесточило характер. Что уж говорить о родителях? Это особая статья».

В заключение беседы он спросил меня, интересуюсь ли я стихами наших «афганцев». Да, этими стихами, идущими от сердца наших парней, бесспорно, интересуюсь, и не только я, а многие. Георгий прочитал.

А солнце печет
Раскаленное, злое,
А мне бы напиться,
Да нет здесь ручья.
А небо большое
Такое чужое.
Чужой горизонт
И чужая земля.
Треск пулемета
Раздался внезапно.
Кто-то упал,
Захлебнувшись в крови.
И вперед двинулись
Наши солдаты
С криком «душманов дави».
Ах! Это были такие
Минуты, что обо всем
Не расскажешь за час.
Да и рассказывать зачем
Нам кому-то,
Все, что мы видели,
Останется в нас.

Орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» отмечен боевой путь Георгия. Учился он в 6-й средней школе нашего города, затем в 35-м ПТУ.

САПЕР

ВИНОГРАДОВ С. А.

Сергей Алексеевич вот уже более 17 лет является председателем клуба воинов-интернационалистов, последние годы – на добровольной основе.

«Ранее, – говорит он, – я был членом горкома комсомола, и мне доплачивали за эту работу. Теперь нет.

Но работы хватает, вместе с Олегом Александровичем Серегиним, возглавляющим городской союз ветеранов – воинов в Афганистане, организуем встречи с ребятами-«афганцами», участвуем в художественной самодеятельности, выступаем перед студентами и школьниками, помогаем друзьям, попавшим в беду.

Еще работая в горкоме комсомола, – вспоминает Сергей, – в период празднования 45-летия Победы над фашистской Германией, я ездил в Мо-

скву в ЦК КПСС с ходатайством об оказании помощи нашему другу-«афганцу» Варникову Евгению. У него был поврежден позвоночник, и он нуждался в срочной операции.

Ходатайство помогло, санитарным самолетом он был доставлен в Москву, прооперирован. Кроме того, мы помогли получить ему квартиру».

Родился Сергей в 1962 году в Череповце в семье Алексея Николаевича и Нелли Ивановны Виноградовых. Отец работал на азотно-туковом заводе, мать на ЧМК, в цехе производства предметов народного потребления (ППНП).

«Учился я в средней школе № 15, но с разрывом, 5-й и 6-й классы заканчивал в Иране. Туда был как специалист широкого профиля командирован мой отец для восстановления иранской

экономики. Мать тоже была с нами. Сравнивая Иран с Афганистаном, я нахожу что-то общее и в то же время разное. Общее в том, что оба государства мусульманские, а разница – в развитии экономики и в государственной структуре.

Афганистан – это XIV век, полуфеодальное, кланово-племенное государство. Иран, конечно, более развит во всех отношениях – XX век».

После окончания 10-го класса Сергей отработал год в цехе КИП и автоматики ЧМК, а тут и армейская служба подоспела. 7 октября 1980 года его призвали в ряды Вооруженных Сил Советского Союза.

Вместе с земляком Георгием Бороухиным прошли курс молодого бойца в инженерно-саперном батальоне.

«Было нас, вологодских, – вспоминает Сергей, – 45 человек. Помню Годунова Сашу, Васильева Диму, Бесенкова Павла и Яковлева Олега.

В Каракалпакской АССР, в г. Тахла-Таш, нас учили ставить минные противотанковые поля, подрывать рельсы и многим другим премудростям армейской службы».

А в конце декабря 1980 года распределили по воинским частям.

Сергей попал в Афганистан в 45-й отдельный инженерно-саперный полк, подчинявшийся штабу 40-й армии, г. Чарикар.

«Выполняли специальные задания, – говорит он, – от Кандагара до Файзабада (северо-восточный Афганистан). Там стоял наш мотострелковый полк. Мы минировали ущелья вблизи автотрасс, сопровождали боевые и гражданские машины, занимались ремонтом дорог».

Обстановка в Афганистане в годы службы Сергея была, как, впрочем, и впоследствии, довольно сложной.

Моджахеды, скованные в своих действиях советскими частями, предпринимали отчаянные усилия по проведению кратковременных операций, сочетали террористические и диверсионные действия со злобной пропагандой в адрес «оккупантов». Вооруженные силы ДРА не способны были вести боевые действия с моджахедами, и основная тяжесть борьбы с противником легла на плечи воинов 40-й армии. Однако военные успехи не закрепились на местах органами афганской власти.

«7 ноября 1982 года в туннеле Саланга «духами», так называли наши солдаты моджахедов, был совершен крупный террористический акт, задохнулись многие ребята из нашей роты, – говорит Сергей. – Судьба, видимо, повернулась ко мне лицом, в тот день я был уже дома, так как демобилизовался 2 ноября. В це-

лом же отдал Афганистану два года своей жизни. Вернулся живым и здоровым.

А сколько там осталось наших ребят?! Мама-мамочки! Если бы знали, как часто ваши дети в часы смертельной опасности обращались к вам, шептали спекшимися губами последние слова, адресованные вам».

В 1981 году СССР потерял в Афганистане 1298 человек, в 1982-м – 1948, в 1983-м – 1446 солдат и офицеров, 1984-м – 2343 человека, в 1985-м – 1868, в 1986-м – 1333 человека, в 1987-м – 1215 человек, в 1988-м – 759 солдат и офицеров, в 1989-м – 53 человека. И это неполные данные. Сотни наших солдат и офицеров пропали без вести.

«Много наших ребят, – рассказывает Сергей Алексеевич, – подрывались на минах. Минная война с 1981 года приобрела массовый характер. Причем мины были с сюрпризами, и было нелегко с ними работать».

Война со стороны моджахедов велась и на коммерческой основе, то есть за убийство солдата – одна цена, офицера – другая, за подрыв боевой машины – третья, вертолета – четвертая, большая.

Одним словом, такая картина наблюдается и в Чечне.

В звании сержанта, заместителя командира взвода прибыл домой Сергей Виноградов. Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» был на его груди. И снова работа в цехе КИП и автоматики «Северстали».

Работа работой, но молодость и энергия брали свое. Нашлись таланты, певцы и поэты. С помощью клуба воинов-интернационалистов организовали художественную самодеятельность. Публичные выступления «афганцев» захватили души многих череповчан. Они и сейчас проходят при полной аудитории.

Сергей Алексеевич является душой художественных выступлений «афганцев». Его стихи, положенные на музыку, нельзя слушать без волнения. Они проникают глубоко в душу многих. Привожу одно из его стихотворений:

*Палящее солнце, раскаленный песок.
Горы, дувалы, ты попал на Восток.
Жизнь нам дается прожить только раз.
Но в один миг все решили за нас.*

*Вместо гитары потертый АК,
Боекомплект, сухпак и судьба.
Мины, засады душманов в пути.
Все предстоит нам с друзьями пройти.*

Войну мы знали по кино и из рассказов ветеранов.
А здесь пришлось нам постичь науку воевать.
Крутые скалы, кишлаки и бой жестокий в Афгане.
И радость встреч, и боль потерь.

И жизнь, и смерть в глазах солдата.
Вихрь смертоносный над страной прошел
Десятилетием «черных тюльпанов».
Сколько пыльных дорог, «зеленок», крутых перевалов

Нашим русским ребятам за речкой пройти довелось.
Им, кто обратно живыми вернулись домой.
Там поклялись не забыть, что в душе пережили,
Радость побед, возвращение из ада живыми,

Павших друзей и проверку на прочность огнем.
Горы выпускают ребят из объятий, гордых, сильных.
Журавлиный клин летит на простор родной России.
И над нами тишина ласково расправит крылья.
И афганская война будет лишь в кошмарах сниться.

2004 год

ОН СЛУЖИЛ В СПЕЦНАЗЕ

ГЕЙДЕЛЬ В. Н.

Владимира Николаевича Гейделя в Череповце знают многие. Он активный участник общественных мероприятий, проводимых в городе. К тому же председатель Вологодской региональной организации инвалидов афганской войны.

А вот об афганском периоде его службы в рядах Советской Армии знают, пожалуй, немногие.

Мне довелось несколько раз побывать у полковника В. Н. Гейделя на квартире, куда он меня любезно пригласил, и побеседовать с ним об афганской войне, в которой он принимал участие с сентября 1982 по сентябрь 1984 года, то есть в течение двух лет. Разговорить Владимира Николаевича на эту тему оказалось нелегко, хотя я его знаю как человека общительного, контактного. «Знаешь, если я начну все это вспоминать, то наверняка лишусь сна». Встреча проходила в надвигавшихся сумерках короткого ноябрьского дня. Не знаю, удалось ли ему поспать в ту ночь, но разговорить его удалось.

Владимир Николаевич, тогда еще в звании подполковника, участвовал в боевых действиях на территории Афганистана в должности заместителя начальника политотдела по работе с населением и военнослужащими ДРА, а также по спецпропаганде на бандформирования. «Но исполнять приходилось, – говорит он, – многие должности, от командира батальона до командира бригады, как это было в Джелалабаде. Происходило это из-за быстрого выбытия из строя офицеров, особенно по болезни (тиф, малярия, гепатит). Отлежал и я более месяца в госпитале Кабула, но опять в строй, получил две контузии от подрывов техники, но продолжал службу».

В ходе одной из бесед Владимир Николаевич развернул карту Афганистана, приобретенную им в период войны. Вместе с интересом рассматривали зону боевых действий, которую курировал В. Н. Гейдель, а точнее принимал участие во многих операциях и боях с душманами. Три провинции – Лагман, Кунар, Нангархар – входили в зону «Восток», расположенную на опасной границе с Пакистаном.

Активно действовали в этом направлении и иностранные так называемые советники. «В провинции Лагман, – рассказывает Владимир Николаевич, – нам довелось столкнуться с этими советниками. Наши ребята, кстати, выпускники Череповецкого военного училища радиозлектроники, перехватили переговоры душманов и их советников с базой. Велись они на разных языках, и нам пришлось искать переводчика, владеющего несколькими языками.

Расшифровали переговоры. Оказалось, что в одном из ущелий в

горах этой провинции Лагман обоснован центр подготовки моджахедов, многие из которых прибыли из Пакистана.

К сожалению, взять советников не получилось – им удалось уйти. Но мощным огнем артиллерии было уничтожено 1300 моджахедов. В скале мы обнаружили грот, где располагались госпиталь, библиотека, столовая. Видимо, надеялись на неуязвимость.

Действовать мне приходилось не только в своей зоне, но и далеко за ее пределами, в том числе на Саланге, Кандагаре, Пули-Хумри, проводить чистки вокруг Кабула.

Потеряли мы много солдат и офицеров. У врага было немало хорошо подготовленных снайперов, умело использовавших складки горной местности. Один из таких снайперов расстрелял нашего земляка – вологжанина Андрея Амосова».

Привожу отрывок из книги «Пепел Афгана», где говорится о последних днях Андрея Амосова, о его гибели, тем более что в спасении его группы активное участие принимал Владимир Николаевич Гейдель.

«Из Пакистана шел очередной караван с оружием для отрядов оппозиции. Было это 8 апреля 1984 года. В тыл к мятежникам высадилась группа захвата. Бой оказался неравный. Пять человек этой группы были окружены и с караванной тропы начали отходить в горы, ведя тяжелый оборонительный бой. Командир вышел по радиации на разведку армии, доложил обстановку, но наступила ночь. Ночью в горах вертолетный поиск практически безрезультатен.

Утром по тревоге были подняты две десантно-штурмовые роты на выручку попавшим в тяжелое положение соседям. Замполитом одной из рот был Андрей Амосов.

С вертолетов они десантировались в район боя, но спецгруппу не обнаружили. Начались поиски. Если даже товарищи по оружию погибли, надо было найти их тела. Повзводно по гребням гор десантники начали прочесывать назначенный район в направлении перевала Суруби (главный перевал между Кабулом и Джелалабадом). Первые сутки поиска результатов не дали.

Андрей взял на себя командование частью роты и повел солдат по указанному маршруту.

Душманы устроили засаду, пропустили головную группу наших и открыли огонь. Взвод залег, заняв оборону, командир укрылся за камнем. Но душманы засели чуть выше по склону горы и били оттуда прицельным огнем.

Подавая одну из команд, Андрей приоткрыл себя и был ранен в голову. Бросившихся на помощь к командиру двух бойцов противник также успел расстрелять.

Душманы догадались, что ранен командир, и, сменив позицию,

повели по Андрею прицельный огонь. Снайпер попал ему в грудь и обе ноги. Андрей уже не мог двигаться и отползти за валун. Четырежды тяжело раненный, он все еще пытался подавать команды.

Взвод вел бой до темноты. Ночью десантники на руках спустили с гор своего замполита, скончавшегося от потери крови».

(Пепел Афгана. 1993. Архангельск. Северо-Западное книжное издательство. С. 17-19).

В этой операции принимал участие подполковник В. Н. Гейдель.

«Моей группе, – говорит он, – было поручено добраться до вершины и снять оттуда Андрея Амосова и его бойцов. Шли мы по ступенькам почти отвесной горы ночью, точнее, ползли, неся на себе боеприпасы, воду, продовольствие. Но когда поднялись до этого места, то узнали, что его уже спустила группа бойцов, оставшихся в живых. А нам командование приказало оставаться там. Внизу был кишлак, в котором прятались душманы, и мы должны были, хорошо замаскировавшись, вести наблюдение.

Наша группа, которой я руководил, была отлично подготовлена. Одним словом, мне приходилось в связи с изменением обстоятельств выполнять различные служебные обязанности. Главной же была работа с населением, а также агитационная и пропагандистская работа с бандформированиями. Были частые встречи в кишлаках, с аксакалами – старейшими жителями, которые там пользовались уважением, были встречи и с вождями племен. Мы разъясняли им нашу политику помощи афганскому народу. Все это было для них ново и сложно. Народ, пребывавший веками под гнетом феодальных режимов и заморенный исламом, плохо откликался на нововведение.

В моей группе было четыре офицера со знанием языков, а также инструктор, знавший фарси. Мы составляли паспорт населения, проживавшего в том или ином районе, помогали местным властям в работе с молодежью, занимались своего рода исследовательской работой.

Мои люди распределялись по боевым отрядам и уходили вместе с ними на операции. Были случаи гибели. Война есть война. Приходилось и мне ходить в боевых порядках батальона».

После Афганистана подполковник В. Н. Гейдель был направлен в Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники на должность заместителя начальника командного факультета по политической части и исполнял эту должность с января 1985 года по июль 1989 года.

Затем до апреля 1992 года, до увольнения в запас по болезни, работал преподавателем кафедры общественных наук (в 1982 году он заочно окончил Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе по специальности «История»).

Воинское звание «полковник» присвоено приказом министра обороны СССР 20 февраля 1989 года.

Владимир Николаевич за отличную службу имеет ряд правительственных наград, в том числе орден Красной Звезды, знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», почетный знак «50 лет спецназу ГРУ» (Главное разведывательное управление Советской Армии) и многие юбилейные медали.

В 1972 году приказом командующего ВДВ присвоено звание «инструктор парашютно-десантной подготовки». Им совершено 1564 парашютных прыжка с различных типов самолетов и вертолетов в различных условиях. Он участник многих соревнований, имеет звание мастера парашютного спорта.

А любовь к этому отважному виду спорта была еще в школьные годы, когда он, учась в школе-интернате № 4 г. Курска, занимался в курском областном аэроклубе. А затем была учеба в Харьковском военном авиационно-техническом училище. Было это в 1962 – 1965 годах. И если учесть, что Владимир Николаевич родился в 1944 году, то видим, что он еще совсем молодым прошел большую школу летной и парашютной подготовки, преумноженную впоследствии во много раз.

РАНЕНИЕ БЫЛО ТЯЖЕЛЫМ

ГРИЦЕНКО А. В.

Александр Васильевич Гриценко в 1976 году закончил Ленинградское суворовское училище, а в 1980 году – общевоинское четырехгодичное училище.

Непосредственная служба в Мурманске командиром мотострелкового взвода и направление в Афганистан.

Служба там оказалась недолгой. В одном из боев с душманами молодой лейтенант получил тяжелое ранение в ногу.

«Нашей разведывательной роте, – рассказывает Александр Васильевич, – была поставлена задача: проверить информацию о наличии банды «духов», вышед-

шей из близлежащей «зеленки» в районе Чарикара. В составе разведроты был и наш взвод. У нас было пять боевых машин пехоты (БМП), два танка, а также 30 афганских царандоевцев.

Двигаясь по направлению к «зеленке», попали под сильный обстрел со стороны высотки, расположенной в предгорье. Душманы выбрали выгодную позицию, просматривая местность.

В ходе короткого боя я получил ранение в ногу, оно оказалось тяжелым.

Душманы были хорошо вооружены и имели численное преимущество. С поля боя меня вывезли на БМП. Но по радиации мы успели вызвать артиллерию, и «грады» сделали свое дело. Более 120 «духов» было уничтожено.

Четыре наших солдата за этот напряженный бой получили боевые ордена. Я также был награжден орденом Красной Звезды.

Почти полгода молодой офицер лечился в госпиталях Кабула, Ташкента, Ленинграда. Затем – снова действующая армия, служба в Каменке под Ленинградом в должности командира мотострелкового взвода.

Но Александра Васильевича беспокоила рана, пришлось пройти комиссию. Он получил направление в военкомат Череповца и отслужил в нем с 1984 по 2004 год, без малого 20 лет. Подполковник запаса ушел на пенсию. В настоящее время работает менеджером в автоцехе «Северстали», отвечает за промышленную безопасность, безопасность движения, охрану труда.

Интересно, что его дед и отец тоже были военными людьми. Первый – участник гражданской войны, второй – Великой Отечественной. Оба – офицеры. Военную династию Гриценко поддерживает сын Сергей, окончивший Череповецкий военный институт. Старший лейтенант служит на Чукотке.

Вот такая военная династия Гриценко.

ВОДИТЕЛЬ БТР-70

ГУДКОВ С. В.

По моей просьбе Сергей Гудков, горновой доменной печи № 5, сам написал свои воспоминания о службе в Афганистане. Поэтому, сохраняя в основном его стилистику, передаю то, что написано.

«Три месяца я был в учебке в Армении, в г. Октемберли, а в феврале 1986 года попал в горный батальон, находившийся в г. Герат, в «штрафную» 7-ю роту водителем БТР-70. Эта рота вобрала в себя солдат – нарушителей воинского устава. Я к ним не относился, а просто был водителем грозной боевой машины, на которой совер-

шил 18 рейдов, связанных с операциями. Рейд длился порой больше месяца, иногда неделю. Счастьем казалось, когда приходили на базу без потерь. В роте было девять машин, когда уволился, осталось шесть.

Запомнились ожесточенные бои за г. Герат. Сколько там ни воевали, взять его полностью не смогли, даже после авиационных налетов. Нас встречал в Герате сильный огонь из всех видов орудий. «Духи» прятались в подземных колодцах.

В Герате я первый раз в жизни убил человека без применения

оружия. Перехватывали машины «Тойота» и мотоциклы. Несколько мотоциклистов хотели прорваться к своим. На одном перекрестке мотоциклист выскочил на меня, пришлось переехать его бэтээром. Внутри был холодок, даже голос изменился.

На реке Фарах вставали на «блок», через каждые 200 метров окружали машинами кишлак. Справа от меня раздался сильный взрыв. Белоруса Володю Вороза выбросило в открытый люк взрывной волной. Он остался жив, хотя потерял ступни обеих ног. Трех тяжело ранило. Остались ли они впоследствии в живых, не знаю.

В Кандагаре я участвовал в нескольких операциях. Один раз тоже брали караван и не заметили, как пересекли пакистанскую границу. Чудом избежали конфликта.

Я был представлен к награде «За боевые заслуги».

В пустыне Чигчиран освобождали нашего пленного водителя. Машина была подбита, а его моджахеды взяли в плен. Они положили водителя на бетонку, присоединили растяжки и начали нас обстреливать, когда наша рота при поддержке танков стала приближаться к этому месту. У них была выгодная позиция, а мы были на открытом месте. Бой шел целый день, и только к вечеру саперы освободили пленника, правда, уже мертвым.

Наши потери: БТР и танк.

Там, в Кандагаре, вместе с прапорщиком обходил посты, и попали мы под минометный обстрел. Нас спас тростник в арыке, осталось его до нас метра два. Остальное было срезано минами, как но-

жом. Были мы все в пыли, лица избиты мелкой каменной крошкой, но я считал, как и мой однополчанин, что родились в рубашке.

В Кандагаре потерял друга, Женю Афанаскина из Рязани. За день до своей гибели на операции он сделал на плече мне наколку, осталась на память, а его нет.

Запомнилась операция в Чигчиране. Особенно тяжелой она оказалась для водителя. Целую неделю забирались по серпантину на вершину горы. Там была точка небольшого подразделения афганцев, поддерживающих революционную власть. Царандой – так назывались вооруженные силы ДРА.

Мы везли им боеприпасы и продукты. У многих машин выбивало 1-ю пониженную скорость. Проявляя смекалку, приходилось идти вверх задним ходом.

В общем, на войне как на войне. Но когда возвращались, все были рады, что этот кошмар уже позади.

Однако через неделю пришлось ехать туда снова. Оказалось, что всех царандоевцев на той точке после нас вырезали. Пришлось сопровождать новых вояк.

В последних рейдах появился страх, захотелось вернуться домой живым.

В Череповце узнал о гибели Олега Кулакова из Ботова, он попал в засаду в Кабуле. Ежегодно 28 декабря ездим к нему на могилу с друзьями-«афганцами». Не забываем мать – маму Галю».

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

ГУСЕВ Е. Б.

На второй день после прибытия в Афганистан капитан Гусев получил первое боевое задание. В четыре часа утра подразделение разведчиков было поднято по тревоге и направлено на помощь афганской милиции для прочесывания населенного пункта и прилегающего к нему участка местности, где укрылись душманы. Первый боевой выход оказался успешным, три мятежника сдались, один погиб в перестрелке. Советские разведчики и афганская милиция потерь не имели.

После было много боев, этот запомнился особо, потому что был первым и проведен без предварительной разведки, в непривычных условиях, воины шли в неизвестность. У Гусева еще не было опыта, и в такой обстановке идти в бой было страшновато. Здесь, на горячей земле Афганистана, он проявил лучшие качества воина-интернационалиста. Показывая пример доблести и самоотверженности, Гусев с честью выходил из труднейших ситуаций. За девять

месяцев он много раз участвовал в оказании помощи афганским войскам, проявляя при этом мужество и героизм, за что награжден орденом Красной Звезды.

Расскажем об одной из операций. Она была проведена летом против крупной банды душманов. В ней Е. Б. Гусев принимал участие в должности начальника разведки воинской части. В его подчинении было несколько разведывательных групп.

...Подразделение десантников выстроилось на плацу. В строю стоят опытные, не раз

побывавшие в деле молодые ребята, с которыми Евгений Гусев пойдет на очередную боевую операцию. Задача поставлена четко и лаконично. Разведчики с автоматами, снайперскими винтовками, гранатами, приборами для бесшумной стрельбы и наблюдения, тяжелыми рюкзаками, в которых запасы боеприпасов, продуктов и воды, быстро заняли места в бронетранспортерах. Ночью под покровом темноты они через два часа прибыли на место.

К этому времени Е. Б. Гусев уже имел немалый боевой опыт и хорошо знал тактику «духов». Душманы умело вели боевые действия в горах, открытого нападения избегали, устраивали засады, действовали осмотрительно, напролом не лезли, а если сами оказывались в блокаде, то дрались с ожесточением. Десантники шли по горному хребту около трех километров, на это потребовалось шесть часов. Впереди следовало подразделение разведчиков под командованием капитана Гусева. Они в комбинезонах, окраска которых сливается с цветом гор, в бронежилетах, с полной боевой выкладкой. Идут медленно, смотря под ноги, чтобы не наступить на мину или не сорваться вниз. Было тихо, но руки невольно сжимали оружие. В горах такое ощущение, будто ты уже взят на невидимый прицел душманом. Но об этом думать некогда. На высоте трех тысяч метров кислорода не хватает, бойцы обливаются потом, а до цели еще далеко. Особенности боевых действий в том, что в горах мало удобных площадок для высадки десанта, трудно доставлять в горы боеприпасы, ограничены запасы воды и продовольствия, сложно эвакуировать раненых и больных. Выдержать могут только тренированные бойцы.

Годы научили Е. Б. Гусева оценивать свои возможности. Во время службы в Закавказском военном округе он совершил 118 прыжков с парашютом, прошел полный курс горной подготовки и скалолазания, еще во время учебы в школе и военном училище уделял много времени физической подготовке.

К утру одолели очень трудный маршрут и вышли к долине, в которой была сосредоточена группировка душманов, и закрепились на пути возможного отступления врага с задачей сдержать отход. Выбивать «духов» из насиженных мест будут другие подразделения, они уже блокировали долину. Неожиданно мощный взрыв расколол тишину гор, бойцы с ужасом увидели, как лавина каменных глыб обрушилась на тропу, по которой они только что прошли. Десантников накрыли тучи едкой пыли. Под грохот падающих камней, в облаке белой пыли душманы поднялись и бросились на позиции разведчиков, но были встречены метким, беспощадным огнем и шарахнулись прочь. Хладнокровие и трезвый расчет, отличная боевая выучка, отвага и мужество разведчиков обеспечили победу.

Наступила ночь – время повышенной бдительности и осматрительности, постоянной готовности к бою. Глядя на яркие афганские звезды, Женя Гусев вспомнил детство в своем родном Череповце, среднюю школу № 21, в которой учился, подумал о том, как хорошо бы рано утром пробежаться босиком по росе, переехать на теплоходе через Шексну и махнуть в сосновый бор по грибы. В Череповце жили его родители: отец Борис Николаевич, мать Мария Дмитриевна. После отправки Гусева в Афганистан приехала в Череповец его семья – жена Наталья Александровна с маленькими сыновьями Олегом и Димой. Конечно, он скучал по дому, беспокоился о детях, жене, родителях. Вспоминал, как промелькнули годы учебы в Череповецком высшем военно-командном училище связи.

...Бой начался утром. Вертолеты огневой поддержки нанесли мощный удар по врагу, потом ударила реактивная артиллерия, заговорили минометы, зенитные орудия стали поражать наземные цели. На позиции душманов обрушилась вся мощь огня афганских воинских частей. В различных местах вспыхивали яростные перестрелки, противник бил реактивными снарядами, из минометов и безоткатных орудий.

Два дня шел жестокий бой. Формирования мятежников были разгромлены, база снабжения ликвидирована, захвачено много трофейного оружия и боеприпасов.

Разведчики выполнили свою задачу и через неделю возвратились в пункт постоянной дислокации. Они дрались отчаянно и отдыхали красиво. Играли на гитарах, лихо отплясывали русского, пели частушки. С особым чувством исполняли песню:

*Бой грохотал в окрестностях Кабула,
Ночь осветилась всплесками огня...
Не сломило нас и не согнуло,
Видно, люди крепче, чем броня.*

После непродолжительного отдыха десантники были направлены на охрану объекта в соседнюю провинцию.

...Вертолет завис над маленькой площадкой в ложине между гор. Разведчики выскочили на землю, разбежались в разные стороны, укрылись за дувалами и заняли круговую оборону. Стали подходить другие машины, их прикрывали вертолеты огневой поддержки. Выброска десанта в заданный район прошла успешно. Ребята из подразделения Гусева, вскинув тяжелые рюкзаки на плечи, стали осторожно продвигаться по горной тропе. Прошли более пяти километров. За серые горы не спеша опускалось ласковое солнце, по небу плыли легкие облака, наступил вечер. Пыльный ветер-«афганец» стих, от кишлака тянуло дымком, духом печеных лепешек. Они скоро достигнут цели, и будет возможность расслабиться и отдохнуть.

Вечернюю тишину разорвали автоматные очереди: разведчики нарвались на засаду. Гусеву обожгло левую ногу, словно шмель

ужалил. Он сделал попытку укрыться за дувалом, нога неестественно подломилась, и Евгений рухнул на землю. Через несколько секунд режущая боль охватила его целиком.

Завязался бой, в котором разведчики показали все, на что они способны, и быстро расправились с душманами. Командиру была оказана немедленная помощь, солдаты ввели пять доз промедола, сделали перевязку, уложили на носилки, осторожно перенесли до бронетранспортера, а потом он был доставлен на вертолете в Кабул. Тяжелый огнестрельный перелом голени с нарушением сосудов и обширным повреждением мягких тканей срастался очень долго. Гусев лечился в госпиталях восемь месяцев, было сделано три операции. Он героически проявил себя в боях, но и в госпиталях от него потребовалось не меньше мужества. Врачи спасли ногу, но ограничения в движениях остались, и Евгений Борисович Гусев был направлен для прохождения дальнейшей службы в Череповецкий райвоенкомат. Воин-интернационалист, опытный разведчик, офицер воздушно-десантных войск вынужден был переквалифицироваться. Он быстро вошел в коллектив, освоился с новыми обязанностями и успешно их выполняет. Ему присвоено очередное воинское звание – майор, коммунисты парторганизации райвоенкомата приняли его в члены КПСС. Вернувшись из боя, он остался в строю.

П. Костин

СТАРШИЙ САПЕР

ЕГОРОВ Ю.

Юрий Егоров с 1978 года живет в Череповце, по рождению он – белозер. Там, в Белозерске, древнейшем живописном русском городе, он закончил 10 классов средней школы. Затем учеба в Череповецком учебно-курсовом комбинате на автоэлектрика. Было это в 1978 – 1979 годах, и в том же 1979 году, в апреле, был призван в ряды Советской Армии.

Служба началась в п. Котлы под Ленинградом в инженерно-саперном полку. Пройден курс молодого бойца, а вскоре г. Термез, что в Узбекистане. Прибыл туда очередным воинским эшелоном. Там сосредоточилась большая группа наших войск, различная боевая техника для переброски в Афганистан.

«18 февраля 1980 года, – рассказывает Юрий, – мы своим ходом, автоколонной прибыли в конечный пункт назначения Чарикар, недалеко от Баграма, где был один из наших аэродромов. Мы

же сразу взялись за обустройство своего лагеря, подготовили место, раскинули палатки. Были мы примерно в 56 километрах от Кабула, столицы Афганистана.

Вскоре приступили к своей непосредственной работе: началось это уже с марта 1980 года.

Идут на задание десантники в район малоизученный, мы с мотоперфораторами – инструментом для бурения отверстий. Бурим, закладываем тротил, взрываем. Все это делаем в предполагаемых местах укрытия «духов».

Наши ребята-саперы летали на границу с Пакистаном и прямо с вертолетов минировали места, по которым в Афганистан шли моджахеды.

В расположении своей части всегда соблюдали бдительность, так как нередко были случаи, когда «духи» пытались приблизиться к нашему лагерю. Мы открывали стрельбу.

Как-то раз с двухэтажного здания, казавшегося одиноким, расположенного недалеко от нас на трассе Чарикар – Кабул, был открыт сильный огонь из крупнокалиберного пулемета по нашему лагерю. Командир дал команду бить прямой наводкой из 45-миллиметровой пушки. Сорокапятка, которая не подводила и в годы Великой Отечественной войны, быстро вразумила «духов». После первых выстрелов они выбросили белый флаг.

В одном полку со мной служило несколько наших ребят-череповчан: Сергей Виноградов, Михаил Вязаницын, Алексей Гордин, Сергей Руднев, Иван Чеботарев, Александр Фуфлыгин и другие. Это сближало нас, крепко объединяло. Дружба – это что-то святое, русское».

Отвоялся Юрий и в госпитале, подхватив афганскую желтуху. Было это в Фергане – Узбекистане. Не по климату было нашим ребятам в Афганистане.

«Лежал со мной там и череповчанин Юра Мальцев, – говорит Юрий. – Впоследствии он погиб, выехал за расположение части в составе группы солдат, и попали они в засаду. Ребята обустроили баграмский аэродром, ездили за камнем, да не рассчитали коварство «духов».

В 1980 году Советский Союз потерял в Афганистане 1484 человека.

В мае 1981 года Юрий был демобилизован и по приезде домой поступил на работу в автоколонну № 1456. 24 года с тех пор, не меняя место работы, водит он уже четвертый автобус по городским маршрутам. Имеет ряд благодарностей и поощрений. Маме, Евгении Александровне, бывшей работнице спичечной фабрики, ныне пенсионерке, можно гордиться своим сыном.

ВОЕННЫЙ ТЕХНИК

ЖАРОВ В. Б.

Валерий прошел нелегкий жизненный путь и в свои 41 успел хлебнуть немало горького в жизни.

Его отец Борис Павлович, будучи бригадиром монтажников «Центрметаллургремонта» (ЦМР), трагически погиб на работе, было Валере тогда всего шесть лет, и чуть старше была его сестренка.

Свалившееся горе пало на Зою Ивановну, работающую старшей медицинской сестрой в одном из детских садов города. Выхаживала она – мать двоих детей – не только своих, но и по роду работы – чужих.

Ну а перед Валерой трагическая гибель отца поставила нелегкую задачу: пробить свой жизненный путь и стать самостоятельным человеком.

После окончания 8-го класса 10-й средней школы Череповца Валерий поступил в ПТУ-2 имени Бардина и, окончив его по специальности электромонтера, был направлен на работу в травильное отделение цеха холодного проката с отсрочкой от военной службы на три года. Казалось, работай, Валерий, ведь у тебя бронь, и в армию тебя возьмут не скоро. Однако заело парня, и заело похорошему. Его одноклассники служили, демобилизовывались, а он, как выразился сам, уже перерос свое армейское начало.

После ряда попыток, связанных с хождением в военкомат и к начальству цеха с просьбой отправить его в армию, ему уступили, и вскоре Валерий был направлен в самую южную точку СССР – Кушку. Два с половиной месяца продолжались карантин, прохождение курса молодого бойца и акклиматизация.

Интересуюсь у Валерия Борисовича: «Что дала вам предварительная подготовка в так называемом карантине?» «Да ничего! – просто ответил он. – Занимались погрузочно-разгрузочными работами. Много работали, мало спали. На учебу и изучение оружия времени не оставалось.

В феврале 1984 года уже из Ташкента я попал в Афганистан, где вовсю шла война с моджахедами. Служил в отдельном ремонтно-восстановительном батальоне, мастером по ремонту бронетехни-

ки, танкооборудования. Работы было очень много, бронетехника часто выходила из строя. Особенно после обстрелов моджахедами и подрывов на минах, да и дороги в горах таили немало опасностей для бронетехники.

Спали мы, когда придется, так как по ночам нас часто обстреливали».

Борьба с моджахедами, или, как их еще называли, «духами» и душманами, носила изнурительный характер. Обладая за счет своих покровителей из Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Китая, США новой военной техникой, особенно крупнокали-

берными пулеметами и гранатометами, имея более чем достаточное количество боеприпасов, пройдя выучку в специальных многочисленных лагерях, фанатично настроенные муллами моджахеды были опасными и изворотливыми противниками.

К тому же располагались они в хорошо известных им горных высотах, в расщелинах, за валунами, готовили запасные выходы и т.д.

Интересуюсь взаимоотношениями между нашими воинами и местным населением, проживающим в кишлаках.

Ответ Валерия был следующим: «Непонятные какие-то, на словах одно, на деле другое, в общем купи-продай!»

Из положения дел, сложившегося в тот период в Афганистане, мы знаем, что значительная часть местного населения, начиненная религиозным фанатизмом, шла на поводу у мулл – проповедников ислама и феодалов – владельцев ирригационных систем, арыков и плодородных земель.

«Мне часто приходилось сопровождать наши бронекolonны, – продолжал вспоминать Валерий Борисович, – ремонтировать подбитую технику. Нередко ремонт проходил прямо на ходу под обстрелом душманов.

Зачастую мы продвигались по горному серпантину, то есть по ленточной узкой дороге. С одной стороны – высокие скалы, с другой – пропасть в глубокое ущелье.

Однажды из-за близкого соприкосновения со скалой мы не могли открыть дверцу автомашины и выскочить из нее. Шел обстрел из крупнокалиберных пулеметов, спасли бронешилеты, которыми были закрыты стекла».

Помнится Валерию Борисовичу и еще один тяжелый эпизод, когда душманы неожиданно взорвали мост, пропустив сначала две бронемашин. Когда прибыла специализированная, хорошо оборудованная инженерная машина для ремонта, то коварный враг взорвал тщательно замаскированный мощный фугас.

«Сила взрыва, – говорит Валерий Борисович, – была такова, что машину весом до 45 тонн подбросило вверх и перевернуло. Капитану инженерной службы оторвало голову, было убито еще три человека».

Неоднократно участвовал Валерий и в прочесывании кишлаков. «Восстанавливали мы там местную власть, поддерживающую афганскую революцию, но как только уходили, тут же появлялись моджахеды, и все начиналось сначала. Кишлаки поражали нас своей нищетой».

Старший сержант, заместитель командира взвода, награжденный медалями «За боевые заслуги», «За обеспечение переправы в Панджшерском ущелье», после демобилизации снова вернулся на свой металлургический комбинат. В данное время Валерий Борисович работает в торговом доме «Северсталь-инвест» бригадиром.

В заключение нашей беседы с ветераном афганской войны не удержался и спросил, что дали ему лично, как человеку и воину, годы афганской службы? «Возмужал, – ответил он, – закалился, острее стал чувствовать несправедливость. Понятие дружбы стало иным, жизненным».

ТАНКИСТ

ИВАНОВ И. Ю.

Игорь Иванов – человек незаурядный. Несмотря на житейские трудности, а в семье он был третьим ребенком, сумел окончить не только лесомеханический техникум им. В. П. Чкалова, где его наставником был участник Великой Отечественной войны Павел Кириллович Вересов, полный кавалер ордена Славы, механик-водитель танка Т-34, но и впоследствии заочно окончить отделение обработки металлов давлением факультета металлургии и химии Череповецкого государственного университета.

А если еще учесть, что Игорь успел после армейской службы три года по контракту проработать в качестве квалифицированного электрика в Германии, то

ясно, что это далеко неординарный человек.

С 1991 года Игорь трудится на «Северстали» в цехе гнутых профилей. Он прошел путь от рабочего до начальника смены бригады-2. В этом же цехе работает и его жена Светлана, на которой он успел жениться еще до призыва в армию.

С 29 марта 1982 года Игорь осваивал в учебном подразделении, расположенном в местечке Тэджен в Туркмении, грозную боевую машину – танк-62. Учебка готовила командиров танков. Вышел оттуда младшим сержантом.

А дальше... Афганистан, города Кундуз, Ханабад, места дислокации 149-го отдельного мотострелкового полка, служба в танковом взводе, охрана асфальтового завода в Ханабаде, патрулирование и охрана дорог, помощь пехоте, прочесывающей кишлаки.

В районе Пули-Хумри, в северной части Афганистана, произошел трагический случай, в ходе которого Игорь мог лишиться жизни.

«Поехали мы за новыми танками, – рассказывает он, – дорога горная, узкая, неожиданно на этой извилистой дороге заклинило рычаг, и как раз на повороте. Тяжелая машина начала медленно оседать в пропасть – внизу ущелье, течет ручей. Майор, сидевший в машине, быстро выскочил, за ним еще один солдат. Сжал я зубы, – говорит Игорь, – держусь за рычаги, ну, думаю, была не была, танк бросать не буду, да и поздно уже. Так, со сжатыми зубами и вырвавшимся нечеловеческим криком, и сумел спустить танк в ущелье. Видимо, просто

повезло, не перевернуло его, остановил у арыка, а потом ребята, зацепив тросами, вытащили его на дорогу».

Спрашиваю Игоря: «Помогла смекалка?» – «Пожалуй, да и машина очень маневренная, одним словом, судьба, видимо».

Игорь принимал участие и в общевойсковой операции «Саланг», на своей боевой машине вместе со своим взводом, а к тому времени он был заместителем командира взвода, охранял дорогу до тоннеля, туда и оттуда непрерывным потоком шли колонны автобронетехники с разными грузами.

«Стоим, – говорит, – справа высокие горы, слева пропасть. По радиции слышим, что недалеко от нас притаились моджахеды с гранатометами. Вот-вот начнется обстрел. Танк в горах во многом беспомощен.

В 1983 году была отмечена активизация ряда афганских племен. В ряды моджахедов влились еще тысячи «неучтенных». Операции, как и раньше, продолжались повсеместно. Несмотря ни на что, солдаты сообщали родным о предстоящей встрече Нового года, о надежде встретить радостный праздник по-домашнему, пусть и в чужой стране.

Моджахеды готовились к нему по-своему, на дорогах рвались фугасы, строчили с круч крупнокалиберные пулеметы, дымили на обочинах подбитые боевые машины и грузовики, военные действия продолжались повсеместно, особенно на коммуникациях и вблизи них. В похоронках этого года чаще всего назывались географические точки Кундуз, Пули-Хумри, Кабул, Герат, Шинданд, Кандагар и другие.

Почти все они расположены на двух магистралях, пересекающих страну с севера на юг.

Советский Союз потерял в 1983 году 1446 солдат и офицеров. Но наш земляк, несмотря ни на что, остался жив, переболев желтухой. В конце мая 1984 года Игорь был демобилизован. Это было в Кундузе.

В семье Игоря Юрьевича – взрослый сын и шестилетняя дочурка.

ЗАГОВОРЕННЫЙ

ИСАЕВ В. В.

Когда полковника Владимира Исаева, дважды прошедшего Афганистан, кавалера двух боевых орденов, спрашивают, что наиболее памятно ему из афганских событий, он отвечает: «Сами сборы в первую командировку в начале 1980 года и 17 июля 1982 года (уже вторая командировка) аккурат перед моим юбилейным днем рождения».

На сборы в заграничную командировку командование 13-й общевойсковой армии, штаб которой размещался в городе Ровно (Украина), лейтенанту Исаеву В. В. и многим другим офицерам предоставили два дня. Инструктаж был коротким: «Товарищи офицеры, вы все коммунисты, и вам предлагается убыть в командировку в одну из трех стран на букву А: Алжир, Ангола, Афганистан». Такая вот завуалированная полуправда-полуложь. Все офицеры поехали в Афганистан. Никто не спрашивал о состоянии здоровья офицера, его родных и близких: нужно было все бросить, оставить семьи и ехать выполнять интернациональный долг.

Все семейные заботы теперь легли на плечи офицерских жен, которые, верные своим избранникам, также переносят скитания, лишения и опасности. Во что государство оценивало жизнь офицера? В случае его гибели семья получала единовременное пособие в 1000 рублей на него самого, 500 рублей на жену и по 250 рублей на каждого ребенка, но всего не более 2000 рублей. Потеряешь кормильца – и живи как хочешь...

День 17 июля 1982 года в Кандагаре выдался очень жарким как в прямом (июльское солнце палило нещадно), так и в переносном смысле. Этот край контролировал сам Гульбеддин Хекматияр, и редкие сутки тут проходили без выстрелов. С утра подразделение старшего лейтенанта Исаева заняло позицию на указанном участке шоссе Кандагар – Кушка с привычной задачей: обеспечить прохождение порожняка (колонна без груза) в Союз.

Когда последняя из ста машин уже пронеслась мимо, «зеленка», доселе подозрительно молчавшая, ожила. Воздух наполнился пулеметным треском. Один из удалявшихся грузовиков вдруг резко свернул вправо и съехал в кювет, замер неподвижной мишенью. Заниматься подбитыми и отставшими было делом ближайшего блокпоста. Мотострелки Исаева мгновенно оседлали свой БТР-60, и тот, подняв тучу пыли, рванул вперед. Его наводчик короткими очередями старался нащупать невидимого стрелка. Вскоре душманский пулемет замолк. Но едва «шестидесятый» притормозил у затихшего «КамАЗа», прикрыв его броней, по ним тут же сработал ручной противотанковый гранатомет. К счастью, неточно.

Сидевший наверху, над командирским люком, Владимир уже сталкивался с этим оружием и знал, что из-за относительно небольшой скорости полета гранаты направление ее движения можно определить визуально. Потому после второй знакомой вспышки он почти мгновенно понял, что дымящаяся остатками порохового заряда смерть на сей раз двигалась прямо на него. Чудом офицер успел скатиться вниз до того, как граната начисто срезала находившуюся возле него антенну радиостанции.

Однако радоваться спасению было рано. Третий выстрел чуть не уложил двух солдат, посланных Исаевым подобрать раненого водителя автомобиля, лежавшего метрах в десяти от кабины с перебитыми ногами. Только когда крупнокалиберный пулемет БТРа наконец-то заставил гранатометчика на некоторое время замолчать, стало полегче.

Несколько попыток вытянуть севший на все три моста «КамАЗ» ни к чему не привели. Натужно гудя мотором, он лишь глубже зарывался в мягкий песок. Исаев доложил об этом начальству и получил приказ отходить. БТР вырулил на асфальт и развернул башню в сторону обреченного грузовика: не оставлять же его в подарок душманам. Пулеметная очередь зажигательными пулями прошла закрепленную в кузове автомобиля цистерну. Заполненная парами бензина, она взорвалась, разметав «КамАЗ» в клочья.

И тут опять напомнил о себе воспользовавшийся моментом гранатометчик. Теперь он прицелился потщательнее. Четвертая граната пробила колесо «шестидесятого». Но тот не зря слыл надежной машиной. Такое повреждение не могло вывести его из строя. Взревев обоими двигателями, он устремился к своим, на ходу выкашивая «зеленку» огнем.

Краем глаза Владимир отметил клубы черного дыма, поднимающегося над маленьким кишлаком слева от дороги. «Не иначе как еще кого-то зацепило», – подумал он и не ошибся. На стоянке в колонне недосчитались еще одного «КамАЗа». Командир обвел взглядом подчиненных офицеров и остановил его на Исаеве: «Действуй, старлей! Ты сегодня, видно, заговоренный».

До кишлака добрались быстро. В крайнем дворе действительно догорал пропавший грузовик. Вероятно, его водитель при обстреле был убит или тяжело ранен. Неуправляемая машина пробила дувал и врезалась в стену дома. БТР подкатил к воротам. Вдруг вдалеке что-то сверкнуло, и Владимир снова увидел летящее к ним хвостатое кумулятивное чудовище. «Газу!» – крикнул он своему водителю, тот до упора вдавил педаль, бронетранспортер дернулся, и их пятая граната просвистела в паре метров за кормой.

За глиняной стеной мотострелки оказались в относительной безопасности. Сразу стало ясно, что они опоздали. Душманы успели забрать рацию, автомат и бронежилет погибшего солдата, а его труп облили соляркой и подожгли. «Надо уходить. Если место у них пристреляно, – прикинул Исаев, – нам крышка». В подтверждение его мыслей рядом рванула мина. Покидав на кусок брезента останки водителя, – все, что удалось отскрести от обуглившейся кабины, мотострелки вернулись в расположение батальона.

А навстречу из Союза уже ползла новая колонна: 140 груженых топливом и продовольствием машин. Комбат опять был краток: БТР «везучего старлея» назначили головным. Исаев молча посмотрел на водителя. Смерть не любила, когда с ней пытались играть больше двух раз в сутки. Но водитель в ответ кивнул: «Попробуем, командир. Может, мы и вправду заговоренные».

Дальше был ад. Моджахеды лупили по колонне в упор. «Броники» не успевали отпихивать на обочину пылающие автомобили и прицепы. 17 единиц искореженной техники отметили путь колонны скорбными вехами. Но экипажу исаевского бронетранспортера повезло и на этот раз. Его дважды обстреливали из ручного противотанкового гранатомета, но и шестая, и седьмая гранаты снова прошли мимо.

А наутро «заговоренный» принимал от сослуживцев поздравления с днем рождения. До сих пор он считает его наиболее памятным, ибо накануне получил от судьбы свой самый дорогой в жизни подарок.

В настоящее время полковник Исаев Владимир Викторович передает свой богатый боевой опыт курсантам Череповецкого военного института.

СПЕЦНАЗОВЕЦ

КОЗЛОВ В. А.

Владимир родился в Ярославской области, Пошехонском районе, селе Борщовка в 1967 году, но по жизни он череповчанин.

Родители его – отец Александр Алексеевич и мать Евдокия Александровна – почти сразу после рождения сына переехали в Череповец, в городе постоянно требовались квалифицированные рабочие.

Этапы жизненного пути Володи, как и многих череповецких парней, до невероятности просты: 8 классов Матуринской средней школы, ГПТУ № 8, специальность «слесарь-механик», работа в управлении механизации-2 и... служба в рядах Советской Армии.

В г. Кировобаде Азербайджанской ССР в учебном подразделении в течение шести месяцев он приобретал навыки рукопашного боя, прыгал с парашютом, овладевал различными видами оружия.

Пригодилась ему и учеба в Матуринском аэроклубе, где он предварительно ознакомился с уставом армейской службы, а главное, отрабатывал прыжки с парашютом. Владимир как бы заранее готовил себя к нелегкой армейской службе. Самостоятельный в принятии решений, упорный в достижении цели, в обиду себя не давал ни во время учебы, ни в период прохождения службы. Что же, для солдата великой в ту пору державы, каким являлся Советский Союз, это было довольно неплохо.

Мне кажется, таким он остался и по сей день.

Володя служил в спецназе, который нередко перебрасывали с одного горячего места в другое: Газни, Кабул, Кандагар, на границу с Пакистаном. Был у них и свой постоянно курируемый участок.

«Крутом гористая и холмистая местность, переходящая в пустыню, – рассказывает Владимир, – а мы на блокпосту.

Так называемые моджахеды («борцы за веру») могли появиться и атаковать нас в любой момент. Тайные тропы и пути, сложившиеся столетиями, вели из соседнего Пакистана в Афганистан, линии границы не было. Порой нам было не до сна. Южная ночь, тайная и холодная, хоть глаз коли, ничего не видно, но мы наготове, в любой момент можем дать отпор.

Неоднократно ходили брать караваны с оружием и боеприпасами, их обычно засекала наша разведка или сообщала агентура».

«Были ли потери?» – спрашиваю Владимира Александровича. «Да, были, в охрану караванов попадали порой отчаянные моджахеды, которые дрались до последнего, а уже потом бросали оружие.

Иногда охрана по численности в несколько раз превосходила наши силы, и мы требовали подмогу».

В одной из таких схваток Владимир получил контузию, но строй не покинул.

Интересуюсь: какую роль играла афганская армия, на помощь которой мы вводили свои войска, защищая вновь образовавшееся демократическое государство Афганистан? Ответ был до невероятности краток: «Да почти никакой, во всяком случае мы ее не ощущали».

Меня это откровение несколько поразило, ведь кадры афганских офицеров мы годами готовили в наших военных училищах и академиях. Помогали осваивать военную стратегию и тактику, планировали, видимо, опираться на них и в будущем.

«Помню один интересный случай, – продолжает Владимир, – стоит афганский танк и в упор стреляет в дувал (жилище афганца в кишлаке). Дувал глинобитный, снаряды делают отверстия и уходят в неизвестность. В дувале никого нет, моджахеды если и были, то давно куда-то попрятались».

В общем, если откровенно, свои против своих же мусульман воевать не будут.

Многие наши пацаны гибли по незнанию, по глупости. Нелепых смертей было более чем достаточно.

Днем моджахеды работают, и не узнаешь, борец он за веру или просто рядовой земледелец, а вечером берут в руки автоматы и, науськиваемые своими хозяевами и муллами, атакуют «шурави» (то есть советских воинов)».

Владимир Александрович прямо и откровенно сказал, о чем долгое время молчали и боялись говорить правду: «Земных нас, пацанов, засунули в неизвестную горную, дикую страну с забитым жизнью неграмотным населением».

Соглашаюсь, что к тому же опыт нас ничему не учит, любим наступать на те же грабли. Примером тому Чечня.

ОН УЧАСТВОВАЛ В ОПЕРАЦИИ «МАГИСТРАЛЬ»

КУБАСОВ Э. А.

По разному сложились судьбы череповчан-«афганцев» после демобилизации из рядов Советской Армии.

Многие из них возвратились на «Северсталь», где работали до призыва и продолжают трудиться до сих пор, часть ушла в бизнес.

Возмужали, повзрослели бывшие молодые ребята-«афганцы», обзавелись семьями, детишками. Того и гляди, что некоторые дедами станут.

А Эдуард Александрович Кубасов, о котором этот небольшой

очерк, уже более пяти лет работает в городской спасательной службе, возглавляемой полковником милиции в запасе Г. А. Малышевым. Оба – друзья по необъявленным войнам: афганской и чеченской.

После окончания ГПТУ № 2 имени И. П. Бардина Эдуард год отработал оператором-вальцовщиком на ЧМК, успел до призыва в армию окончить автошко-

лу, получить права водителя. Это сыграло положительную роль в армейской службе. В Афганистане служил водителем мощного артиллерийского орудия на новой машине-тягаче «Урал 4320».

В его военном билете есть запись: «водитель артрасчета», и дополнительная – «гранатометчик».

«Первое, что я увидел в Афганистане, когда выполнял боевое задание, – рассказывает Эдуард Александрович, – это сбитый «стингером» наш вертолет и три парашюта с летчиками. Понял, что враг огрызается, и довольно серьезно».

Артиллерийский расчет Эдуарда Кубасова принимал участие в крупной общевойсковой операции «Магистраль», которая проводилась в ноябре-декабре 1987 года по разблокированию округа Хост, захваченного душманами.

В этой операции из состава 40-й армии участвовали 108-я и 201-я мотострелковые дивизии, 103-я воздушно-десантная дивизия и другие воинские соединения.

«Главным итогом проведенной операции, – отмечал командующий 40-й армией генерал-полковник Б. В. Громов, – явился прорыв многомесячной военной и экономической блокады Хоста. Были сорваны планы лидеров моджахедов по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства». (Б. В. Громов. Ограниченный контингент. 1994. С. 258.)

О том, насколько напряженными и ожесточенными были бои в районах Хоста, говорят следующие строки: «Высота 3234 была господствующей на местности, и в случае ее захвата душманы могли снова перекрыть дорогу на Хост, по которой пошли уже колонны с продовольствием для умирающих от голода жителей кишлаков».

Высоту охраняла рота под командованием старшего лейтенанта С. Ткачева. В один из моментов на наших воинов обрушились реактивные снаряды. Почти три часа длился обстрел. А потом на вертолетах высадились отряды «смертников» и пакистанских коммандос. В черной униформе, в черных перчатках, «борцы за веру» шли в атаку в полный рост и кричали: «Рус, сдавайся!» Бой длился до самой глубокой ночи. Неимоверное физическое и моральное напряжение испытали наши воины. Казалось, нет уже сил держать в руках автомат, вести огонь из пулемета. И все же самое страшное было впереди. Кончались боеприпасы. У некоторых осталось по пять патронов, в отдельных местах дело доходило до рукопашной, отбивались ножами, камнями. Только тогда, когда подошло подкрепление, «смертники» отступили.

Артиллерийский расчет 2-й батареи 345-го отдельного парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии, где служил наш земляк Эдуард Кубасов, поддерживал наши части артиллерийским огнем.

«С помощью нашей мощной боевой техники, – вспоминает Эдуард Александрович, – мы очищали путь для прохода продовольственных грузов и медикаментов в этот ограбленный моджахедами округ. В целом мне на своей боевой машине-тягаче «Урал» пришлось объехать Афганистан вдоль и поперек. Переболел я и афганской желтухой, как и многие ребята из нашего полка». Медаль «За отвагу» украшает грудь Эдуарда Александровича Кубасова.

СТАРШИЙ СОВЕТНИК ЦАРАНДОЯ

КИЧИГИН Л. А.

Так называлась должность Льва Анатольевича Кичигина, череповчанина, отдавшего службе в органах внутренних дел 38 лет.

Опытного офицера Вологодского областного управления МВД СССР, в котором он работал заместителем начальника отдела исправительных трудовых колоний области, имевшего отличные характеристики по службе, пригласили в ЦК КПСС и после собеседования предложили работу в Афганистане.

При назначении было учтено то,

что Лев Анатольевич был грамотным, хорошо подготовленным, квалифицированным специалистом, постоянно стремившимся к повышению своего уровня знаний. В течение шести лет, с 1968 по 1974 годы, он заочно учился в Ленинградском государственном университете, закончил юридический факультет. Ранее у него за плечами была Ленинградская школа милиции.

«Местом моей службы, – рассказывает Лев Анатольевич, – вначале был Кундуз, затем Газни, рядом с Пакистаном, откуда оппозиция постоянно получала подготовленное пополнение. Там в лагерях, расположенных на условной границе с Афганистаном, инструкторы США, Англии и других стран обучали так называемых моджахедов – «борцов за веру», которых мы называли «духами».

В Демократическую Республику Афганистан Л. А. Кичигин прибыл в 1984 году и был назначен старшим оперативным сотрудником при командовании Царандоя (внутренних вооруженных сил Афганистана) провинции Кундуз. И в этом же году переведен на равноценную должность в сложную в военно-политическом и опе-

ративном отношении провинцию Газни. Являясь членом штаба зоны «Юго-Восток», он неоднократно вылетал в командировки для организации борьбы с контрреволюционерами в провинции Пактия и округе Хост.

Основная же работа старшего советника Льва Кичигина проходила в обширной зоне провинции Газни.

Вот что говорится в краткой характеристике, данной Кичигину заместителем руководителя Представительства МВД СССР при МВД ДРА полковником внутренней службы А. Н. Фисенко от 17 апреля 1986 года: «Под его руководством в 1985 году частями и подразделениями Царандоя проведено 397 оперативно-профилактических и войсковых операций, в ходе которых уничтожено большое количество живой силы мятежников, взято в плен 103 душмана, изъято различное оружие и боеприпасы. В столкновениях с бандформированиями и в других сложных условиях не терялся, проявил мужество и находчивость».

«В мои обязанности, – вспоминает Лев Анатольевич, – входили налаживание работы и курирование уголовного розыска, координация деятельности разведки Царандоя, налаживание агентурной работы, которой придавалось большое значение, передача опыта советских спецслужб, подготовка и учеба кадров. Одним словом, работы было невпроворот. Зона была большая, как таковой границы с Пакистаном не существовало, и опасность нападения моджахедов была постоянной.

У них, «духов», как мы их называли, была продуманная система предупреждения о появлении наших солдат и офицеров, нашей бронетехники. Делали они это с помощью костров на горных высотах, неплохо была налажена наземная разведка, повсюду в кишлаках были свои люди. Нередко бывало: один брат служит в Царандое и порой состоит в НДПА (народно-демократической партии Афганистана), а другой брат у «духов» воюет против нас.

В сложных условиях проходил набор во внутренние войска Царандоя. Окружали мы аулы, забирали мужское население, кроме стариков, и мобилизовывали их, обучали, как нести соответствующую службу. Так создавали батальоны Царандоя. При них находились наши люди – советники.

Нас, старших советников, было пять человек, распределенных по крупным зонам. О результатах своей работы мы регулярно докладывали советскому послу в Афганистане.

В Газни размещался штаб Царандоя, там же в доме губернатора провинции располагался и я со своими оперработниками. Моджахеды неоднократно пытались ликвидировать нас в ночное время. Были мы для них как кость поперек горла. «Духи» подкупили

афганцев из службы внешней охраны за 50 тысяч афгани, и они пропустили их ночью в наш двор. Умотавшись за день, мы спали, спасли нас русские сторожевые собаки, поднявшие большой шум.

В ходе же операций погибало немало наших ребят. В упор из засады группа разведчиков армейского батальона была расстреляна «духами» в горах Газни, в этой группе были и два моих оперработника.

Еще один случай запомнился мне на всю жизнь. 17 февраля 1986 года наша группа в составе царандоевцев в сопровождении танка и БТР вышла на очередную боевую операцию. Но, видимо, нас уже поджидали, на дороге был подорван миной танк, и тут же начался обстрел, в бой против нас вступили так называемые «черные комбинезоны», «духи», подготовленные в Пакистане. Мы успели занять небольшую высотку, отбили две атаки «духов», но патроны были на исходе. По радиции неоднократно вызывали батальон Царандоя, но никто почему-то не отвечал. Наконец, вышли на секретаря горкома партии (НДПА), и тот обратился за помощью к советским вертолетчикам, дислоцированным в Газни, а также направил к нам на помощь БТР и танки. Из «нурсов» и пулеметов вертолетчики крепко ударили по «черным комбинезонам». А на прибывших БТР и танках мы ушли вместе с нашими армейцами. Попытка «духов» окружить нас и уничтожить не удалась.

Порой наших солдат подводила доверчивость, и они попадали к «духам». Освобождая их, используя агентурные данные, мы были свидетелями страшных картин зверской расправы над нашими ребятами».

Об одной из таких расправ ветеран рассказал мне, но, жалея читателя, я не стал ее приводить. Лев Анатольевич, вспомнив эту ужасную картину, не мог сдержать слез.

По возвращении на Родину наш земляк продолжил службу в органах внутренних дел Вологодской области.

Звание полковника внутренних дел (МВД) он получил еще будучи в Афганистане. И в период со 2 июня 1986 года по 17 июля 1991-го работал начальником УВД г. Череповца.

Орден Красной Звезды и афганский орден Славы, а также ряд медалей украшают его грудь.

Кичигины, можно сказать, – целая династия работников внутренних дел: отец Льва Анатольевича был подполковником МГБ (Министерства государственной безопасности), дочь – майор УВД Вологодской области.

Находясь на пенсии, ветеран с октября 1997 года и до октября 2000-го работал на «Северстали» начальником управления охраны, продолжил свою работу по борьбе с преступностью.

В заключение нашей продолжительной встречи и беседы с ветераном МВД Львом Анатольевичем Кичигиным я попросил сделать некоторые выводы из его афганской службы.

Вот что он мне ответил:

1. Думается, что нам не стоило ввязываться в афганский конфликт вооруженными силами.

2. Но раз мы были направлены в Афганистан, то обязаны выполнить свой, как тогда называли, интернациональный долг, что и сделали.

3. Мы учили афганцев разным направлениям нашей работы, в том числе и милицейской.

4. Многие из афганцев, занимавших видное положение у себя на родине, учились и заканчивали наши гражданские, военные вузы, на них мы опирались в нашей работе.

5. Хорошо понимали, что были на войне, хотя она и не была официально объявлена.

ОН СЛУЖИЛ В ОХРАНЕ АЭРОДРОМА

МЕНЬШИКОВ А. В.

Многие из наших, как мы их называем, «афганцев» вышли из рабочих семей. И получили, по всей видимости, неплохое трудовое воспитание. Вот и Александр Меньшиков, о котором пойдет речь в небольшом очерке, родился в 1961 году в Череповце в семье рабочих: отец Виталий Михайлович работал кровельщиком в «Спец-

строе-1», мать Тамара Никаноровна – бетонщик-вибратор в «Доменстрое-3».

В семье кроме Саши брат и сестра. А далее, как и у многих наших ребят, – школа, а после 8 классов – ПТУ. Александр закончил 23-е. Год и три месяца отработал в МПМ-1 «Металлургпрокат-монтаж» слесарем и монтажником, а там и армия. Выборг – учебка, далее Ашхабад, Кушка и Афганистан – Кандагар. Было это уже в январе 1984 года. Направлен в батальон охраны после снайперской подготовки.

Спрашиваю Александра, что входило в его обязанности. «В основном, – отвечает, – охрана аэродрома. Не терпелось моджахедам нарушить его работу, подбирались порой вплотную, но натыкались на наших парней, добросовестно несущих свою службу. У нас была своя зона охраны – 300 метров, и мы вели круглосуточное наблюдение. Кругом заминировано. Боевая авиация и вертолеты – вот наша забота и работа, чтобы все было в порядке. В руках СВД – скорострельные винтовки Даргунова (точнее, снайперские), и я был всегда наготове.

Иногда нас перебрасывали на охрану других объектов, в том числе секретных, охраняли склады, особый отдел и др.

Кроме моджахедов, нас здорово донимал ветер, так называемый «афганец». Ураган, вздыбленный крошечный песок, рядом пустыня, до Индии каких-то несколько километров. Мираж да и только. Но бдительность в любых условиях мы не теряли».

Меня несколько удивил и даже насмешил рассказ Саши о том, как они помогали призывать в армию Афганистана новобранцев, выполняя просьбу афганских вооруженных сил. Хотя, откровенно говоря, было не до смеха. «Окружали мы, – говорит Александр, – кишлаки и уводили из них на призывной пункт афганскую молодежь, иногда людей и более старшего возраста. Приводим, сдаем, возвращаемся на свою точку, а через неделю смотрим – они все дома. Начинаем все сначала.

Здорово донимала нас афганская жара, до 60 градусов в тени. Обливались потом, не хватало воды.

Во время охраны кандагарского аэродрома у нас в роте погиб сержант из Куйбышева, и всего-то через месяц после учебки. Было это в период ночного обстрела аэродрома».

В 1984 году Советский Союз потерял в Афганистане 2343 солдата и офицера. Военные действия распространились на всю территорию Афганистана. Наиболее горячими точками в 1984 году были Кабул, Ургун, зеленая зона Кандагара, на самом юге, и города Герат, Хост с прилегающими уездами – на западе.

По накалу противостояния 1984 год превзошел предыдущие.

Потери только офицерского состава – 305 человек, в полтора раза больше, чем в 1983-м.

Вырисовывалась бесперспективная картина достижения мира и согласия на афганской земле. Обстановка была сложной.

Не менее сложной она продолжала оставаться и в 1985-м. Боевые действия с отрядами моджахедов продолжались во многих провинциях. За 1985 год мы потеряли в ДРА 1868 человек. Да, нелегко было нашим воинам, но они оставались верны присяге.

«К концу службы, – говорит Александр, – как-то утроилась тоска по Родине, да и дома, в Череповце, меня ждала девушка Людмила. Мы переписывались, я посылал ей в письмах подснежники. Ну а после демобилизации мы поженились. В семье дочь и сын».

С 1986 года и по сей день Александр Витальевич работает в цехе шлакопереработки слесарем-ремонтником.

В Афганистане отвоевал два года и пять месяцев, награжден медалью «За боевые заслуги».

ОН СЛУЖИЛ В ЭЛИТНОЙ ДИВИЗИИ ВДВ

МОЛОТКОВ В. Л.

При встрече я попросил Владимира Леонидовича рассказать о себе, о той нелегкой доле, которая выпала ему в период службы в Афганистане, о том, как сложилась его жизнь дальше.

Родился он в Череповце, в семье металлурга Леонида Ивановича Молоткова и учительницы Розы Михайловны, проработавшей свыше 40 лет в школах нашего города, в основном в 1-й средней и 20-й. В семье был вторым ребенком, старший брат в период перестройки ушел в бизнес.

Ну а у Владимира были свои цели и задачи в жизни. В школе ему нравились точные науки – физика, математика. Средний балл по ним и по другим предметам, как он выразился, был устойчивым – 4,5.

И после окончания 20-й средней школы Володя поступил на вечернее отделение факультета космонавтики и летательных аппаратов Московского авиационного института. Институт этот престижный, но закончить его не удалось, не было военной кафедры, и Владимира призывали в армию.

Спокойный и уравновешенный молодой человек, в котором чувствовалась крепкая закалка, попал в десантные войска. Тренировки и еще раз тренировки в учебном подразделении в Прибалтике.

«Вскоре, – рассказывает Владимир Леонидович, – я получил назначение в элитную 103-ю воздушно-десантную дивизию, дислоцированную в Афганистане. Было это осенью 1985 года».

Два года службы прошли сравнительно быстро. «Конечно, – продолжал он, – крепко тянуло домой, тем более, что меня ждала девушка, с которой мы полюбили друг друга, учась в одном классе.

Родители очень тревожились за мою судьбу, но молодость брала свое, да и воспитаны мы были в духе любви и верности Родине».

У десантников незыблемое правило, основанное на выучке и традициях: в любой сложной обстановке уметь быстро принять правильное решение, действовать решительно и во что бы то ни стало выполнить приказ командира.

Индивидуальные качества бойца-десантника остаются с ним на всю жизнь.

На мой вопрос о том, чем же ему пришлось заниматься в этой горной и очень тяжелой по климату стране, Владимир отвечал скупко, не торопясь, обдумывая каждое слово.

«Мне не хочется приукрашивать свои заслуги, – говорил он, – да их вроде бы особо и не было – ну, воевали, бывали неоднократно в перестрелках с моджахедами».

Постепенно он разговорился, и мне удалось узнать, что десантная рота, в которой он служил рядовым бойцом, устраивала засады моджахедам, ведущим караваны с оружием и боеприпасами. После короткой схватки охрана бросала свое оружие.

«Приходилось нам, – продолжал Владимир Леонидович, – сопровождать наши автоколонны с гуманитарным грузом. Шел этот груз из России в ограбленную моджахедами нищую афганскую деревню (кишлак). В постоянной продовольственной поддержке нуждался и контингент наших войск.

Опасность таилась за горными валунами, окружавшими дороги, нависшими над ними скалами. В любой момент можно было ждать автоматной очереди или обстрела из гранатометов. К тому же моджахеда часто использовали крупнокалиберные пулеметы иностранного производства, а также мины самых разнообразных видов. Враг был хорошо вооружен и опасен».

«Было ли страшно?» – спрашиваю Владимира Леонидовича. «Да нет, пожалуй, молодость да и подготовка десантника брали свое. Но потери были и с нашей стороны. Из того учебного подразделения, в котором я проходил теорию и практику боя, было убито четверо ребят».

В 1985 году, когда Владимир начал служить в Афганистане в 103-й элитной дивизии ВДВ, боевые действия с отрядами моджахедов («борцов за веру») продолжались во многих провинциях, как впрочем, и в последующие годы его службы.

Моджахеда получали постоянное подкрепление из своих центров на территории Пакистана. Граница с ним так и не была пере-

крыта, да и такая задача была не под силу ни 40-й армии, ни вооруженным силам Афганской Республики.

По данным министра обороны ДРА генерал-лейтенанта Назар Мухаммеда, только в одной провинции Нангархар имелось 67 горных троп и переходов, проложенных столетие назад в Пакистан. Кроме того, не в интересах пуштунских племен, которые испокон веков проживают на территории Афганистана и Пакистана, перекрывать государственную границу.

В 1987 году Молотков был демобилизован, но долгие годы, как он сам признался, оставался в нем «афганский синдром».

И вновь работа в родном городе, восемь лет на металлургическом комбинате резчиком холодного проката, и одновременно учеба. Заочно окончил юридический факультет филиала Российского университета академии образования, стал юристом и занялся адвокатской практикой.

В семье Владимира Леонидовича две дочери и любимая жена Людмила.

Ну а дружба, окрепшая в Афганистане, продолжается и сейчас.

КОМАНДИР ВЕРТОЛЕТА МИ-8

ПАУКОВ Г. В.

В различных производствах нашего индустриального гиганта «Северсталь» работает более 150 бывших «афганцев». Нет возможности охватить всех в готовящейся книге, но о некоторых из них, добросовестно трудящихся там много лет, можно рассказать немало интересного.

Бывший вертолетчик, командир вертолета МИ-8 – майор Геннадий Викторович Пауков с конца 1992 года работает в производстве холодного проката в качестве слесаря-энергетика и бригадира по производственным работам. Человек добросовестный и исполнительный, дисциплинированный, как и полагается бывшему офицеру Советской Армии, он пользуется заслуженным авторитетом в своем коллективе. За плечами 12 лет армейской службы, с 1980 по 1992 год.

После окончания Саратовского военного вертолетного училища был направлен в Афганистан, где и проходила его служба с августа 1982 года по август 1983 года, затем с октября 1986 года по август 1987 года.

Работа вертолетчиков была связана с немалым риском. Их часто обстреливали с земли, с гор и расщелин. Моджахеды, обученные иностранными специалистами, неплохо владели «стингера-

ми», крупнокалиберными пулеметами и другими видами противоздушного оружия. «Как-то, помню, – рассказывает Геннадий Викторович, – борт пробила стальная болванка, целились, видимо, в экипаж, но промахнулись. Ну а если бы в топливный бак?».

«Что же это за оружие такое, – спрашиваю Паукова, – стреляющее болванками?». «Да, моджахеды имели странные ружья, заряжаемые такими «снарядами», и стреляли с гор по нашим машинам. Заряжали эти болванки с дула и затем вели прицельный огонь». Выяснил, что это английская винтовка под названием бур.

«В основном, район действий моего вертолета, – вспоминает ветеран, – был большой, выполнял самые разные операции, часто вывозил раненых солдат и офицеров, доставлял боеприпасы в точки, расположенные в горах. С большим трудом удавалось сесть в горах. Часто сопровождал автоколонны. Иногда мое «путешествие» в воздухе продолжалось по 6-7 часов. Конечно, поочередно, поднимались другие, потом снова моя очередь. Одним словом, непрерывная постоянная работа, нередко с риском для жизни экипажа.

Были потери, и немалые. Три борта вместе с экипажами мы потеряли в 1982 году.

И все-таки удивляюсь живучести нашей боевой техники, в том числе вертолетной. Однажды забрал с одной из точек раненых, поднялся в воздух и попал под обстрел крупнокалиберного пулемета спрятавшихся в горной расщелине моджахедов. Сумел уйти, сделав несколько маневров, а когда приземлился, то обнаружил, что лопасти истерзаны пулями не менее чем на 30 процентов.

Особенно сложными были ночные посадки на отведенные заранее площадки. В целях маскировки горела одна фара на земле, давая сигнал к приземлению. Приземлялись, а спрыгивая с вертолета, попадали почти по колено в жаркую, раскаленную пыль. Все это здорово выматывало. Особенно тяжело приходилось молодым лейтенантам – большие перепады давления.

Проводил я и разведку на своем МИ-8, – рассказывает Геннадий Викторович, – затем данные передавал на аэродром, где базировались боевые ударные группы Мигов-21. Они наносили ракетные удары по моджахедам, их укрепленным районам.

Сбрасывал я и специальные минные устройства, типа пластиковых «лягушек», окрашенные под цвет местности. Летал на разных высотах, нередко на низкой высоте. Шаблона в работе вертолетчиков не было, все применительно к обстановке, к местности. В основном летали парами, чтобы в любой неординарный момент можно было выручить друг друга.

Мне часто приходилось работать в зоне наших частей в Джелабаде, там, около Пакистана, на большой высоте в разряженном

воздухе, где высота площадок для вертолетов была 2400-2500 метров, было особенно тяжело. Вертолет был как бы вялый, вода на первом плане, ее нам часто не хватало. Охраняли мы наши крупные базы.

Запомнился мне этот Джелалабадский район – «жемчужина» Афганистана – своим субтропическим климатом, разнообразной фауной и флорой, попугаями и обезьянами. Запомнился еще и тем, что во время внезапного обстрела я быстро сориентировался и спрятался в безопасное место растерявшуюся девчущку-хлебопека, привезшую нам хлеб. Кстати, хлеб она пекла замечательный и была награждена орденом «За службу Родине» 3-й степени.

Итак, служба в экстремальных условиях была закончена, остался жив и здоров наш земляк, не набрал он, по его выражению, «полный рот земли» – то есть не погиб, а ведь немало его товарищей погибли или были ранены. Война есть война, хотя и необъявленная. Кстати, и чеченская, уже третья по счету, тоже продолжается, приобретая партизанские формы. Медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды украшают грудь Геннадия Викторовича. Семейная жизнь, работа на «Северстали», учеба сына в ЧГУ, дача занимают теперь его жизненное пространство.

ВОДИТЕЛЬ МОЩНОЙ СИСТЕМЫ «УРАГАН»

РАТНИКОВ С. Г.

Сергей Ратников – один из тех череповецких ребят, которые последними выходили из Афганистана в феврале 1989 года. Вел их командарм 40-й армии Б. В. Громов. 15 февраля последнее подразделение 40-й армии покинуло Афганистан, но гражданская война продолжалась. При этом моджахеды перехватили инициативу. Заверение президента Наджибуллы на митинге в Кабуле, что афганская армия в состоянии защитить свое отечество, не оправдалось.

Вывод частей 40-й армии в январе-феврале продол-

жался строго по плану. Коммуникации от Кабула через перевал Саланг охранялись от возможных нападений со стороны моджахедов, особенно отрядов Ахмат Шах Масуда.

Последний бой на Южном Саланге произошел в январе, буквально за две недели до окончательного вывода наших войск из Афганистана. Этот бой был жестоким. Наши воины предприняли усилия, чтобы не пострадали мирные жители, которые были в этом районе. И все же бой начался! Не без потерь.

Советская сторона выполнила Женевские соглашения. 40-я армия с достоинством покинула территорию Афганистана.

Хайратонский мост, усталый генерал Б. В. Громов на мосту – эти кадры известны всем. Из Кабула на самолете убыл генерал армии В. И. Варенников.

«И если оценка всей афганской войны – дело истории и политиков, – писал И. М. Коробейников, генерал-лейтенант пограничных войск КГБ СССР, – то, думаю, она не должна касаться солдат. За свой черный труд они заслужили самых высоких слов благодарности». (Не дай, отчизна, умолчать. Книга Памяти. С.-Петербург. 1997. С. 374.)

Потери личного состава Советской Армии в Афганистане в 1989 году составили 53 человека.

Рядовой солдат Сергей Ратников был водителем-механиком мощного «ЗИЛа-135», несшего на себе 16-ствольную систему артиллерийского огня «Ураган». Реактивные снаряды «Урагана» не давали вплотную приблизиться к нашим воинам. Выручали они и те группы солдат и офицеров, которые могли попасть в окружение.

Нес он воинскую службу, будучи не только водителем «ЗИЛа», но и номером артиллерийского расчета. Реактивные снаряды били противника на расстоянии от 40 до 50 километров.

«Сопровождали мы, – рассказывает Сергей, – и автоколонны, в основном в ночное время. К ближнему бою наши «Ураганы» были не приспособлены, били мы моджахедов на большом от нас расстоянии, используя данные разведки».

Свой срок, с мая 1987 года по февраль 1989-го, Сергей отслужил честно, как тогда говорили – выполнил свой интернациональный долг.

Из биографии воина-«афганца» я узнал, что он 1968 года рождения, закончил 8 классов средней школы № 4 города Череповца, затем ГПТУ-2. В шесть лет остался без отца, умершего от болезни почек в 29 лет. Воспитывался мамой Лидией Васильевной. С 1989 года, после демобилизации, Сергей Германович работает оператором-технологом в ЛПЦ-1. Имеет поощрения и благодарности. Среди товарищей пользуется авторитетом.

СОВЕТНИК АФГАНСКОЙ БРИГАДЫ

САВОЧКИН А. Н.

Командиры и политработники Советской Армии, как правило, имели хорошую военную подготовку как в области тактики, так и стратегии.

У многих из них учеба не заканчивалась только высшим военным училищем. Овладевая знаниями, они шли дальше, уже в академии получали высшее военное образование.

Вот и полковник Александр Николаевич Савочкин именно из тех командиров Советской Армии, за плечами которого Высшее красное знаменное ордена Красной Звезды Ташкентское общевойсковое командное училище им. В. И. Ленина и

военно-политическая академия. За время службы в Вооруженных Силах он дважды проходил переподготовку с усовершенствованием на высших офицерских курсах «Выстрел».

С 1969 по 1975 год Савочкин служил в Туркестанском военном округе, где начинал военную карьеру командиром танкового взвода.

«В моем взводе, – вспоминает он, – более половины личного состава были старше меня – молодого лейтенанта, а мои бойцы, карагандинские шахтеры, учили меня овладевать танковым делом, так как практики явно не хватало».

Четыре года своей военной жизни Александр Николаевич отдал ГДР, а затем вплоть до 1983 года проходил службу в Архангельской области и Карелии.

Судьбы офицерские сходятся в одном: служи там, куда тебя направит командование. Ты дисциплинирован и верен военной присяге.

Звание офицера Советской Армии котировалось в нашей стране высоко.

В марте 1985 года подполковника Савочкина направили в Афганистан, где разгоралось пламя гражданской войны. Он был назначен советником при 21-й мотострелковой бригаде правитель-

ственных войск Демократической Республики Афганистан. Место дислокации бригады в провинции Фарах, но зона действий была шире: она охватывала еще провинцию Зарандж. Рядом граница с Ираном, ее охраняла бригада пограничников. Вместе с Александром Николаевичем мы внимательно рассматривали карту Афганистана, на которой ветеран показывал районы боевых операций бригады. Знание языка фарси помогало ему общаться с афганскими военнослужащими и способствовало авторитету советника. А опыт политической работы с населением – дело наживное, была бы охота его наживать. «Такое желание, – говорит А. Н. Савочкин, – у меня было, и я неоднократно общался с нашими советниками, работающими в Кабуле и Кандагаре. Там были товарищи, прибывшие в Афганистан раньше меня и имевшие уже значительный опыт. Но больше всего я благодарен ст. советнику бригады подполковнику В. Сагалаеву.

В моей команде советника было 14 солдат и офицеров, из них три члена экипажа БТРа, два радиста, два водителя, шифровальщик и охрана.

В период моей службы поступила директива генерала В. И. Варенникова, требовавшего прекратить использование советских войск в решении внутренних вопросов Республики Афганистан.

Генерал отлично понимал, что это вмешательство может привести к тяжелым последствиям.

Впрочем, так и случилось. Война затягивалась,росло количество жертв».

Александр Николаевич по моей просьбе рассказал о ряде боевых операций, о том, как в одной из них, в районе Файзабада, устья реки Фехруд и ряда близлежащих кишлаков, он неожиданно «потерялся».

«В бригаду прибыло пополнение, – рассказывает он, – и я в пери-

од операции прочесывания кишлаков, где затаились моджахеды, пошел к афганским военнослужащим знакомиться, побеседовать с ними. Место их расположения было не очень далеко от основного расположения бригады, и я предполагал вовремя (до темноты) вернуться обратно. Не получилось, беседа затянулась, надвинулись темные сумерки, и я остался с пополнением. Тревога с моим неожиданным исчезновением поднялась еще и потому, что в эти сумерки дезертировал с оружием в руках один афганский солдат. Боюсь, что он мог взять меня в заложники.

Вспокоилось и вышестоящее начальство. Конечно, виноват сам, заработался, не предупредил командира бригады и старшего советника.

Вместе с военнослужащими-афганцами мы проводили набор в вооруженные силы ДРА, прочесывали кишлаки, отправляли в Кабул мужчин призывного возраста. В одном из кишлаков нас обстреляли, но обошлось без жертв.

В целом же зоны, располагавшиеся в приграничье с Ираном, а это примерно 600 километров границы, были более спокойными, чем с Пакистаном.

Следили мы за переброской различного рода контрабанды, так как вместе с мирными грузами, например, овечьей шерстью, которая была в избытке в Иране, могло переправляться оружие.

В 21-й мотопехотной бригаде было значительное количество узбеков и таджиков, в основном они были из северных районов Афганистана, соседи наших среднеазиатских советских республик, более грамотные и лояльно настроенные к русским.

Их отличала высокая ответственность перед советскими солдатами, советниками.

Руководство бригады понимало, что это их война и русские не обязаны проливать свою кровь.

Сильное впечатление на меня произвел главный мулла вооруженных сил Афганистана, горячо поблагодаривший за реконструкцию мечети. А дело было так: поскольку я работал с афганскими военнослужащими и населением, они попросили меня отремонтировать мечеть, достать средства, привлечь специалистов. Пять раз в день афганцы совершали намаз (молитвы). Но мечеть была отдана под офицерскую столовую.

Стоило немало трудностей решить этот больной вопрос. Дважды я был у главного муллы в Кабуле, дважды он переводил деньги на ремонт мечети, но они куда-то пропадали. И только на третий раз удалось их спасти и вложить в дело.

Посмотреть на отремонтированную и облагоустроенную мечеть приехал со свитой сам мулла. Остался очень доволен, помню дослов-

но его слова: «Если бы каждый из наших партийцев-революционеров знал и уважал традиции народа, не было бы у нас братоубийственной войны». Обнял он меня, а затем лукаво произнес: «А может, ты, Александр, примешь нашу веру?» Ждал я подвоха, у восточных людей он всегда найдется. Твердо и категорично отказался, сказав: «У меня есть своя вера – вера в человеческий разум».

С 1987 года, после окончания службы в Афганистане, полковник А. Н. Савочкин до 1992 года служил в военном институте г. Череповца. А после выхода на пенсию не порывает связь с молодежью, встречается с призывниками в военкомате города, посещает ветеранов Великой Отечественной войны. Орден Красной Звезды и орден Славы ДРА, а также ряд медалей украшают грудь полковника А. Н. Савочкина.

ОН КОМАНДОВАЛ РОТОЙ

СЕРЕГИН О. А.

10 лет подряд Олег Александрович возглавляет общественную городскую организацию – союз ветеранов-воинов в Афганистане.

Встречаясь неоднократно с ребятами-«афганцами», я почувствовал в них, как и в Олеге Серегине, именно нашу русскую косточку, крепкую, боевую и вместе с тем немного настороженную.

Мне показалось, что тот давний «афганский синдром» так и не испарился из душ этих ребят, прошедших через афганское горнило, а теперь уже 35-45-летних деловых мужчин.

Порой трудно было некоторых из них разговорить: «Да стоит ли о нас писать?» – говорили они.

Скромность украшает человека, но тут не тот случай, мы должны знать и правильно оценивать исторические события, происходящие в нашей стране.

Что касается Олега, то он, еще учась в школе, вынашивал мысль быть кадровым военным. Свое желание осуществил, но пришлось хлебнуть горького на этом пути, который был усеян шипами Афганистана. Разрывная пуля «дум-дум» разнесла ему правую ногу, и только искусство военных врачей помогло спасти ее от ампутации. К тому же до этого в одной из схваток с моджахедами Олег получил контузию.

Капитан Серегин командовал мотострелковой ротой, честно и дисциплинированно выполнял свой воинский долг.

Из бесед с ним я понял, что этот волевой командир твердо стоял на страже интересов своих подчиненных и никогда не уклонялся от опасных, рискованных операций.

Закончив 8 классов (Олег учился в 9-й, а потом в 20-й школе нашего города), он в 1973 году поступил в суворовское училище, а после его окончания продолжил учебу в военном училище имени Еременко в Северо-Кавказском военном округе.

В 1979 году, к началу ввода советских войск в Афганистан, Олег в звании лейтенанта был назначен командиром гранатометного взвода и служил в Новочеркасской дивизии.

Думал ли он тогда, как и другие наши ребята, что попадет в афганский котел? Вряд ли. Все это было неожиданным и не совсем вязалось с обстановкой в мире. Правда, «холодная война» между СССР и США была в разгаре. У советского руководства того времени были свои планы.

Служба в Афганистане капитана Серегина продолжалась с октября 1985 по июнь 1987 года. Его рота была одной из ведущих в мотострелковом батальоне 108-й мотострелковой дивизии и выполняла специальные задания командования: осуществляла охрану Кабула, боевое сопровождение механизированных колонн, идущих с различными гуманитарными грузами, горюче-смазочными материалами, боеприпасами, стройматериалами и др.

«В сопровождении колонн, – рассказывает Олег Александрович, – немалую роль играл психологический настрой. Крутом горы, ущелья, через которые узким серпантинном проходит автомобильная дорога. Каждую минуту мог начаться неожиданный обстрел колонны затаившимися моджахедами. Отлично зная свою местность, они нападали внезапно, а получив должный отпор, так же быстро исчезали. Одним словом, «духи».

Невидимый враг, война без линии фронта, порой при совершенно непредвиденных обстоятельствах – такой был боевой расклад», – подытожил Олег Александрович.

Как боевой командир капитан Серегин неплохо разбирается в военной стратегии и тактике. «Их нам пришлось менять, – говорит он, – по ходу боевых действий».

Так, использование танков в горах вначале не приносило должного результата. У них башня с орудием не поднималась на нужную высоту, а моджахеды сверху, находясь в горах, обстреливали пехоту из крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, а то и пушек, затащенных на высоту. Во время появления вертолетов моджахеды уходят в лазы и пещеры, и ищи ветра в горах.

«Война многому учит, – рассуждает Олег Александрович, – вносит соответствующие коррективы. Вот и орудийные башни реконструировали, они поднимали жерла орудий уже на 90 сантиметров выше обычного».

Теперь можно было бить танковой артиллерией противника, засевшего в горах, за валунами, каменными глыбами.

Испытывали и проверяли на прочность и другие виды оружия. Всякая война является для армий одновременно и испытательным полигоном.

Олег Александрович, несмотря на серьезное ранение, а прихрамывает он и до сих пор, после лечения в госпиталях Кабула, Красногорска, под Москвой продолжил службу в одном из райвоенкоматов Белоруссии.

1988–1993 годы были отданы этой службе. В целом же стаж боевого офицера в рядах Советской Армии – 17 лет.

«С палочкой я ходил вначале, – говорит он, – неудобно, но что поделаешь».

Часть своего здоровья он потерял в Афганистане.

Два боевых ордена Красной Звезды украшают его грудь, а также медаль «За боевые заслуги».

Спрашиваю, как он, командир, проводил идеологическую работу со своими бойцами. «В первую очередь воздействовал своим примером, – ответил Олег Александрович. – А вообще я считаю, что надо прежде всего воспитать самого командира. В целом же многое зависит в этом деле от родителей».

Олегу Александровичу уже 47 лет. Родина его в соседнем Белозерском районе. В семье Александра Анемподистовича и Антонины Павловны он третий ребенок. Воспитан в труде и верности своей Родине. Жить, учиться и работать ему пришлось в Череповце.

И вот как бы вскользь заметил он: «Мне, боевому офицеру, майору-орденоносцу, приходится заниматься коммерческой деятельностью».

Да, с кардинальной сменой обстановки сотням тысяч офицеров бывшей Советской Армии приходится заниматься несвойственными им делами.

СВЯЗИСТ И ДЕСАНТНИК

СТРЮЧКОВ А. А.

Приехав в Череповец к родственникам в 1986 году, Александр так тут и остался. «Полюбился мне ваш город, – признался он в беседе со мной, – да и работы здесь хоть отбавляй». Да, на парня из трудолюбивой костромской семьи быстрорастущий индустриальный город произвел большое впечатление.

Школа и ГПТУ были закончены в Шарье Костромской области, где до сих пор живут его родители, отец Анатолий Федорович, ра-

ботавший станочником, и мать Тамара Павловна – ткачиха.

Полученные Александром специальности «слесарь-сантехник» и «газоэлектросварщик» дали ему возможность устроиться на Череповецкий химзавод сварщиком.

В его биографии есть довольно интересные факты. Еще на своей родине, учась в школе, а затем в ГПТУ, Саша активно участвовал в художественной самодеятельности, занимался изучением фольклора. Первое место в областной олимпиаде говорило само за себя: Александр обладал немалыми художественными способностями. «У меня это, видимо, от отца: хотя ему сейчас и 76 лет, он музицирует, играет на баяне

и гармошке, да и голос у него неплохой».

Все это привело Сашу к мысли поступить в Московское театральное училище им. Щукина, тем более что ему была дана рекомендация.

Было Александру уже 19 лет, сверстники в Советской Армии, отставать от них не хотелось, и он взял курс на воинскую службу. Физически развитого парня, кандидата в мастера по лыжному спорту не пугали трудности армейской службы, да и воспитание в трудовой советской семье способствовало этому.

Каунас, Литва. Учебное подразделение, курс молодого бойца, 35 прыжков с парашютом, подготовка десантника.

Учеба была им закончена на «отлично». Службу вместе с другом Андреем Нестеренко начал в Молдавии, в дислоцированной там дивизии ВДВ.

«Но уже в апреле 1985 года, – рассказывает Саша, – я попал в Афганистан, непосредственно в Кабул, в отдельный батальон связи, в нем же служил и череповчанин Володя Молотков.

Моя задача – механика-телеграфиста по связи – обеспечение связи с полками нашей дивизии ВДВ».

Связь – глаза и уши армии, наравне с разведслужбой, они как бы родные армейские сестры. «Мы работали в тесном контакте с нашими ротными разведчиками, – говорит Александр, – но, конечно, в первую очередь обеспечивали связью командование.

В период одной серьезной операции, связанной с душманами, в

которой участвовал и наш командир батальона, командир дивизии П. С. Грачев разговаривал с Москвой. Я ничего этого, конечно, не знал, но как всегда был начеку. Вдруг связь прервалась, где-то дефект на линии. Выскочил из машины, нашел, сжал провода руками, держу, трясет меня порядочно, но не отступаю».

Старшему сержанту Стрючкову несколько позже была вручена медаль «За боевые заслуги».

«Были у нас разные случаи, – говорит Александр, – было очень тяжело и обидно, когда наши молодые парни из-за халатности неподготовленного, неопытного командира погибали вместе с ним. Так, в соседнем с нами стройбате на десяти-двенадцати машинах поехали за щебенкой, причем почти безоружные. У командира был пистолет. Попали в засаду душманов, которые с ходу подбили из гранатометов первую и замыкающую колонну машины, взяв в плен наших солдат.

Мы были подняты по тревоге, ворвались в кишлак, где затаились душманы. Но было поздно, они уже сделали свое черное дело, после пыток и издевательств над нашими парнями они зверски их растерзали. Свидетелем этого случая был череповчанин Володя Молотков, служили мы вместе».

Срочная связь П. С. Грачева с командующим 40-й армии Б.В. Грозовым. Командир нашей дивизии ВДВ просил разрешения снести этот кишлак к чертовой матери. Однако, как тогда было, в силу интернациональных отношений этого нельзя было сделать.

Афганистан – страна чудес, – сложился афоризм у наших солдат, – зашел в дуكان и там исчез.

Были у нас и спортивные соревнования. Наша рота, пожалуй, была самой спортивной в полку: бег, упражнения на спортивных снарядах. Кстати, делали мы их сами».

В конце октября 1986 года Сашу демобилизовали. Срок службы в Советской Армии закончился. Впереди гражданка, работа на химзаводе, женитьба, семья.

Друзья в шутку ласково называют Александра «большим папой». Еще бы, пять детей в его семье, старшему Денису – 18, дочке Тане – 16, а самый маленький родился в августе 2005 года. Поздравляем!

ОН БЫЛ НА ПЕРЕДОВОЙ

ХВАЛОВ В. В.

Не часто приходится встречаться с военными врачами. Мне, гражданскому человеку, выпало это в первый раз. Занимаясь сбором материалов об «афганцах», как мы часто называем наших парней, я вышел на Хвалова Владимира Валентиновича, служившего в ту горячую пору в Афганистане военным врачом. Сейчас ему 43, тогда было 23 года.

Закончив 10 классов 25-й средней школы, Владимир поступил в Ярославский медицинский институт и, проучившись четыре года, перешел на военно-медицинский факультет при Горьковском медицинском институте. Там через два

года получил звание лейтенанта медицинской службы.

По распределению молодой военврач был направлен служить в Туркестанский военный округ, там дислоцировалась в то время 40-я армия, вступившая в декабре 1979 года в Афганистан.

Вполне естественно, что скоро наш земляк оказался в зоне боевых действий сопредельного с нами государства.

Два года и два месяца продолжалась его нелегкая служба в армейских частях, находящихся в охваченной гражданской войной Республике Афганистан.

«Местом моей службы, – рассказывает Владимир Валентинович, – был Шиндандский гарнизон».

Вначале лейтенант Хвалов был врачом медицинского пункта полка, затем получил назначение начальником медицинской службы отдельного батальона.

Хотелось узнать: с какими трудностями столкнулся Владимир Валентинович в этой далекой горной стране? Что поразило его больше всего?

«Было много болезней, – рассказывает он, – согласно статистике, переболел теми или иными болезнями инфекционного характера каждый третий солдат или офицер. Гепатит А, брюшной тиф, дизентерия и другие».

Находясь на сторожевой заставе в местечке Гиришк (западный

Афганистан), доктор Хвалов не раз принимал быстрые и ответственные решения по спасению тяжело заболевших воинов.

«Хорошо помню один из многих случаев, – говорит Владимир Валентинович, – когда на заставе тяжело заболел наш солдат. Впоследствии стало ясно, что он заболел одновременно малярией и дизентерией. Состояние солдата было тяжелое. Его нужно было срочно эвакуировать в госпиталь. Но уже темно, и как тут быть с вертолетом? Принял ответственность на себя, всю ночь проводил интенсивную терапию, подлечил его и отправил с автоколонной в госпиталь. Солдат выздоровел.

Принимать решение, от которого зависит жизнь других людей, всегда нелегко.

Или еще случай. Танк сопровождал автоколонну. Остановился недалеко от заставы. Танкист спрыгнул на обочину дороги, забыв, видимо, суровое правило не сходить с бетонки. Попал на мину. Раздался взрыв, ему оторвало ногу до середины бедра. Я немедленно оказал ему первую врачебную помощь, которая могла быть в тех условиях, старался не допустить ухудшения его состояния. Вызвал вертолет из Кандагара, но санитарный вертолет не прилетел, а прилетел боевой. Как быть? С санитарным вертолетом обычно прилетает свой врач. А тут боевой.

На заставе один врач, отвечающий за здоровье, санитарное состояние не менее чем 500 солдат и офицеров. Мой помощник, молодой санинструктор, служит недавно, опыта очень мало. Беру ответственность на себя, оставляю Шелковского ответственным, запомнилась фамилия этого паренька из Белоруссии. Докладываю ситуацию командиру заставы и лечу с тяжело раненным танкистом на боевом вертолете в Кандагарский госпиталь, обратно попадаю с автоколонной.

Паренек из Белоруссии не подвел, справился. У него до Афганистана был закончен ветеринарный техникум. Кроме того, в учебном подразделении он закончил курсы санинструкторов».

В обязанности Владимира Ва-

лентиновича входила и военно-медицинская подготовка бойцов (проведение занятий с ними, проверка санитарного состояния столовой, противоэпидемическая работа, борьба с инфекциями).

После службы в Афганистане военврач Владимир Валентинович Хвалов служил в Таманской дивизии в Подмоскowie и в 1991 году по сокращению вооруженных сил уволился из армии.

Вот уже более 14 лет доктор Хвалов работает в медсанчасти ОАО «Северсталь», сначала врачом, затем заведующим эндоскопическим отделением. В 1986 году обзавелся семьей, жена тоже врач, в семье две дочери. За службу в Афганистане награжден медалью «За боевые заслуги».

КОМАНДИР РДР

ХАРИТОНОВ В. А.

Так сокращенно называлась разведывательно-десантная рота, которой командовал череповчанин Харитонов Владимир Александрович, прослуживший в горячих точках Афганистана с мая 1986 года по ноябрь 1988-го, прошедший там путь от лейтенанта до капитана.

Он – уроженец нашего города, после окончания 8 классов средней школы № 7 в 1978 году был принят в Ленинградское суворовское военное училище и закончил его в 1980 году. О военной службе мечтал с детства и после суворовского закончил Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе. Четыре года учебы.

Служба кадрового офицера Советской Армии проходила в Сибирском военном округе, а вскоре подоспел и Афганистан, 65-й отдельный гвардейский разведывательный батальон 5-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Как-то не очень охотно, скупно рассказывает Владимир Александрович о своей службе в Афганистане. «Вели разведывательные, поисковые, засадные действия, сопровождали колонны, прочесывали кишлаки, дислоцировались в районе Шинданда, вблизи аэродрома».

Однако когда ветеран показал на карте район действий своего батальона и роты, которой он командовал, то зона оказалась больше, в ней находилась масса кишлаков, в которых скрывалось немало «духов».

Имарат и Кожай, Зиндаджан и Дахана и ряд других мест, расположенных в провинции Герат, назвал Владимир Александрович.

«В одном из них, – говорит он, – нашей роте пришлось вступить

в тяжелый затяжной бой с «духами», прятавшимися в «зеленке». Тяжело ранен был боец моей роты Саша Александров из поселка Молочное Вологодской области.

Кишлачная «зеленка» постоянно подпитывала моджахедов. Днем они – земледельцы, ближе к ночи воины так называемой оппозиции.

Кстати, череповчанин Евгений Чубурин, боец моей роты, в книге «Пепел Афгана», вышедшей в 1993 году, рассказывает о боевых действиях роты и гибели Саши Александрова после тяжелого ранения.

Очерк Евгения Чубурина носит название «А жизнь у каждого одна» и посвящен в основном Саше.

«Первые боевые операции проходили в основном «мирно», – пишет автор. – Потом, конечно, все было. И такое было, что вообразить невозможно, а поверить трудно, если не пришлось испытать самому. В батальоне, на зимних квартирах, наша разведрота находилась редко. Разведке всегда дело найдется. Нагрузки страшные и физические, и моральные. Приходилось и товарищей в бою терять, и самому стоять на краю смерти».

Тот бой, в котором Саша получил смертельное ранение, произошел в районе кишлака Дахана провинции Герат. Рота получила боевую задачу – провести разведывательно-поисковые действия в этом направлении.

Бронегруппа в составе 47 боевых машин вышла на поиск 27 июля 1987 года. Подразделение должно было пройти через «зеленку». Надежда командира роты гвардии старшего лейтенанта Владимира Харитонов: «Даст бог – прорвемся», – вспоминает Чубурин, – не сбылась. Без боя прорваться не удалось. Душманы (враги) вели огонь перекрестно, с двух направлений. Прикрывались огнем, по приказу командира рота стала отходить. В это время и настигла Сашу прицельная пуля. Через сорок минут он скончался».

Рассказывая об этой тяжелой ситуации, в которую попала его рота, Владимир Александрович посетовал, что запоздали вертолеты, которые были вызваны по радию, и Сашу спасти не удалось. «Погиб в Афганистане и наш комбат П. Пятицин, не помню, к сожалению, его имени», – говорит ветеран.

В 1987 году боевые действия проходили во многих провинциях Афганистана.

В ноябре-декабре была проведена одна из крупнейших операций, «Магистраль», по разблокированию Хоста. Военная обстановка продолжала оставаться сложной.

В конце ноября 1987 года Высшим Советом Афганистана – Лойя Джирга президентом страны был избран Наджибулла, который

объявил делегатам афганского парламента о продолжении линии на прекращение огня до 15 июля 1988 года. Вывод советских войск из Республики Афганистан по согласованию обеих сторон предполагалось осуществить за 12 месяцев.

А пока шла война, гибли люди. Потери личного состава Советского Союза в 1987 году составили 1215 человек. В ноябре 1988 года наш земляк Владимир Александрович Харитонов убит по замене на Родину в звании гвардии капитана. Как мы уже отмечали, его служба в Афганистане продолжалась более двух лет. Он награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», а также орденом Мужества за службу в Чечне, где он был шесть месяцев.

С 1998 года подполковник запаса В. А. Харитонов работает начальником охранно-патрульной службы «Северстали». За добросовестную работу имеет ряд благодарностей и поощрений.

ВСЕГДА НАЧЕКУ

ЧЕРЕПОВ С. А.

Пришедший на встречу со мной вместе со своим другом Сергеем Мазеиным Сергей Черепов производил впечатление надежного, спокойного и уравновешенного человека, к тому же очень немногословного.

Ему, служившему в комендантском взводе в столице Афганистана Кабуле, видимо, казалось, что он ничего такого особенного не

сделал, просто честно и добросовестно нес свою двухгодичную солдатскую службу, выполняя все приказы своих начальников.

Постепенно удалось его разговорить. Оказывается, и он попадал в экстремальные условия и мог лишиться самого дорогого – жизни.

«Однажды, – рассказал он, – я стоял на посту сравнительно недалеко от штаба наших войск, вдруг ко мне подбежал афганский мальчонка, ударил меня по щеке и быстро отбежал в сторону. Смотрю, ко мне подходит группа вооруженных афганцев, берет меня в кольцо, раздаются какие-то хриплые крики. Молчу, весь напрягся, крепко держу автомат, если что – дам отпор. Вдруг кто-то из толпы начал говорить по-русски, громко, энергично. Меня оставили в покое, отошли.

В ту горячую для нас пору, когда я заканчивал службу, а это было в феврале 1989 года, начался вывод советских войск из Афганистана, в Кабуле, да и вокруг него, было немало противников афганского правительства Наджибуллы.

Многочисленные банды не давали покоя его сторонникам. Наш комендантский взвод, охранявший штабных командиров, уходил из Кабула в числе последних».

Были и еще случаи, когда Сергею приходилось рисковать жизнью. Саланг. Кто не знает этот перевал и четырехкилометровый тоннель в горах. Дорога узкая, внизу глубокие ущелья. «А тут еще, – говорит Сергей, – при нашем отходе на забитой техникой и людьми дороге произошел сход лавин. Был ли он естественный или специально подстроенный душманами – трудно сказать. Везли мы горюче-смазочные материалы, оружие, боеприпасы. Часть нашей колонны была снесена в ущелье. Откапывали ребят, как могли, торопились. Я откопал солдата по фамилии Денисенко, имени не помню, но многие погибли. Колонна продолжила свой путь.

«Духам», видимо, была дана команда не трогать отходящие советские части, но они все равно время от времени вели по нам минометный огонь.

Наш БТР, – говорит Сергей, – подорвался на mine, она взорвалась под задним колесом боевой машины. Нас резко и сильно тряхнуло, но все удержались, я отделался легкой контузией. Но если бы мина взорвалась под передним колесом, то последствия могли быть совсем другие, вряд ли мы, сидевшие наверху, на броне, были живые».

15 февраля 1989 года последнее подразделение 40-й армии покинуло Афганистан, но гражданская война продолжалась, принимая все более ожесточенный клановый характер.

Последний бой с нашими частями произошел на Южном Салан-

ге, за две недели до окончательного вывода советских войск. Бой был коротким, но жестоким, не обошлось без потерь.

Советская сторона выполнила Женевские соглашения, заключенные 14 апреля 1988 года между ДРА, Пакистаном, СССР и США. Согласно этим соглашениям половина советских войск должна быть выведена к 15 августа 1988 года. И фактически вывод начался с 15 мая. Вывод же всей 40-й армии должен был завершиться в течение девяти месяцев. Соглашения были выполнены в срок.

Еще 9 февраля 1988 года в газете «Правда» было опубликовано заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по Афганистану. В нем были определены сроки вывода советских войск.

Недальновидное политическое руководство пожинало свои плоды, бросив на произвол судьбы результаты деятельности своих войск.

Но мы еще раз подчеркнем, что наши воины выдержали все и сумели показать силу и мощь своей великой тогда державы.

«За отличие в воинской службе» – такой медалью награжден наш земляк Сергей Александрович Черепов. «Обещали медаль «За отвагу» – да так, видимо, и забыли», – сказал он. Служил Сергей в 357-м полку Витебской дивизии.

В родном Череповце он учился в 5-й, 20-й и 30-й средних школах, в связи с переездом родителей, затем закончил ГПТУ № 8, получив специальность электрика.

И сейчас его бригадир Сергей Мазеин отзывается о своем боевом друге как о хорошем и верном товарище, на которого всегда можно положиться.

Сказалось, конечно, воспитание в трудовой семье, влияние отца Александра Леонидовича и мамы Екатерины Петровны.

Родители долго не знали, где служит их единственный сын, писал, что в Монголии. К чему были эти выдумки политического руководства? Весь мир знал о вводе советских войск в Афганистан.

ОНИ ОСТАВИЛИ ЗДОРОВЬЕ ТАМ

Война в Афганистане унесла жизни более чем 14600 наших солдат и офицеров.

Согласно статистике, каждый третий советский воин был контужен, травмирован или ранен, а также подвержен серьезным болезням. Ими, болезнями горного южного края – гепатитом А, брюшным тифом, дизентерией и другими, переболели многие солдаты и офицеры, часть их и не смогла выжить.

На молодых крепких ребят сильно влияли резкие перепады температуры – от 0 до 50 градусов жары.

Климат Афганистана, как и многие другие факторы, явно не учитывался при вводе войск в эту страну.

Ознакомившись с делами наших череповецких ребят, получивших серьезные ранения в ходе военных действий в Афганистане, я встретился с некоторыми из них.

Николай Александрович Кузнецов родился в Череповце в 1968 году. После окончания 8 классов поступил в СПТУ-2, получил специальность электрогазосварщика и начал работать на Череповецком металлургическом комбинате.

В 1986 году был призван в ряды Советской Армии, служил в Афганистане с 5 февраля 1987 года по 26 мая 1988 года. Старший стрелок. В одной из схваток с душманами подорвался на mine, был тяжело ранен и семь месяцев лечился в госпитале г. Подольска Московского военного округа.

Диагноз: минно-взрывное ранение, деформация левой кисти, серьезное поражение пяти фаланговых и межфаланговых суставов, осколочное ранение левого глаза.

Душманы вели беспощадную минную войну, и многие наши солдаты и офицеры подорвались на минах.

Николай выжил, но остался инвалидом на всю жизнь. Имеет жену и ребенка, пенсия небольшая, своей жилой площади инвалид II группы не имеет.

Примечание: Николай Александрович жилую площадь получил.

За службу в Афганистане, честное выполнение воинского долга награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», Почетной грамотой и медалью Президиума Верховного Совета СССР

Передо мной личное дело Соколова Юрия Алексеевича. Родился в октябре 1967 года в Череповце. С 1975 по 1983 годы учился в городской средней школе № 2. В 1983 году поступил в СГПТУ № 2, за-

кончил его в 1986 году по специальности «оператор установки непрерывной разливки стали» и до призыва в Советскую Армию работал на ЧМК в цехе ЭСПЦ.

В октябре 1986 года Юрий был призван в Вооруженные Силы и с октября по май 1987 года осваивал специальность механика-водителя 3-го класса в учебном полку ВДВ.

По окончании учебного подразделения был направлен в Афганистан, принимал участие в Панджшерской операции, неоднократно сопровождал колонны с военными грузами.

В июле 1987 года во время ведения боевых действий получил минно-взрывное ранение – отрыв правой стопы. В результате – инвалидность на всю оставшуюся жизнь.

В 1989 году Юрий поступил на работу на Череповецкую фабрику по ремонту и пошиву обуви, а после развала фабрики работал по патенту. В данное время также работает по этой специальности.

За службу в Афганистане награжден орденом Красной Звезды.

Вот такая краткая биография череповецкого парня, верного воинской присяге и, несмотря на инвалидность и сложные условия современной жизни, нашедшего свой жизненный путь.

Побывал я и на квартире инвалида II группы, участника боев в Афганистане Клинка Евгения Борисовича.

Тяжело сложилась жизнь этого человека. Родился он в Узбекистане, в г. Термез, что на границе с Афганистаном, получил специальность электрогазосварщика и в конце 1979 года в числе первых оказался в Афганистане.

«Наша часть стояла в основном за Кабулом, в горах», – вспоминает Евгений. У него, сержанта, командира отделения по ремонту бронетехники и автомашин, дел было более чем достаточно. Много военной техники выбывало из строя, особенно БТРов, танков, автомашин. Минная война калечила не только людей, но и технику.

От резких перепадов температуры Евгений поморозил ноги, но долго не обращал на это внимания. Молодой крепкий организм брал свое.

После демобилизации сержант Клинков вновь в Термезе. Но после развала Советского Союза для русских жизнь в этом городе стала невыносимой. В 1994 году он бросил там квартиру, все имущество и уехал к сестре Полине в Череповец. В конечном итоге после некоторых мытарств получил российское гражданство и устроился на работу в коксохимпроизводство ОАО «Северсталь» электрогазосварщиком.

10 лет отдал ветеран этому делу, но постоянная боль в левой ноге, отмороженной в горах Афганистана, давала знать. И в апреле 2005 года почерневшую ногу ему ампутировали. После ампутации он перенес инсульт.

Третья степень ограничения к трудовой деятельности фактически приравнивается к первой группе инвалидности.

Когда я беседовал с Евгением, то убедился, что жизнь сыграла с ним злую шутку; прерывистая с остановками речь, напряжение при разговоре и какая-то безысходность в поведении.

В квартире, где живет Евгений Клинков, две маленькие комнаты. В одной из них вместе с ним проживает мать – инвалид Великой Отечественной войны I группы, ей 90 лет. Она не всегда может подняться, ей нужен постоянный уход. Этим занимается дочь – Полина Борисовна, проживающая тут же.

В соседней комнатухе живет племянник Евгения с женой и только что родившимся младенцем. Общая площадь квартиры менее 28 квадратных метров. Несколько квадратных метров – вот и все жизненное пространство Евгения Борисовича Клинкова.

Недавно сестры ветерана показали мне бумагу, пришедшую из мэрии Череповца. Е. Б. Клинков поставлен в очередь на внеочередное получение квартиры под № 13. Будет ли счастливым этот номер для него?

Более 20 дел просмотрел я об инвалидах-«афганцах» – череповецких парнях. Находятся они у полковника в отставке Генделя Владимира Николаевича – руководителя Вологодской региональной общественной организации инвалидов войны в Афганистане.

Не хотелось бы беречь раны этих товарищей, задевать тонкие душевные струны людей, переживших афганское пекло. Кто знает, по душе ли это им будет. Поэтому остановлюсь, но отмечу пофамильно череповчан, получивших инвалидность в ходе афганской войны:

1. Батин Вячеслав Михайлович,
2. Веризуб Александр Валерьевич,
3. Варников Евгений Геннадиевич,
4. Дубчинский Александр Евгеньевич,
5. Кирин Сергей Владимирович,
6. Копылов Михаил Борисович,
7. Подolyа Владимир Александрович,
8. Смирнов Василий Алексеевич,
9. Смирнов Игорь Юрьевич,
10. Снурницын Иван Стефанович,
11. Соловьев Виктор Сергеевич,
12. Хавкун Анатолий Васильевич,
13. Шалимов Никифор Григорьевич,
14. Клинков Евгений Борисович,
15. Кошкарев Юрий Трифанович.

Все они награждены за свой подвиг орденами и медалями СССР и Российской Федерации.

ГЛАВА IV

ПОМЯНИ НАС, РОССИЯ, В ДЕКАБРЬСКУЮ СТУЖУ

Помню, в стройотряде вечерами, сидя у костра, мы пели песни. По небу рассыпались миллионы звезд, и мы мечтали о будущем. Иногда пели песню, в которой были следующие строчки: «О сколько их, не сделав в жизни главный шаг, пришли домой в солдатских цинковых гробах». Дух Афгана незримо витал над Россией. Тысячи матерей ждали заветные конверты, сотни плакали над могилами своих сыновей. Настало время осветить еще одну страницу прошедшей афганской войны и поведать о героизме парней, которым не суждено было вернуться на Родину живыми. На броне боевых машин, на вертолетах с пробитыми, свистящими лопастями вывозили их тела с поля боя.

Уже пожелтели извещения о гибели сыновей, письма командиров из части да коллективные солдатские послания из подразделений. И только неизменными, все такими же юными остались те, кто уже никогда не переступит порог отчего дома. Каждый из них достойно прошел свой путь к бессмертию. Все они как братья лежат на воинском мемориале. Но почему так больно сердцу?

*Афганистан прошел войной по душам
Родителей погибших сыновей,
И в горле ком стоит, и слезы душат,
И до утра не спится, хоть убей!
За что такая доля им досталась,
Что белый свет становится немил?
На то ли сыновей растить, чтоб в старость
Над прахом их реветь возле могил?*

Кажется, прошло столько лет, и усталое сердце должно успокоиться от боли. Время лечит. Но горечь потери не уходит из него. Родители по-прежнему скорбят над могилами своих сыновей. Помните и вы – солдат, которые отдали свои жизни, остановитесь возле их могил, очистите свою душу слезами. И пусть никогда больше в этом мире матери не заплачут над похоронками своих сыновей.

Т. Митенева

МАТЬ

БЕСЕНКОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

*Нам досталась сердечная рана -
Ориентир потерявших мужей,
Серповидные шрамы Афгана
На безбожных телах сыновей...*

Лариса Васильева.

1989 г.

Ах, это веще материнское сердце! Александра Ивановна заболела сразу после того, как Павлика отправили в Афганистан. Ее подлечили и попросили поработать в больничном отделении санитаркой: «Выручите нас, а мы вас будем подлечивать, сына ждать еще долго». Там, в больнице, мы с ней и познакомились. Тревога не отпускала ее, хотя в письмах от сына не было ничего такого, что вселяло бы беспокойство: Павлик занимается строительством казармы, красит забор, охраняет мирный труд афганских рабочих. И командир Иван Кириченко, по словам Павлика, – человек хороший... Последнее письмо сулило скорую встречу: «Ура! До приказа остается 23 дня! Ждите! Ваш Павел. 03.09.82». Помню день, когда и врач, и дежурная медсестра пришли на работу, сияя от радости: сыновья вернулись со службы. «Скоро и мой Павлик придет», – тихо сказала Александра Ивановна. А на следующий день А. И. Бесенкова не вышла на работу. Письма, хранящиеся в семье Бесенковых, частично выстраивают трагическую хронику обстоятельств, приведших к смерти их сына.

«Здравствуйте, Александр Александрович и Александра Ивановна! Пишут вам и выражают свое соболезнование друзья Павла, которые на протяжении двух лет служили вместе с ним. Дорогая Александра Ивановна, вместе с вашим сыном и нашим другом Павлом мы неоднократно ходили на выполнение боевых задач, и всегда Павел выполнял их на «отлично», за что не раз получал благодарности от командования части. И за знание своей воинской специальности, и за храбрость при обезвреживании взрывоопасных предметов, используемых мятежниками против военизи-

рованных колонн, он награжден нагрудным знаком «За разминирование», который повез вам Борис Ткаченко. Он скоро у вас будет.

Дорогая Александра Ивановна! Мы, друзья Павла, хотим вам сказать большое спасибо за вашего сына, он был хорошим другом, честным, добросовестным и очень веселым, даже в то время, когда вроде бы и нельзя было смеяться, когда на душе у всех было тяжело, Павел брал гитару, пел и поднимал всем настроение. Вот таким был ваш сын, пока не умер от болезни брюшной тиф. Высылаем вам негативы, где запечатлены Павел и его друзья, и адрес его лучшего друга Бориса Ткаченко. Декабрь. 1982 г.»

«Уважаемые родители рядового Павла Бесенкова! В ответ на ваше письмо об обстоятельствах смерти вашего сына сообщая, что он 17.11.82 г. поступил в госпиталь, 19.11.82 г. переведен в хирургическое отделение с диагнозом «перфорация язв кишечника, разлитой перитонит». Ему сразу же была сделана операция, которая длилась четыре часа. Сделано все возможное, но спасти П. А. Бесенкова не удалось. Заместитель командира части (подпись). 10.03.83 г.»

«В ответ на ваш запрос сообщаем... Заболевание протекало в крайне тяжелой форме с высокой лихорадкой до 41 градуса, выраженной интоксикацией организма. На вторые сутки пребывания в госпитале болезнь получила крайне опасное осложнение. Несмотря на комплексное лечение в реанимационном отделении госпиталя, состояние больного продолжало ухудшаться. 23.11.82 г. рядовой Бесенков П. А. повторно оперирован. Несмотря на усилия бригады врачей-реаниматоров, 24.11.82 г. в 22 часа 10 минут наступила смерть. Имело место полное совпадение клинического и анатомического диагнозов. Случай смерти Бесенкова П. А. разобран комиссией по изучению летальных исходов. Дефектов в оказании помощи больному не выявлено.

Дорогие мать и отец Бесенкова Павла, мы сделали все возможное. Заместитель командира по политической части Кельнов, начальник медчасти подполковник Устьянский. 28.10.83 г.»

«Уважаемая Александра Ивановна! Мы случайно получили ваше письмо. Вы нашим офицерам не пишете, они все новые и ничего о Павле не знают. А мы с ним служили недолго. Он заболел, но никто не знал чем. Долго лежал в палатке, из санчасти ему давали таблетки. Потом его отправили в инфекционное отделение, сказали, что брюшной тиф. А через три дня нам сообщили, что Паша умер. Мы считаем, что болезнь была запущена, организм был истощен. А об Иване Кириченко сообщаем, что он был самым лучшим офицером в роте, отличный парень, он всегда был с солдатами».

Однажды командир взвода Иван Кириченко застрелял с саперами на минном поле до вечера. Быстро опустилась черная южная ночь.

Нечего было и помышлять о выходе с поля. Они просидели там до рассвета, опасаясь сделать лишнее движение. А утром, когда вернулись в часть, комвзвода сказал: «Вы думаете, если я офицер, то мне не было страшно? Нет, я из такого же теста, что и вы».

Он оставался живым, этот молодой красивый лейтенант из Хмельницкой области, пока длинный стальной шуп держали в руках такие надежные и уже опытные саперы, как Павел Бесенков. Потому им и пришлось служить дольше положенного срока, что пополнение прибывало неопытное. А моджахеды, обученные иностранными специалистами в особых центрах подготовки и военизированных лагерях, расположенных на территории сопредельных стран, минную войну вели коварно и умело. Внешние силы поставляли мятежникам огромное количество «взрывоопасных предметов» – от мощных двухсотпятидесятикилограммовых фугасов с дистанционным управлением до мин в пластмассовом корпусе, которые срабатывали после нескольких нажатий на крышку... И как только «стариков» не стало и в рейды пришлось ходить с новичками, Иван Кириченко погиб. Одновременно с ним подорвались на минах еще одиннадцать человек.

Но об этом и многом другом мать узнает позднее, когда обедет друзей своего сына, побывает в Ленинграде, на Украине и в Белоруссии, узнает, что не строительство полигона и не посадка аллеи дружбы были главным делом сына. У командира второго саперного отделения П. А. Бесенкова была крайне опасная служба. Сапер ошибается один раз. Павлик не ошибся ни разу.

Почему же ему позволили умереть от болезни?

Пришел из части почтовый перевод на 63 рубля, которые не успели, видимо, выплатить сыну. На обороте бланка торопливая надпись: почтовый сбор 1-20. Хорошо, удержали, но надо ли об этом сообщать? В такой-то час?

Вот в руках матери, наконец, награда сына – нагрудный знак «За разминирование» и удостоверение к нему. В удостоверении написано, что оно «выдано рядовому Бесенко Петру Андреевичу». Чья равнодушная рука выписывала этот документ, полностью превратив имя, фамилию, отчество?

Три инфаркта перенес после гибели сына отец. Стал инвалидом второй группы. Но перед направлением на ВТЭК врачи говорили: «Зачем вам это? Все равно уже на пенсию по возрасту выходите...» Подозревали в корыстных умыслах? Хотя ни на один рубль выше пенсия в результате инвалидности не стала. Написал в областной отдел социального обеспечения с просьбой перечислять деньги на лицевой счет. Указал номер счета и сберкассы. Три месяца напрасно ждал денег, а когда начал разбираться в этой волоките, то выяснилось: их шлют в совсем другую сберкассу, на другой конец города.

Долгое время родители не имели никаких прав на благоустройство могилы сына. Сердце сжималось при виде временных, покрытых охрой «коробух», которые потом заменили тонкими мраморными плитами. Отец пришел на кладбище как раз тогда, когда эти плиты укладывали, а края могилы обкладывали зеленым дерном. Попросил работавших поплотнее положить дерн. «Подумаешь, какие Александры Матросовы тут лежат», – отозвалась женщина-мастер, руководившая работами.

Не выдержали Бесенковы такой черствости, сами поставили памятник. И получили выволочку «за самоуправство на государственном мемориальном кладбище».

Многое рассказали Александре Ивановне друзья Павла о ее сыне. Но так и не получила она ответа на мучивший ее вопрос: почему Павлу дали умереть от болезни? Как случилось, что он попал в госпиталь за неделю до смерти, в безнадежном почти состоянии? Парни уходили от вопросов, отмалчивались или переводили разговор на общие темы нелегкой службы в Афганистане.

От встречи к встрече мать становилась все сильнее и тверже. К личному горю прибавилась боль за этих оставшихся в живых, но таких неустроенных, покалеченных физически или подорванных морально парней.

Город Хмельницкий. Здесь в частном доме, в одной тесной грязной комнате она увидела девятнадцать поставленных коек.

Хозяйка с приездом гостьи кинулась подметать, менять на кроватях белье. Но ни светлее, ни уютнее общага вследствие этого не стала. Одну из коек занимал Сергей Глушков. Тот самый, который сопровождал гроб с телом Павла в Череповец. У Сергея тогда сильно болела простреленная нога. Болела и теперь. Переночевав в доме, Александра Ивановна пошла на другой день к руководству предприятия, где работал Сергей, и не отступилась, пока не получила обещания, что парню дадут место в заводском общежитии.

Небольшой городок все той же Хмельницкой области. В печальный день прибыла сюда мать. Родные и близкие собрались на годовщину гибели Ивана Кириченко. Вздвигать не рассказывал своим подчиненным о семье, и у ребят сложилось впечатление, что у командира никого нет. А оказалось – родители и шестеро братьев и сестер. И эти восемь человек, потерявшие сына и брата, теснились в небольшой трехкомнатной квартире без элементарных удобств.

Взорвалась гневом. Пошла в исполком. Прорвала осаду тех, чья главная обязанность говорить: «Занят, принять не может». Потребовала квартиру для семьи погибшего воина. А когда услышала в ответ упреки в бесцеремонности и сакраментальное: «Не мешайте работать», – объявила ультиматум: «Если вы не выделите этой се-

мье нормальное жилье, я разошлю телеграммы всем ребятам, которые служили с Иваном Кириченко, и они съедутся сюда и встанут стеной перед вашим подъездом». Память о погибшем сыне придала матери силы. И все, что она делала для его друзей и родственников погибших его сослуживцев, – все это было данью памяти сына. Перед ней закрывали двери, выгоняли из кабинетов, а она стучалась вновь. Только это как-то утешало исстрадавшееся сердце.

Через год или полтора после гибели Павлика я встретила А. И. Бесенкову на улице и едва узнала ее – настолько изменилась эта женщина. Потемнела лицом, осунулась, во взгляде – непримиримость. Она рассказала о своих поездках:

– Что еще можно сделать?

– Поберегите себя, Александра Ивановна, скоро о вашем сыне и о таких, как он, будут говорить открыто, расскажут об их службе, поставят им памятники, – сказала я тогда матери. Это время наступает...

Л.Мамченко

ЧТО ОСТАЛОСЬ МАТЕРИ ОТ СЫНА?

ГОЛУБЦОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

*Что осталось матери от сына?
На стене мальчишеский портрет,
Лекции по физике, рейсшина,
По дешевке купленный мопед.
Строгий галстук, модная сорочка.
С детских лет со вкусом парень был.
Да казенной той бумаги строчка,
Военком которую вручил.
Александра Фролова*

Говорят, он был абсолютно не военным человеком. Очень спокойным, добродушным, исполнительным. Увлекался фотографией и с упоением читал книги. Они были его первыми и главными друзьями. С ними вместе он отправлялся в неизведанные дали и страны, наполняя жизнь приключениями и романтикой. В 1982 году он хорошо окончил среднюю школу № 4, без труда поступил в Вологодский политехнический институт, на инженера-механика. А 4 июля 1983 года Андрея Викторовича Голубцова призвали в армию. Сильно переживала за сына Галина Ивановна, как там он привыкает к сложностям военной службы. Но, кажется, все было нормально. Андрей не жаловался, а в письмах успокаивал родителей. Рассказывал им о новых дру-

зьях, как идет служба, немного о погоде и посылал приветы родным. В одном из писем просто и буднично, спокойно так он сообщил родителям: «Наверно, мне от Афганистана не отвязаться». В Афганистане он попал в Баграм, в отдельный ремонтно-восстановительный батальон, по специальности – мастер по ремонту гусеничной и бронетанковой техники. У него были золотые руки, и он быстро освоился с ремонтом военной техники. Пострадавшие во время боя, подорвавшиеся на минах, разбитые БТРы, танки, машины, БМП привозили в часть, и в самые короткие сроки их надо было восстанавливать. А это значит, что сутками напролет не вылезая из гаража, ремонтируя технику.

Они встретились в Афганистане. Два череповецких паренька – Андрей Голубцов и Валерий Жаров. Матери их работали в одном детском саду. И это была судьба, что они встретились. Они стали, как братья, поддерживать друг друга. Вместе ждали весточек из дома, и если у одного задерживалось письмо, то благодаря другому он был всегда в курсе домашних дел. А иногда после службы они собирались вместе, покупали сгущенку, заваривали «колючку» и вспоминали далекий Череповец, друзей и родных. И зной Афганистана забывался, опасности и смерть как будто растворялись до утра. А утром – снова служба. «Андрей вкалывал честно, – вспоминает Валерий. – Никогда не ныл. Бывало, после ночной погрузки уже сквозь зубы дышит, а работает наравне со всеми. Никто о нем худого слова не сказал. В рейды его только брали редко. Туда ведь старший группы отбирает ребят шустрых, боевых. А Андрей был мягкий, добродушный, не военный, в общем, человек. Да ему и в части работы хватало, его ценили, на него рассчитывали».

А в это время в Череповце матери день и ночь ждали конвертов с обратным адресом «Полевая почта». Придет такой конверт, и сердце вроде отпустит. Жив сынок. Только приболел малость. «Сейчас в госпитале лежу. Дело уже на поправку пошло. Заболел я, pneumonia, малярией. Вот такие пироги! Малярия – вещь поганая, надо сказать. Две ночи подряд трясло, только зубы лязгали. Первую ночь перетерпел, а на вторую пришлось укол делать. Температура высокая с неделю была, 38-39 градусов».

Мам, ты за меня шибко-то не расстраивайся. Что заболел, и все

прочее. Сейчас все вылечивают. Так что все в порядке будет». Когда малярия немного отпустила, Андрей сразу выпросился из госпиталя обратно в часть. «Дома» и стены лечат. «Мам, ты бы мне к 7 ноября шоколадок да сигарет выслала, как-никак, а праздник. Мам, ты с яблоч варенья навари, я с армии приеду, так поем. Ох, как я по дому соскучился. Только о доме и думаешь. Ну, недолго осталось, скоро Октябрьские, потом и Новый год, а там всего немного останется. Я тут ребятам своим фотографии рассылал. Так написали, что с первого раза меня никто не узнал. Ну, вообще-то и не мудрено, на гражданке был 86 кг, а сейчас 69. Пошли, мам, шоколадок. Все в этом Афганистане есть и из еды, и из вещей, а вот шоколаду что-то не видел». Ему так хотелось жить. Он строил планы на будущее, вспоминал о доме и мечтал обнять маму. А судьба отсчитывала ему последние часы. Через два дня ему опять стало плохо, и 5 ноября 1984 года младший сержант Андрей Голубцов умер в госпитале. Сейчас все вылечивают, но врачи поздно обнаружили у него тиф и спасти не смогли.

Тот день не предвещал ничего плохого. Галина Ивановна и Виктор Григорьевич пошли в магазин. На улице встретили двух военных, медсестру. Еще не было сказано ни одного слова, и встреча, кажется, была случайной, но Галина Ивановна поняла все. Похороны сына помнятся как в тумане. Спустя восемь месяцев умер Виктор Григорьевич, сердце не камень, говорят.

Т. Митенева

ОНИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ ДРУГ ЗА ДРУГА

КАТАЙКОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

*Суровая земля Афганистан.
Долины, кручи, горные отроги.
Ночной поход – коротенький привал,
Тяжелые военные дороги.
Мы выполняем свой солдатский долг,
Соленый пот глаза нам застилает,
Но пусть увидит враг и пусть поймет,
Как русские живут и умирают.*

Тихо сейчас в доме Катайковых. Лишь изредка телефонный звонок соединит два города: Москву и Череповец. Валентина Ивановна услышит родной и близкий голос снохи Татьяны или голос внучки Анечки. И серд-

це наполнится теплом и радостью. Не забывают, помнят. Она пройдет по квартире, бережно погладит чудные скульптуры из дерева, которые вырезал Андрей, когда был в пионерском лагере. Он и потом увлекался резьбой по дереву. Многие работы дарил друзьям на память. Заботливо и трепетно хранит Валентина Ивановна работы сына. Потом присядет на диван, долго и пристально будет смотреть на его фотографию. А когда землю поглотит ночь, тени прошлого выйдут из плена и заполнят израненную душу воспоминаниями.

...«Как прекрасен этот мир» – Андрей любил эту песню. Он всегда следовал этому принципу, и все в жизни ему удавалось. Гоша, когда учился в Череповецком педагогическом институте, встретил свою любовь – Таню, Танечку, Танюшку. Все свободное время они проводили вместе, а когда окончили институт, поженились. Он очень любил свою жену. Очень-очень. Они были красивой парой. После института Андрей работал в 9-й школе учителем физики. У него были золотые руки. Он мог собрать любой радиоприемник, починить телевизор. Все знал, все умел. Уважал своих учеников, и они боготворили его. «В жизни надо все уметь», – так всегда говорил он. И все, что задумывал, исполнял. Только трагедия старшего брата Александра не давала ему покоя. Андрей учился на втором курсе, когда призвали старшего брата в армию. Спустя два года Александр вернулся домой. Комиссовали его из армии по болезни. Что там с ним произошло, никто не знает, только вернулся он в родной дом чужим человеком. Никого не узнавал, как будто первый раз ходил по квартире. Разум к нему так и не вернулся. Отец Сергей Степанович вскоре после возвращения Саши умер. Переживал за старшего сына, а болезнь и подкралась стремительно.

Все, кажется, складывалось хорошо у Андрея: любимая жена, работа, ученики. Он мог не служить, но не мог не пойти в армию. Все хотел разобраться в трагедии брата, найти правду. 30 марта 1982 года Андрей прибыл на призывной пункт, затем его направили в Туркменистан, в учебную танковую часть. А через пять месяцев родилась у него дочка Анечка, которую он так ни разу и не увидел. Хотя с нетерпением ждал ее появления на свет. В Россию летели письма: «Здравствуй, дорогая мама, Саша, Танюшка! Мама, как твое здоровье? Много ли хлопот доставляет Анечка? Ведь теперь у тебя, мама, есть внучка. И ты, наверное, во всю силу используешь права бабушки. Трудно, наверно, вам, мама, видишь, как получилось. Мне не пришлось понянчиться с Анечкой, пока она маленькая. Не видел я ее после рождения. Все пришлось на Танюшку. Целый год еще ей придется воспитывать Анечку с бабушками. А знаешь, мама, очень хочется посмотреть дочку, честное слово, а вам-то, что я папа, ве-

рится? Мне как-то не ощущается. Наверно, это появится, когда я буду в своей семье, вместе с Танюшкой буду растить Анютку». Он мечтал и загадывал о будущем, но судьба распорядилась иначе и все переписала по-своему. Вскоре их перебросили в Афганистан. Так один месяц пробыл он в Афганистане. Скучал по дому, просил прислать фотографию дочери. Валентина Ивановна с Татьяной специально выбрали свободный день и с маленькой Анечкой отправились в фотоателье. Фотографию отправили вместе с письмом в Афганистан. Но вскоре письмо вернулось, нераспечатанное.

3 февраля 1983 года. Воспоминания о том дне тяжелым камнем лежат на сердце Валентины Ивановны. Она помнит все. Помнит, как резкий звонок ворвался в квартиру. Она открыла дверь. На пороге военный и врач. Спросили Татьяну Николаевну Катайкову. Спросили: «Как вы себя чувствуете, Валентина Ивановна?». Прошли в комнату к Татьяне. Несколько фраз, она не разобрала, что говорили, и крик: «Уронит ребенка! Держите ребенка!». Еще она помнит склонившегося над Татьяной врача. В руке у нее была казенная бумага. «16.01.1983 в ходе боевой операции в районе нас. пункта Дожа, провинция Пактия, мл. сержант Катайков обеспечил выполнение боевой задачи мотострелкового батальона. Умело командуя экипажем, огнем из танка уничтожил вражескую засаду. Продвигаясь по указанному маршруту, танк подвергся гранатометному обстрелу и упал в реку Лога. Спасая механика-водителя, мл. сержант Катайков погиб. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно)».

Смерть Андрея сблизила двух женщин. Мать и жену. Каждая из них не могла смириться с потерей близкого человека. Боль утра-ты переполняла сердца, но каждая понимала, что другая потеряла больше. Ничто не заменит матери сына, никто не вернет жене мужа, дочери отца. Они скорбели вместе, вместе теперь уже на всю оставшуюся жизнь. На всю оставшуюся жизнь объединила их смерть Андрея, любимого сына, мужа, отца. Валентина Ивановна бесконечно благодарна Валентине Сергеевне Гришиной из женсовета мэрии, которая помогала им. Помнит она и тот сон, что приснился ей накануне. «Андрей где-то вдалеке. Только голос его несколько раз так повторил: «В трех квартирах мамы плачут, а в одной из них наша плачущая мама». Три танкиста, экипаж машины боевой. Погибли наши парни в чужой стороне, оставив нам только память о себе. Тихо сейчас в квартире Катайковых. Тихо и уединенно живут Валентина Ивановна с Александром. Татьяна с Анечкой не забывают ее. Через тысячи километров телефонные провода доносят их голоса до Череповца. И встрепенется сердце матери и бабушки. Помнят, любят. Любят...

Т. Митенева

ВДАЛИ, ПОД ГЕРАТОМ

КОРОБОВ ДМИТРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

*И залпы башенных орудий
Проводят нас в последний путь.*
Из солдатского песенного фольклора

Очередная волна ударила лодку в правую скулу, приподняла и потащила за собой. Весла выгнулись, казалось, еще секунда, и они разлетятся в щепки. Мотор отказал на подходе к акватории промпорта металлургического комбината – место широкое, есть где разгуляться ветру и набрать скорость волне.

Виталий Павлович сразу понял, что на воде движок не отремонтировать, надо как-то пробиваться к берегу. За себя он не боялся, но с тревогой поглядывал на побледневшее лицо жены. И дернула же их нелегкая накануне праздника плыть в Кривец, поживив бы сейчас с мужиками – любо-дорого.

Восьмого мая с утра жена начала уговаривать: «Поплывем да поплывем». Уж больно не хочется... В праздник у мужика одна забота: в гости сходить, самому гостей встретить, выпить да закусить... Позднее, вспоминая этот день, спрашивал себя: уж не предчувствие ли страшной беды гнало Алевтину из дома, не дало покоя в родных стенах? А тогда пожалел жену, согласился...

К утру дивизион выполнил задание. Несколько суток, перебираясь с места на место, гаубицы глухо ухали и посылали снаряд за снарядом в сторону гор. Где рвались снаряды – артиллеристы не видели: они били по целям, координаты которых сообщали корректировщики.

Наступившая тишина давила на уши, ощущалась физически.

– Коробов! Коробов! – комбат наклонился над люком бронетранспортера.

Радиотелеграфист поднял глаза, увидев командира, сдвинул наушники.

– Передай, что начинаем движение к дому, – прокричал комбат и широко улыбнулся.

Коробов подстроил волну, передал сообщение. «К дому, – усмехнулся про себя. – Дома сейчас самое хорошее время – начало мая, завтра День Победы будут отмечать. На реке благодать... У берез первый листок проклевывается. А здесь домом называют военный городок южнее Герата, в котором стоит наш полк».

– Димка, вода осталась? Давай сюда, нечего экономить, скоро дома будем, – несколько рук протянулись в люк.

Коробов взял канистру, встряхнул ее, воды оставалось самая малость.

– Дотерпите, вдруг задержаться где придется.

Вверху раздавались недовольные голоса, но никто не настаивал. Ругались по привычке, хорошо сознавая, что Коробов прав: свят закон – последний глоток воды должен оставаться во фляжке, он может еще пригодиться.

Солдаты устраивались на броне. Потянуло дымком от сигарет – верный признак, что дело сделано, теперь и расслабиться можно. Двигатель БТРа работал на полуоборотах, казалось, нетерпеливая дрожь пробегает по броне. Через минуту колонна двинулась к Герату, спускаясь на зеленеющее вдаль плоскогорье.

Холодный порыв ветра принес снежный заряд. Вода потемнела. Виталий Павлович держал лодку носом к волне, и ее медленно тащило к берегу. Руки замерзли, но он боялся хоть на миг оторваться от весел, знал, что лодку сразу же поставит бортом к водяным валам. Алевтина Яковлевна вцепилась в банку, которую по-сухопутному называла доской: она, как загипнотизированная, смотрела на свинцовые волны, боясь повернуться назад и не увидеть спасительного берега. Не видел его и Виталий Павлович: густая пелена снега, словно огромный занавес, ограничила видимость двумя-тремя десятками метров. Алевтина Яковлевна почувствовала, как сердце вдруг замерло: позади мужа, который сидел спиной к волне, возник крутолобый водяной вал и стал быстро расти. Он стеной надвигался на лодку. Хотела крикнуть, но не успела. Лодку резко приподняло и поставило почти вертикально.

Впереди колонны шли танки с катками. Если дорога заминирована, удар приходился по этим машинам. Когда каток наезжал на мину, взрыв был не очень заметен, просто каток подбрасывало вверх, словно и не было в нем огромного веса.

Но в последнее время душманы стали получать и мины-ловушки, которые не реагировали на разовое давление. Пройдет, например, танк – мина не сработает, просто взрыватель чуть-чуть опустится, пройдет БТР – взрыватель опустится еще на несколько миллиметров, и так до критической точки, когда достаточно давления человеческой ноги, чтобы произошел взрыв. Вначале, пока не разобрались, считали, что душманы ставят радиоуправляемые мины, но потом поняли что к чему.

Через час с небольшим, когда уже выходили на плоскогорье, колонна остановилась, пропуская несколько грузовиков. Кузова на «КамАЗах» были зачехлены, впереди и сзади грузовиков пылили БТРы с солдатами на броне.

До расположения полка оставалось рукой подать, и напряжение помаленьку спадало.

– Димка, дай канистру, – кто-то нетерпеливо протягивал в люк бронетранспортера загорелую руку. Коробов взял канистру и вылез на броню. Появился пластмассовый стаканчик. Пили воду, теплую, горьковатую, припахивающую лекарствами и металлом, по-разному. Одни разом выплескивали ее в рот и делали два крупных глотка, другие цедили по капле, создавая иллюзию, что в стаканчике много, по крайней мере, не меньше литра живительной влаги.

Дима придерживал канистру. Сам так пока и не попил. Но ни у кого из солдат не возникло подозрения, что он там, внутри БТРа, напился вволю. Слишком хорошо они знали друг друга, чтобы подозревать в подлости.

А Коробову стали воду доверять после одного случая. В тот день дивизион подняли по тревоге сразу после обеда. Только успели канистру под завязку водой залить, как прозвучала команда: «На выезд!»

Так случилось, что с мятежниками пришлось провозиться больше суток, и около своего БТРа солдаты оказались лишь под вечер следующего дня. Губы от жары потрескались, слова едва проталкивались сквозь зубы, от жажды лица заострились. Когда Коробов – а ему все это время пришлось поддерживать связь, не отойдешь от радиостанции, что установлена в комбатовском БТРе, – открыл канистру, то солдаты увидели, что ни грамма из нее не выпито. Сидел рядом с водой и не дотронулся. И, как ни хотелось тогда пить, первую порцию сержант налил Коробову.

Почему лодка не перевернулась, они так и не поняли. Минут через пятнадцать очередная волна вынесла ее на островок. Какая ни есть, но все суша. Виталий Павлович колдовал над движком, а Алевтина Яковлевна мелкими глотками пила горячий чай, который залила в термос перед самым отплытием. Ее была мелкая дрожь, не столько от холода, сколько от только что пережитого страха.

– Виталий, попей чаю, согреешься, – Алевтина Яковлевна протянула мужу пластмассовый стакан, над которым вился парок.

Обжигаясь, Виталий Павлович мелкими глотками пил крепко заваренный чай. Алевтина Яковлевна молча поглядывала на него, но было заметно, что о чем-то хочет спросить. Виталий Павлович знал, о чем: с того дня, как поняла, что сын воюет в Афганистане, каждую минутку думала о Димке, искала успокоения в разговорах о нем, в воспоминаниях. А тут еще сон. Приснилось, что пришел Димка домой, а есть отказывается, идти,

говорит, надо. Посидел в комнате да и ушел. Что там об этом сне товарки Алевтине наговорили, но стал замечать, что чаще заглядывает жена в альбом, разглядывает сына на фотокарточках.

Допил чай, протянул стаканчик жене:

– Еще полчаса, и поплывем. Наверное, письмо пришло. У них там теплынь, не то что у нас. Зеленъ кругом, – говорил, искося поглядывая на жену и замечая, как разглаживаются морщинки на ее лице.

– Димка, а ты что, пить не будешь? – сержант подставил стаканчик и, когда тот наполнился водой, протянул его Коробову. Дима молча взял, выпил. Закрыв канистру и спустился в люк. Там снова ее открыл, плеснул в кружку, меньше половины, и протянул ее водителю.

Надел наушники, в которых слышалось лишь тихое потрескивание. Если закрыть глаза и забыться, то можно подумать, что трещат сухие ветки в костре, который разложили они с отцом на берегу реки.

БТР вздрогнул и, рыкнув мотором, резко взял с места. Снова за клубилась бронзовая пыль, оседая на броне и на лицах солдат. Разве передаст этот цвет фотография? Помнится, вначале, когда только прибыли в полк, с удивлением смотрели на тех, кто возвращался из рейдов. Загоревшие до черноты лица с бронзовым отливом. Только через несколько дней поняли, с каким трудом смывается с пропотевшего тела афганская пыль.

Поселили их тогда отдельно от старослужащих. В палатках человек сорок. Кровати в два яруса. И с первого дня занятия на полигоне. Воевать учились все: от санинструктора и повара до командиров с большими звездами на погонах. Никто не знал, в какую переделку может попасть каждый, когда начнут ходить в рейды.

Не только свое оружие изучали, знакомились и с тем, что на вооружении у душманов. С интересом разглядывали буры, английские винтовки старого образца, египетские, западногерманские автоматы, английские минометы, американские автоматические винтовки с пластиковыми прикладами, мины итальянские в пластмассовом ребристом корпусе и английские в металлическом, гранаты с меткой «Сделано в США».

Тем, кто до армии кроме ложки никакого инструмента в руках не держал, было трудновато. Дима же с детства с железом возился: велосипед из выброшенного хлама мог собрать; потом радиоделом увлекся; в лесомеханическом техникуме специальность электрика получил.

Армейским порядком тоже не тяготился, дома многое сам делал, даже брюки перешивать научился...

В наушниках слышался голос головного бронетранспортера: «Внимание, входим в «зеленку»!»

Слышно, как удобнее устраиваются солдаты на броне – от «зеленки» любого сюрприза ждать можно. Нередко в густых зарослях поджидают в засаде не только одиночки, но и целые банды. Не успеешь вовремя заметить хриплый голос старшего лейтенанта: «Внимание, входим в «зеленку»!» – всем опасность, промедлишь с ответным огнем, проглядишь, откуда стреляют, – быть беде.

БТР прибавил ходу. Проскакивая рытвины, образовавшиеся от разрывов гранат, подскакивая на камнях, грозная машина мчалась вперед. Зеленая лента зарослей то убегала в сторону, то почти вплотную приближалась к дороге.

Обещал, что через полчаса будет все готово, а пришлось провозиться с движком без малого два часа. Уже стемнело, когда отплыли от острова. Ветер стих, небо очистилось от туч, вдали тысячами огней переливался Череповец.

Пока ставили на место лодку да добирались до квартиры, наступил поздний вечер. Дочки дома не было, опять у подруг пропадает. Сбросив сапоги, Алевтина Яковлевна прошла в комнату. Включила свет и замерла. В центре стола лежала телеграмма.

«Зеленка» кончилась неожиданно: только что по сторонам дороги были заросли, и вдруг опять пустыня.

В наушниках снова слышался голос. На этот раз сообщали с замыкающего бронетранспортера, что колонна прошла «зеленку».

Солдаты расслабились. Еще полчаса, и видны будут их палатки. А там обед, душ, там вдосталь воды. И наверняка там ждут письма.

Подумав о письмах, Димка улыбнулся. От мамы точно есть, может, и от нее пришло. Так мама и не узнала, что познакомился он незадолго до призыва с хорошей девушкой. Правда, наверное, догадывалась, раз всегда с улыбкой спрашивала, когда он собирался в кино:

– Дима, тебе денег на одну серию или на две?

Какие две, если она сама это кино смотрела. Конечно, догадывалась. Но так и не рассказал матери ничего; даже когда в армию провожали и собрались друзья, специально ни одной девчонки не пригласил; а с ней накануне простился. Ничего друг другу не обещали, но по письмам видно, что скучает девчонка, переживает за него и ждет.

И сейчас, когда за плечами почти год войны, не может понять Дима, как у него духу хватило познакомиться. Друзья и те порой подзуживали, что к девчонкам подойти боится. А он лишь отмал-

чивался. Не в страхе дело. Сам порой не мог понять, почему так стесняется незнакомых людей. Иной раз на автобусе лишнюю остановку проедет, лишь бы не протискиваться к выходу. Да и не говорун. Поглядишь на других – первое дело для них с девчонками потрепаться. А он так не мог. Не мог-то не мог, а вот ее встретил и разговорился. Если бы только разговорился.

Песни запел. На гитаре играть научился. Запрется в комнате и напевает тихо-тихо, чтобы мама или сестра не услышали...

Дима снял наушники, прикрыл глаза. Мотив легко всплыл в памяти. Вначале шепотом, а потом громче, кто услышит, когда ревет двигатель, солдат пел:

*...Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло,
Только мне не плачется,
На душе...*

Взрыв ударил снизу. Бронетранспортер подбросило вверх и развернуло поперек дороги. Солдаты, что сидели на броне, отделались легкими ушибами. Дмитрий Коробов скончался на пути в госпиталь. Случилось это 8 мая 1984 года.

Телеграмму прочитал Виталий Павлович. Родные сообщали, что умерла его мать. Горе открыло дверь в квартиру Коробовых. Не знали они, что через неделю найдет их на пристани, когда уже собирались садиться в лодку, чтобы ехать в Вытегру, начальник мужа В. А. Ильин, проведет в зал ожидания, где представитель горвоенкомата сообщит страшную весть.

21 мая придут на похороны друзья Димы, рабочие из цехов аммиака и разделения газа азотнотукового завода, где работали родители погибшего воина. Будет плакать военный оркестр, разорвут тишину кладбища выстрелы автоматов, замрут в почетном карауле военные курсанты.

Сейчас Виталий Павлович и Алевтина Яковлевна на пенсии, дочь Лена закончила лесотехнический техникум и работает в Шексне.

Горе меняет людей. Изменило оно и Коробовых. Алевтина Яковлевна частенько прихварывает, Виталий Павлович хоть и держится бодро, но затаилась в его глазах тоска, которую не вытравит и время. Если раньше он не отказывался от застолий, то теперь не берет и капли спиртного, бросил курить.

Когда Коробовы приходят к сыну, то всегда на мраморной плите видят гвоздики. Кто их приносит, они не знают.

В. Смирнов

КРАСОВИТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ПОДВИГ МАТЕРИ

*Зайдется сердце матери «афганца»,
Как вспомнит про погибшего сына.
Достанет письмецо его из ранца,
Где ей знакома каждая строка.
От нежных слов таким родным повеет,
И голос сына слышит до зари.
В душе опять как будто потеплеет
И легче станет, что ни говори.
Сын ей писал: «Ты не волнуйся, мама!
Я жив, здоров, побереги себя.
Ну что с того, что я в стране ислама,
Ведь я служу среди своих ребят.
И не беда, что жарко, есть арбузы,
А виноград – и летом, и зимой.
И служба тоже вроде не в обузу,
Не плачь, родная, жди меня домой.
Ты не печалься, мама! Даже если
Письма не будет, слишком не горюй,
Я в это время, может, где-то в рейде,
А так здесь все спокойно, честно говорю».*

Когда женщина носит под сердцем ребенка, она мечтает только об одном. Чтобы ее дитя было самым лучшим, самым умным, самым счастливым на свете. Но когда твой мальчик погибает на войне, едва увидев свою двадцатую весну, что может быть страшнее для матери? Ушел сын, а тебе осталась только память о нем. И подвиг матери в том, чтобы сохранить память о своем сыне. В доме Красовитовых все живет духом Андрея. В углу большая фотография, фуражка, орден Красной Звезды и стопка пожелтевших писем. Как будто он только минуту назад вышел прогуляться, пройдет час, и он позвонит в дверь. Уже больше двадцати лет мать ждет этого звонка...

Андрейка рос самостоятельным ребенком. Еще годовалый споткнется, упадет, но лучше не помогай, руку оттолкнет и сам дальше потопает. Вот и в 3-м классе, не спрашивая родителей, записался в хоккейную секцию. Пришел однажды домой с забинтованной головой – шайба прямо в лоб угодила. Тамара Николаевна спросила: «Может, больше не встанешь в ворота?»

«Что ты, мама?!» – возмутился сын. В секцию набрали около сотни мальчишек, но постепенно состав команды уменьшался. Не-

многие выдерживали спортивный режим. Сборы, тренировки, соревнования, первые победы – это требовало больших физических сил, все это вырабатывало и закаливало характер будущего солдата. После 8-го класса он перешел в спортивный класс 12-й школы. Девочки занимались баскетболом, а парни – хоккеем. Это был замечательный класс. Все стремились к спортивным победам. В 10-м классе наша юношеская сборная по хоккею ездила в Нарву на соревнования. Там были команды из разных городов – Риги, Ленинграда. Наша команда оказалась лучшей, заняв все призовые места.

А еще они любили собираться всем классом у Андрея дома. Тамара Николаевна знала и любила всех друзей своего сына. И всегда двери дома были гостеприимно распахнуты для них. Вот и в новогодний вечер в 10-м классе они собрались у Андрея дома. Андрей хорошо играл на гитаре, был душой любой компании. Все вспоминают, как заразительно он умел смеяться. Он словно стремился все успеть, все познать, вдохнуть радость жизни полной грудью. Он торопился жить, так говорят его друзья.

Вот уже звенит прощальный последний звонок. А в руках аттестат о среднем образовании, в котором только положительные оценки. Андрей решил работать на металлургическом комбинате, выбрав профессию машиниста крана. С металлургическим комбинатом связана вся семья Красовитовых. Отец Николай Тимофеевич работал на «Северстали» вальцовщиком, Тамара Николаевна работает распределителем работ. Любимая сестренка Лена работает машинистом крана в обжимном цехе, сын Лены Андрей тоже машинист крана.

Три записи в трудовой книжке Андрея:

01.09. 1981 – 14.07.82 – учеба в ГПТУ № 27 города Череповца. Череповецкий металлургический комбинат.

20.07.1982 – принят в обжимный цех машинистом крана металлургического производства на горячем участке работ по 3 разряду.

21.09.1982 – уволен по статье 29, п. 3 КЗОТ РСФСР в Советскую Армию.

А вот и первое солдатское письмо.

«Здравствуйте, мама, папа и Лена! Вот и началась моя солдатская жизнь. Пишу вам из Ленинградской области села Громово. Доехали нормально. В части получили обмундирование и помылись в бане. Как надели форму, то долго все смеялись друг над другом. Слишком велика, и все в ней кажутся смешные... На следующий день встали в 6 часов – и на зарядку. После зарядки все 180 человек строем пошли в столовую.

Вот чувствуется порядочек армейский. К кирзовым сапогам не могу привыкнуть, а портянки научился наворачивать сразу же».

«Пишу вам второе письмо уже совсем из другого конца СССР, т.к. из Ленинградской области нас переправили в Туркменскую ССР, в город Иолотан. Здесь, в Иолотане, нас будут учить на наводчиков станковых и противотанковых гранатометов. После учебки все мы пойдем продолжать службу за границу в 40-ю армию. А пока представьте себе – Туркменская ССР, жара здесь днем стоит 30-35°, но я быстро привык к этим условиям – сапоги уже не натирают ноги, как раньше, да и строевую осваиваю быстро. В общем, живу нормально. Волосики уже можно даже причесывать».

40-я армия. Сколько горя матерям принесло это название и превратило всю жизнь в ожидание очередного солдатского письма с первой строчкой:

«Привет из Кабула! Здравствуйте, мама, папа и Лена! Вот и закончился рейд, и я, как и обещал, сразу же пишу вам письмо. До кишлака, который мы должны были чесать, не доехали – с гор по нашим БТрам открыли огонь, и нам пришлось занять оборону на дороге. Обстреливали где-то полчаса, но все обошлось. Потом до самого вечера балдели. Рядом арык – там мы купались. Переночевали.

А утром в 3 часа поехали на место основных боевых действий. Вот дотуда ехали беспокойно – постоянно колонну обстреливали. В общем, до места доехали только рано утром на следующий день. Этот день мы полностью отдыхали, готовили оружие, вещмешки.

На следующее утро пошли на проческу ущелья. Наш взвод шел вместе с комбатом, то есть первое отделение. А задача нашего отделения была собирать раненых, убитых. Но это не значит, что нам было легко – найдешь, например, оставшего бойца – нужно отвести его на КП полка и опять догонять своих, и все это по горам. Ночью вдвоем стояли в дозоре и взяли в плен одного душмана. Взяли довольно легко, т.к. он не подозревал, что здесь могут стоять советские солдаты, шел, не таясь, ну, мы его и накрыли. Вот следующий день выдался очень трудный. С подъема сопровождали этого душмана на КП полка, там его сдали и обратно, а КП находится в 10 км от нас. Пришли обратно, и сразу же в путь. Оказывается, у комбата и его группы кончился сухой паек, и нам нужно было их выручать. Вот здесь тоже пришлось пострелять. В общем, до той группы было 7 километров. Мы дошли до них в 2 часа ночи следующего дня. Измучились капитально».

В апреле 1983 года Андрей тяжело заболел желтухой. Ему повезло, его вывезли в госпиталь в Россию, в город Ташкент. В госпитале он находился три месяца. А потом его под честное слово отпустили домой на недельку.

Семь дней подарила судьба Тамаре Николаевне побыть рядом с

сыном. Сын практически ничего не рассказывал о службе, внешне он был все такой же Андрей. Но даже когда он смеялся, глаза у него были печальные. В них застыла боль. Дни бежали, как назло, так быстро. Тамара Николаевна не могла насмотреться на сына. Каждый шаг, каждый взгляд, каждое слово врезалось в память, сердце матери запоминало каждую мелочь так, чтобы воспоминаний хватило на всю оставшуюся жизнь.

Через неделю Андрей вернулся в Афганистан. «Старший оператор ПТРУ рядовой Красовитов Андрей Николаевич в ДРА находился с декабря 1982 года. Участвовал в 8 крупных и 11 частных операциях, в сопровождениях колонн и охране маршрута. 7 сентября 1984 года при выдвижении роты в район Панджшера она была замечена мятежниками, которые пытались сорвать выполнение боевой задачи. Рядовой Красовитов, оценив обстановку, открыл огонь по мятежникам. Благодаря действиям рядового Красовитова рота выдвинулась вперед, неожиданно мятежники открыли по ним огонь. Рядовой Красовитов, рискуя жизнью, под огнем начал выдвигаться в наиболее благоприятное место. Выдвинувшись в такой участок, рядовой Красовитов открыл огонь по противнику, своим метким попаданием он заставил замолчать огневую точку, уничтожив при этом трех мятежников. Но сам был ранен. Раненый рядовой Красовитов все еще вел огонь по мятежникам, сознавая, что и от него зависит успех выполнения боевой задачи. Благодаря его решительным действиям боевая задача была выполнена, но сам он погиб во время боя».

Они мечтали после армии сыграть три свадьбы. Три друга – Андрей, Эдуард и Михаил. А сыграли только две...

Как три богатыря, три будущих солдата подросли уже в Череповце три Андрея: Андрей Бобков, сын одноклассников Андрея Михаила Бобкова и Иры Вихаревой, Андрей Ковалев, сын Эдуарда Ковалева, одноклассника Андрея, Андрей Дунаев, сын Лены, сестры Андрея, внук Тамары Николаевны и Николая Тимофеевича Красовитовых.

По-прежнему, как в старые добрые времена, двери дома открыты для них, и Тамара Николаевна в курсе всех их дел и переживаний. Уже постаревшие одноклассники собираются на могиле Андрея, навсегда оставшегося двадцатилетним. Тамара Николаевна знает все письма сына наизусть, но когда на сердце нахлынут воспоминания, она достает пожелтевшую стопку писем с пронумерованными конвертами. Их ровно сорок пять. И снова сын как будто рядом, снова согревает ее своими строчками.

«Привет из Афганистана! Здравствуйте, мама, папа и Лена! С огромным солдатским приветом к вам ваш сын Андрей. Вы изви-

ните меня за задержку с ответом, но дело в том, что сейчас я нахожусь на операции вместе с ребятами, о которых писал в прошлых письмах... Готовимся идти на Саланг. Выходим завтра. У меня все тоже в полном порядке. Здоровье отличное. Правда, поначалу сильно уставали ноги, когда в гору лез, но сейчас уже оклемался, сейчас все хорошо. Короче, за меня вы не беспокойтесь, все будет хорошо. Всех вас, маму, папу и Лену (заранее, а то черт знает, сколько мы там пробудем), поздравляю с днем рождения. Всем желаю крепкого здоровья и всего самого наилучшего. Всем родным от меня большой привет. И еще хочу сказать, что следующее письмо тоже, наверное, придется вам ждать долго. Но вы за меня не беспокойтесь, у меня все будет хорошо».

Следующее письмо от сына Тамара Николаевна ждет уже более двадцати лет...

Т. Митенева

СЛАВИК, СЫНОЧЕК...

КРЫЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

*В гости являются смутные мысли.
Стынет в глазах затаенная грусть.
Ленточкой стянуты старые письма.
Каждое знает она наизусть.*

Л. Леднев

Живут Крыловы теперь на проспекте Победы, рядом с Красноармейской площадью. Из окна их дома хорошо виден силуэт зенитного орудия, поставленного здесь в память о череповчанах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Слава Крылов тоже погиб на войне. Только на другой. В 1982-м в Афганистане. Было ему всего восемнадцать.

В квартире Крыловых все напоминает о сыне. Большой портрет в рамке. «Это Слава специально сфотографировался для школьного альбома», – рассказывает Надежда Ивановна, его мама.

На другой стене много снимков, где Слава с друзьями, с сестренкой. А рядом висит его гитара. Последний раз он играл на ней, когда его провожали в армию.

Надежда Ивановна приносит черный дипломат.

– Здесь самое сокровенное. Вообще-то я чужим его не показываю. Но раз вам интересно, раз вы хотите о нашем Славике написать, может быть, это поможет. Вот школьный альбом. Вот Славин друг Осипов Слава, стихи ему пишет. А это Колесова Света. Он ее в школе несерьезной считал. Когда у нее сын родился, назвала Славиком. Вообще, класс у них дружный был. Они и до сих пор нас не забывают, навещают. Он в восемнадцатой школе учился.

Среди дорогих для Крыловых реликвий – заметка о Славике в городской газете за 5 ноября 1987 года. Привожу из нее несколько строк:

– Слава был немного застенчивым, добрым и честным, – вспоминает его первая учительница А. М. Каталкова.

– Друзей у него было много, к нему тянулись одноклассники. Любили его за увлеченность, с ним везде и всегда было интересно, – продолжает разговор Е. В. Селедкина, классный руководитель выпускного класса. – Любимым предметом в школе у Славы была начальная военная подготовка. Учеба в ДОСААФ, дежурство в ГАИ, работа в совете Ленинской комнаты, баскетбол, походы – все это готовило к службе в рядах Советской Армии.

– А еще он очень добрым был, – продолжает Надежда Ивановна. – О сестренке Свете заботился, никогда не обижал. Она младше его была. Так мы с отцом всегда были за них спокойны. Где бы он ни был, но к четырем часам обязательно домой приведет из детсада. В это время мультики для детишек начинались...

Славика в армию в ноябре забрали. Он учился в учкомбинате ЧМК на шофера. Сказал, институт подождет. А в армию надо со специальностью идти. Они вместе с Андреем Колюшкиным из его класса пошли. Я думала, может, отсрочку дадут, ему ведь только второго ноября восемнадцать исполнилось. Вдруг звонят мне на работу из военкомата. Говорят, надо срочно найти сына. Пусть явится в военкомат за повесткой. Я сразу к отцу. Он все бросает, бежит в учкомбинат. Забирает Славу, и с ним в военкомат. Там говорят: пусть готовится, через три дня заберем.

Я уж потом думала, как-то все не по-людски получилось. Другим две недели дают на сборы, а тут как пожарная команда. Я теперь и себя корю, и отца, что уж больно привыкли все точно исполнять. Сказали – сделали. А ведь не сделали бы, может, все по-другому сложилось.

Надежда Ивановна смахнула ладонью нахлынувшие вместе с воспоминаниями слезы, помолчала и продолжала:

– На отправку собралось много одноклассников. Помню, Славик

много фотографировал. Потом снимки сделал, и его почти нигде нет. Вот только на этом снимке он есть. Видите, и взгляд у него какой-то грустный. У меня тогда что-то сердце защемило. Подошла, спрашиваю: «Что, сыночек, случилось?» А он говорит: «Ничего, мама, просто из дома не хочется уезжать». А еще потом они пели песни разные. Славик на гитаре играл...

Кто думал, что все так получится.

Попал он сначала в учебку. Сержантская школа их была в Ашхабаде. Писал, что служба продвигается нормально. Правда, очень жарко, и по горам приходится много бегать. В последнем письме из Союза писал: «Скоро нас отправляют в Афганистан. Надо же помогать развивающимся странам». Присвоили ему младшего сержанта. А в апреле он попал в Афганистан. Только одно письмо успел Славик отправить из Афгана. «Здравствуйте, мои родные и дорогие мамочка, папа, Светланка и, конечно, мой любимый Кутя! (Кличка собаки. – М. К.) Вот пишу вам письмо из Демократической Республики Афганистан. Извините, что долго не писал вам. Все не было конвертов, а они здесь дефицит. Вот, наконец, и определился я на постоянную службу. Местечко называется Газни. 45 минут вертолетом до Кабула. В Кабуле мы просидели три дня на пересыльном пункте. Вот были четкие денечки. И вот попал я в роту. <...> С офицерами контакт отличный. <...> Уже был два раза на операции. Нас уже обстреливали несколько раз. Стреляли по БТР из миномета. Кто не был в Афгане, тот службы не видел. Это как в песне:

*А когда пойдешь в рейд –
За плечами автомат,
Вот тогда ты поймешь,
Что такое солдат.*

Послезавтра уходим в рейд на 10 дней, говорят. Но, наверное, больше. Попали мы, почти вся рота, в одно место. Только здесь распределили по разным местам, кто куда. Юрка, тоже из Череповца, уже подорвался на БТРе. Лежит в санчасти, сломана нога.

Вот такие дела. А как это страшно – стрелять в людей. Правда, если не ты его, то он тебя. Вот так-то. Домой бы скорее. Живем в палатках. В общем, жить можно. Наши ребята, наверное, тоже служат. Валера Кузнецов, Колюшкин. Если знаете, напишите их адреса. Они сейчас еще «чижики», а я сержант. Вот вроде бы у меня и все. Пишите, мои дорогие. Ваш Славик».

Письмо пришло в Череповец 24 мая. А его к тому времени уже не было в живых.

Из справки военкомата: «19 мая 1982 года отделение под командованием младшего сержанта Крылова получило задачу прочесать и осмотреть прилегающие высоты. Под огнем противника отделение младшего сержанта Крылова пробилось к высоте и захватило склад боеприпасов и продовольствия. 20.05.82 года, участвуя в боевых действиях в районе Н.П. Баладех провинции Парван, рота встретила засаду бандитов. Младший сержант Крылов, быстро оценив обстановку, выдвинул отделение на выгодный рубеж и вел прицельный огонь по противнику, не позволяя мятежникам выйти во фланг роты. Выполняя задачу, младший сержант был тяжело ранен и скончался на поле боя».

Я решил больше не искать никаких дополнительных сведений о жизни Славика Крылова. В своем единственном письме, в рассказе матери он весь как на ладони – добрый, заботливый сын, светлый человек, и тем тяжелее, тем невыносимее слушать самую трагическую часть материнского рассказа.

«Привезли его в цинковом гробу. Это был в Череповце второй цинковый гроб. Первым погиб Мальцев Юра. Сопровождающего мы так и не увидели. В военкомате нам сказали, что лучше не надо с ним встречаться. Почему – не сказали. А мы были в таком состоянии, что уже ничего не спрашивали. Только потом спохватились. Написала я письмо командиру части, где Славик служил. Долго мы с ним переписывались. Вот посмотрите, это последние фотографии, с похорон. Людей было много. Похоронили мы Славика на воинском мемориале.

Первое время там, можно сказать, и жили. Жизнь потеряла смысл. Время идет, а боль не утихает. Все равно почти каждый день бываем на могилке. Отец, он шофер, если мимо проезжает, на дно не один раз останавливается. Кто же, кроме нас, родителей, ухаживать за могилками будет? Они ведь все рядом лежат. Все. Мы друг для друга как родные стали.

Ну, что вам еще показать. Вот награды его. Орден Красной Звезды. Это уже посмертно присвоили. Медаль афганская. Вот тетрадь, в ней он песни записывал. Вот книги его. Это я по ночам, когда все уснут, не могу, сажусь и его вещи перебираю. Он у нас очень аккуратный был. Все по полочкам, по коробочкам разложит. Все вот и сохранилось, а Славика нет...»

Из книги выпал листок бумаги. На нем несколько строк: «Славик, сыночек дорогой! Поздравляем тебя с высокой наградой Родины. В 18 лет ты удостоился такой высокой награды. Ты всегда был примером для всех и останешься на всю жизнь». «Это я потом», – устало говорит Надежда Ивановна.

М. Кузьмицкий

В КАНДАГАРСКОЙ «ЗЕЛЕНКЕ»

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

*Шли сегодня танки без привала,
С грохотом осколков по броне.
Здесь учений нет, и радуг мало
В этой необъявленной войне.*

Из афганской песни

Саша был единственным сыном у Людмилы Владимировны и Виктора Владимировича Кузнецовых. Он родился 4 февраля 1963 года в деревне Деревецина Череповецкого района. Вскоре семья переехала в Череповец.

Саша пошел учиться в школу № 13. Учителя и одноклассники любили его и уважали. За что? Об этом рассказывает его друг Николай Демин: «Саня был скромным. Всегда мог помочь в трудную минуту. Занимался спортом, много читал, был очень ответственным. А попросту был добрым, простым, сильным парнем.

Мы дружили с первого класса и после школы решили поступать в одно училище. Выбрали СПТУ № 2 им. академика И. П. Бардина, профессию крановщика. Попали в одну группу, за одну парту. Практику в мартеновском цехе тоже проходили вместе. В училище Саня оставался таким же веселым, общительным, трудолюбивым...»

До призыва в армию Саша успел немного поработать в мартеновском цехе ЧМК. 28 сентября 1982 года его призвали в армию. Три месяца – учебка в городе Иолотан, в танковой части. Присяга. 17 декабря ступил на пропитанный кровью наших ребят афганский песок. Рядовой А. Кузнецов служил заряжающим.

Смерть настигла Сашу, когда ему только-только исполнился двадцать один год. Это случилось в провинции Кандагар, в одном из самых тяжелых и опасных районов страны. Город Кандагар, расположенный менее чем в ста километрах от пакистанской границы, сравнивали с Волгоградом конца сорок второго года.

Пройти зеленую зону провинции Кандагар без потерь считалось для автоколонны большой удачей.

6 февраля 1984 года войсковая колонна на этом маршруте подверглась обстрелу мятежников. Александр обнаружил пулемет противника, ведущий прицельный огонь по нашим подразделениям. После четкой наводки танкового орудия огневая точка противника была уничтожена.

А через несколько минут выстрелом из гранатомета Саша Кузнецов был смертельно ранен в голову.

Командир войсковой части, в которой служил Саша, отметил в письме, что он был стойким и мужественным воином. Александр Кузнецов посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Н. Палтышева

Литобработка Ю. Леднева

УШЕЛ НА МИННОЕ ПОЛЕ

КУЛАКОВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ

Не осудят знакомые нас

И угрюмостью не попрекнут,

Мы с тобой выполняли приказ

На земле, где тюльпаны цветут.

Виктор Верстаков. Из афганской песни

У Олега была мечта – построить в родном поселке сказочный городок для детей. Виделась резная избушка на курьих ножках, из которой выглядывают счастливые детские мордашки. Рядом – теремок. Он и впрямь «не низок, не высок», в самый раз, чтоб вошли и Таня, и Ваня, и Оля, и Галя. Приходите, кто желает, с горки прокатитесь, песочного пирожка отведайте!

Олег очень любил детей. И не только потому, что сам вырос в многодетной семье, просто был он человеком не только добрым, но и чрезвычайно деятельным. Любить означало для него заботиться, помогать, защищать.

Немало трудностей выпало на долю семьи Кулаковых. У Галины Яковлевны было пятеро детей. Она старалась воспитать их работающими и добрыми. Олег был третьим ребенком в семье. Родился он 18 июня 1966 года в далеком селе Джанг-Джоль Ошской области Киргизской ССР. В 1975 году семья Кулаковых переехала на Вологодчину, в поселок Ботово Череповецкого района. Нелегко было устроиться, обжиться на новом, незнакомом месте. На первое время сняли квартиру в частном доме. Галина Яковлевна пошла работать в совхоз. Жили бедно, но дружно, сообща решали все житейские проблемы, никогда не унывали. Понемногу жизнь устраивалась: получили квартиру в отдельном доме, стали обзаводиться всем необходимым. Галина Яковлевна вспоминает, как, взяв в совхозе денежную ссуду, она собрала «семейный совет» и спросила детей, на что и на кого потратить деньги в первую очередь. И хотя ребятам не хватало тогда самого необходимого, решили сначала купить телевизор, чтобы всем вместе смотреть интересные передачи.

Многим людям судьба готовит нелегкий путь. Одни ломаются под ее ударами и весь свой век стонут и жалуются на тяжелую участь. Других же беды и невзгоды закаляют, укрепляют их волю. Олег принадлежал именно к такой категории людей. Семилетним мальчиком он тяжело заболел. Надежды на выздоровление было очень мало. Болезнь тянулась долго и наконец отступила. Мальчик поправился, но был очень слаб. Казалось, таким хилым и болезненным он останется на всю жизнь. Однако здесь-то и проявился характер. Не желая мириться со своей слабостью, Олег стал упорно заниматься спортом, часами гонял с ребятами в футбол, подтягивался на перекладине, а зимой бегал на лыжах. Потом пришло новое увлечение – бокс. Результат оказался удивительным. Медицинская комиссия на призывном пункте не только отметила прекрасное физическое состояние юноши, она была поражена объемом его легких.

Сейчас его близким приходит в голову такая грешная мысль: а что, если бы Олег не занимался спортом, не закалял себя, не готовил бы к трудной мужской жизни? Может быть, «забраковала» бы его тогда медицинская комиссия, остался бы он живым, а вместо него какой-то другой парень шагнул в вечность... Те, кто знал Олега хотя бы немного, с уверенностью скажут: такого не могло быть! За спины других он никогда не прятался и предпочел выполнить свой долг до конца.

В последние дни перед отправкой в Афганистан Олег писал сестре Тане: «...Сейчас под конец стали еще больше гонять, не высыпаюсь, болят зубы. Но ты не подумай, что я жалуюсь. Ты, наверное, помнишь, я дома говорил, что суровая жизнь делает человека сильным и заставляет думать. Со мной так и происходит. И я еще стараюсь помочь своим друзьям. Но есть у нас, как я их называл и называю, «бараны» и «сопляки». Чуть трудность, так сразу же заблеяли и растеклись зеленой жижей. Но крепких ребят больше. Как говорит наш ротный про этих б. и с, это первые, кто в бою поднимают руки и ноги. Но вот что плохо – многие из этих б. и с. не поедут в Афганистан по разным причинам».

Может быть, чью-то нежную душу покоробят эти грубые строки. А на мой взгляд, в них нет ничего отталкивающего. Такова нещадящая грубость военной жизни – мальчишки ведь уходили в афганские горы не тюльпаны собирать. Но в жестоких буднях Афгана они знали цену и настоящей дружбе, и взаимовыручке, и даже нежности. А по характеру он был совсем не грубым, Олег Кулаков. Нежно любил мать, сестер, брата, маленьких племянников. Бережно хранит Галина Яковлевна еще не вполне умелые

поделки и рисунки, подаренные ей сыном. Вспоминает, как принес домой Олег свою первую рабочую зарплату. Веселый и довольный пришел он тогда. Всем купил подарки, часть денег отдал матери, а остальные раздал сестрам.

У Олега была мирная профессия. Он окончил техническое училище № 2 в Череповце, стал строителем. Выбор был не случаен, это своего рода семейная традиция. Там же училась чуть раньше и старшая сестра Елена. Поступив в училище, Олег остался жить дома, по-прежнему помогал матери, брал на себя многие семейные обязанности. Чтобы успеть на занятия, каждый день вставал в шесть утра и спешил на автобус, а вечером возвращался домой.

Поработать Олегу почти не пришлось. Его трудовой стаж в строительном управлении «Жилгражданстрой-2» насчитывает всего несколько месяцев. В октябре 1985 года Олег Кулаков был призван в армию. Недолгое время находился под Ленинградом, а затем был переведен в город Октемберян. Это означало подготовку для службы в Афганистане.

Его предположения оправдались. Через несколько дней рядовой Кулаков Олег Сергеевич отбыл в Афганистан, в район города Газни. Там его направили во взвод управления батальоном. Для Олега и ребят, прибывших вместе с ним, началась война. Думал ли он о возможности смерти? Наверное, да. Но верить в это не хотел. Тяжелые мысли гнал прочь, по-прежнему не унывал. Приближался 1987 год, последний год службы Олега. «У меня все хорошо, – писал он матери и брату, – за меня не волнуйтесь. Сегодня 26-е, осталось совсем ничего до долгожданного Нового года, и останется совсем чуть-чуть до той осени, когда я приду домой. Сейчас, на радость вам, назло врагам, выпал снег, а по ночам морозы. Настроение предновогоднее». Но мечтам Олега о доме, о скорой встрече с родными и друзьями не суждено было сбыться. Ночью 28 декабря 1986 года он ушел проверить минное поле и трагически погиб.

Через три дня весь мир встречал Новый, 1987 год. Люди желали друг другу счастья, дарили подарки. А в Афганистане шла война, ставшая за долгие годы почти обыкновенной. Война, уносившая все новые и новые жизни.

И очень часто это были лучшие жизни. Грустно смотреть на фотографию человека, которого уже нет. Особенно если он был молод, полон сил, надежд и хотел жить. На снимках Олег всегда с друзьями. У него была мечта – построить в родном поселке сказочный городок для детей.

С. Карпов

НАВЕКИ ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ

КУРОЧКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Сказать, что это была ошибка,
значит ничего не сказать:
как известно, найти ошибку
значительно легче, чем истину.

Артем Боровик. Спрятанная война

На моем письменном столе – портрет семнадцатилетнего Саша Курочкина. Он сфотографировался в те дни, когда после окончания десятого класса поступил на работу. И потому немного важничает: в кресле сидит как-то по-взрослому основательно, взрослая одежда, аккуратная прическа. Мне дали этот большой портрет в 19-й школе, где Саша учился десять лет. Узнали, что буду о нем писать для этой книги, и сразу пред-

ложили: «Фотографию для такого дела – не жалко». Но оказалось, что большие фотографии для книги не подходят. И вернуть ее не могу. Сейчас Александру было бы почти тридцать. Наверняка, был бы уже женат. И какой-нибудь шустрый белоголовый (весь в папу!) мальчишка приставал бы к нему: «Ну давай самбо позанимаемся!» А папа, поворчав для вида, – мол, спать тебе пора, да и устал я после работы, – показывал бы ему приемы рукопашного боя. Они возились бы на полу и хохотали. А может быть, он учил бы сынишку играть на гитаре – ведь сам-то гитару любил не меньше самбо. А может быть, показывал бы сыну азбуку, тот бы крутился у него на коленях, а Саша сердился: «В школу скоро, а букв не знаешь. Будешь, как папаша твой – самбо да гитара на уме, а сейчас совсем другие времена, учиться надо хорошо...» А может быть... Да ничего больше не может быть. Вот уже десятый год Саша Курочкин лежит в сырой земле. Привезли из Афганистана цинковый гроб, и военный, сопровождавший этот страшный груз, наверное, долго стоял у дверей квартиры № 56 дома № 1 на улице Красной, не в силах открыть эту дверь... Я тоже так и не смогла переступить порог квартиры, где живут Алексей Сергеевич и Елизавета Александровна Курочкины, 23 ноября 1982 года потерявшие своего единственного сына.

Саша был поздним ребенком. Он появился, когда у родителей уже и надежд на такое счастье не осталось. (Правда, здоровье матери после этого совсем сдало. Она даже несколько лет не могла работать. А сейчас – инвалид.) Я не знаю, как говорить с Алексеем Сергеевичем и Елизаветой Александровной. Где найти нужные слова? Я могу только плакать вместе с ними. Но слез на их долю с лихвой хватило.

Обычный альбом в бархатном переплете – такие есть в каждой семье. Только у этого альбома – название особое: «Наш отрядный герой». Его оформили следопыты 19-й школы. Среди материалов о Саше Курочкине – его короткая биография, написанная рукой отца.

«Александр Алексеевич Курочкин родился 3 июля 1963 года в городе Череповце (ул. Заягорбская, 3) в семье рабочих. В 1970 году поступил в первый класс средней школы № 19. 23 декабря 1977 года вступил в комсомол. В 1980 году закончил школу. 26 июня выдан аттестат № 150978. 1 сентября 1980 года поступил на Череповецкий металлургический завод. Прошел курсы обучения, получил удостоверение слесаря-электрика третьего разряда. Работал в отделе оборудования УКСа до 6 ноября 1981 года. 6 ноября призван в Советскую Армию. Саша очень любил спорт, начал им заниматься в шестом классе в секции самбо, а затем в спортклубе «Шексна». Имел пять наград за спортивные успехи. До ухода в армию Саша подготовился и в августе 1981 года сдал экзамены в Ленинградский техникум физкультуры и спорта, но был не зачислен ввиду ухода в армию. Ему дали справку, что все экзамены сданы хорошо. Он мечтал после службы поступить в Ленинградский институт физкультуры и спорта. С 6 ноября 1981 года по 4 марта 1982 года Саша служил в Белорусском военном округе в гвардейской ордена Ленина воздушно-десантной дивизии. 27 декабря 1981 года принял воинскую присягу. Он всегда мечтал попасть служить только в воздушно-десантные войска и в письмах писал: «Я уже десантник, прыгал не один раз из транспортного самолета и спускался, как птица, на парашюте». С 4 марта 1982 года Саша служил в Афганистане (в провинции Кабул). С 4 мая 1982 года и до дня гибели был в разведроте, которая принимала активное участие во всех операциях. Операция в ночь с 22 на 23 ноября была последней в его жизни. После тяжелого ранения Саша скончался в госпитале, не приходя в сознание. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1983 года он награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Фамилия Саши занесена в Книгу почета разведывательной роты части (так сообщил нам командир). Тело доставлено на Родину и захоронено на воинском кладбище-мемориале, где в День Победы народ отдает дань памяти

героям, павшим за наше счастье жить на земле и мир во всем мире. Вечная слава тебе, дорогой наш сын Саша...»

В альбоме – воспоминания, стихи, фотографии. Четвертый «Г» постарался, борясь за то, чтобы отряду присвоили имя Саши Курочкина. И всегда вместе с ребятами был Алексей Сергеевич. Мужественно преодолевая боль, он приходил на пионерские сборы, напутствовал ребят, когда они вступали в комсомол.

Сейчас эти четвероклассники уже закончили школу, и каждый нашел свою дорогу в жизни. Но память о Саше в них живет. Школьники и учителя ухаживают за могилой Саши, приносят цветы. И когда бы ни пришли, встречаются там Алексея Сергеевича.

В осиротевшем доме бережно хранится все, что осталось от Саши. Фотографии, начиная с самых-самых первых. Школьная сумка, гитара, гантели, гири, штанга, боксерские перчатки, спортивные награды. Стол, за которым он десять лет учил уроки. Книжки, альбомы, письма. Десантская форма...

Саша живет в памяти тех, кто его знал. Г. П. Журавлева, его классный руководитель, вспоминает:

– Он был хозяином своему слову. Если что пообещает – сделает. Не скажу, что хорошо учился, так, в основном на троечки. Уж больно спортом увлекался. Особенно в десятом классе подзапустил уроки. Помню, на каком-то выпускном экзамене высказывает весь потный, взволнованный. «Ну как, Саша?» – «Да троечка!» Мы за него все болели. Уж очень душа у парня хорошая. На редкость доброжелательный, веселый. Где Саша, там скуки нет, это все знали. На гитаре чудесно играл, пел. А как трогательно к родителям относился, особенно к маме! У нее здоровье слабое, так он старался лишний раз не огорчать ее. Бывало, сделаешь замечание, пожуришь, а он в ответ: «Галина Петровна, только маме не говорите». 32-й год в школе работаю, честно признаюсь, такое не часто встретишь.

Память о Саше хранят не только те, кто знал его хорошо. Руководитель школьного литературно-краеведческого клуба Г. А. Третьякова пришла работать в 19-ю школу в 1980-м, когда Саша уже работал на заводе. 1 сентября он не выдержал – прибежал в школу на линейку. Кто-то сфотографировал это событие, и на фотокарточке он стоит как раз сзади Галины Александровны.

– А сейчас у меня такое чувство, что я его давно знаю, – столько о нем услышала, передумала, – делится она. – И ребят из творческой секции нашего клуба Сашина судьба затронула – появились стихи, песни, ему посвященные.

Слова одной из песен написала сама Галина Александровна, а музыку – тогдашние десятиклассники Володя Крупник и Саша Пешехонов. Они сами и поют ее, аккомпанируя себе на гитарах.

Осень в город к нам пришла, Саша.
Роща в золоте горит наша.
Одноклассники твои уже папы,
Только ты один средь них неженатый.
С фотографии глядишь строго,
До обидного прожил ты немного.
А когда седой отец в школе,
Не могу сдержать в душе боли.
Вас учили жить всегда честно,
Позвала страна на бой – встали тесно.
Честь солдата берегли свято,
Полегли в чужой стране вы, ребята.
Ах, как быстро ты летишь, время.
Нам истории нести бремя.
Что несет нам перемен ветер?
За свою страну теперь мы в ответе...

...Второй год на моем письменном столе портрет Саши Курочкина. Вхожу в комнату, и каждый раз спазм в горле – натыкаюсь на его взгляд. Его глаза смотрят так требовательно, словно спрашивают: «А ты сделала хоть что-нибудь, чтобы этой войны не было? Ты хоть как-то пыталась протестовать? Ты хотя бы чувствуешь свою вину!..» Мне нечего ему ответить. Я могу только просить прощения. У Саши. У Алексея Сергеевича. У Елизаветы Александровны. У всех, кто пострадал от этой проклятой войны. И эта книга, на мой взгляд, должна стать не только Книгой Памяти, а и Книгой Покаяния. Тогда, может быть, подобное не повторится.

Л. Гагарина

«ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН». ПОЧЕМУ?

МАЛЫЦЕВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

С фотографии смотрит парнишка,
Взгляд усталый, серьезный такой.
В смерть не верится – молод он слишком,
Но уж выпили за упокой.
Меж двух дат – небольшой промежуток:
Не успел накопить он годков. Его нет.

«А это свадьба, свадьба пела!» Нина Николаевна с соседками встречали новобрачных. Все веселились, желали паре молодой дожить до свадьбы золотой. На мгновение она встретила взглядом с прапорщиком Метельковым, он жил в соседнем подъезде и рабо-

тал в военкомате. Что-то в этом взгляде показалось ей необычным и странным, как будто в сердце холод прокрался. Этот взгляд она помнит до сих пор.

Но это было лишь мгновение, а веселье продолжалось. У соседей свадьба, а через месяц и сын домой вернется. Вот отпразднуем встречу! Вся «весна» гулять будет.

В 1973 году они переехали в этот дом на улице Краснодонцев. Юра учился в 18-й и 24-й школах, потом окончил лесомеханический техникум. Юрка до самозабвения любил хоккей. Постоянно бегал на стадион, но в команду его не принимали. Говорят, ростом не вышел. Прибежит, расстроенный, домой, возьмет клюшку и во двор.

До ночи шайбу гонять с друзьями. У него было много друзей, компания под 30 человек собиралась.

Так же дружно, всем двором, в армию его провожали. «С солдатским приветом к вам рядовой Юрий Михайлович. У меня все нормально, на второй день сразу выдали форму. Немного великовата, все выгладим, как зеленые огурцы». Так начиналась служба рядового Юрия Михайловича Мальцева, в городе Пушкин Ленинградской области. Нина Николаевна и Михаил Семенович ездили к сыну на присягу. Сердце переполнялось гордостью за сына – защитника своего Отечества, предполагалось, что служить он будет в окрестностях Ленинграда, обслуживать аэродромную технику. Но служить ему предстояло не в России. «Я знаю, что у вас возникнет много вопросов, из-за чего нас сюда перебросили. Зачем? Ну что я вам могу написать, кроме этих двух слов – так надо.

Главное, вы там за меня не расстраивайтесь, а у меня все будет в порядке.

Работаем сейчас очень много, но спим тоже много. Ну вы, конечно, догадываетесь, что наша переброска связана с событиями в Афганистане, это от вас скрывать бесполезно, ну а остальное писать вам нет смысла. Да вы и сами знаете больше меня».

Афганистан – это название еще ничего не говорило. Оно еще

не вселяло ужас в сердца матерей, чьи сыновья там служили. Для всех наши парни просто выполняли интернациональный долг, помогали дружественному народу Афганистана строить великое будущее. К тому же Юра писал: «Солнце афганское не сравнить с нашим, исцеляет все болезни. Тут наши офицерики страдали радикулитом, спина болела, посидели на солнце два денька, и все как рукой сняло. Тебя бы, «мамания», сюда, у тебя ведь тоже спина болит. Живем мы на поляне, а вокруг палаток тюльпаны растут всех цветов, правда, дикие. Они немного меньше наших, но по красоте нисколько не уступают. Деревьев мало растет, горная местность все-таки. Недалеко от нас есть немного кедров, осенью «ыхыхки» собирать будем. В общем, насчет службы я не обижаюсь, каждый бы помечтал служить, как нам служится». А тут и вовсе прислал письмо, что скоро в отпуск придет. Вся семья Мальцевых с нетерпением ждала его в отпуск. Друзья навещали: «Не приехал?» Не приехал. «Снова пишу из Ферганы. Придется мне немного вас разочаровать. В том письме я вам написал, что буду на праздники в отпуске. Но по стечению обстоятельств отпуск отменили. Расскажу все по порядку. В Фергану я приехал не за молодыми, как я писал в том письме, а заболел желтухой и написал, потому что не хотел вас расстраивать. А домой приехал, все бы сам рассказал. В общем, после желтухи полагается отпуск не менее 30 суток. Ну, мы здесь уже приготовились, сделали парадки и ждали выписки. А 30 сентября вышел приказ командующего округом в отпуск никого не отпускать, а после лечения отправят вместо отпуска в санаторий на месяц, а после – в Афган по своим частям. Да, если бы я на месяц раньше заболел, то побалдел бы месяц дома, но ничего, служить, в общем, осталось немного».

В каждом письме идет отсчет времени. Это он еще в марте 80-го писал: «Дембель не за горами, хотя он действительно за горами». А теперь пишет уже с нетерпением и ожиданием скорой встречи: «Готовлюсь к дембелю. Осталось уже немного. Дембельскую работу почти закончили. Приеду, наверно, где-то к числу 20 мая. Короче, пока не будет замена с Союза, не отпустят».

Чтобы не трястись на поезде почти неделю, я, наверно, полечу на самолете, если, конечно, достану билет. Говорят, что с билетами сейчас трудно. Деньги высылай так: г. Ташкент, Главпочтамт, до востребования, Мальцеву Ю. М. Ты их вышли числа 20 апреля. Они меня как раз застанут. Ну, вот вроде и все. До свидания. Крепко всех обнимаю. Передавайте всем нашим привет».

Напрасно Юра беспокоился о билете. Через два дня он погиб. 15 апреля 1981 года Юрий в составе группы из 14 человек сопровождал груз со стройматериалами. На узкой улочке в кишлаке ма-

шину обстреляли перекрестным огнем. Кто не погиб сразу, отстреливался до прибытия помощи. А помощь пришла тогда, когда из 14 человек 12 погибли. Юрий сидел на земле, прижавшись к колесу. Было впечатление, что он отдыхает. На самом деле разрывная пуля попала ему в голову. «Черный тюльпан» доставил его домой 20 апреля. На похороны Юрия собралось много людей. Мне запомнилась огромная черная масса людей, пришедших проводить солдата в последний путь.

Нина Николаевна свято хранит все вещи, которые принадлежали Юрию. Встретит Юриного друга, и сердце занеет от тоски, каким бы взрослым уже был сын. А каким он был! Слова от него грубого не слыхала, только заботу и ласку видела. «Мамочка – ты самая лучшая на свете». Время лечит, но, как говорит Нина Николаевна, не забывается ни на минуту. Извещение о гибели Юрия Мальцева было первым в Череповце.

Т. Митенева

НЕ ЗАБЫТЬ

МУРАВЬЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

*И я иду в безмолвье ада,
Раз надо Родине – мне надо.*

Николай Кирженко

...А письма все шли и шли. Восьмого июня, девятого... Лена вынимала их из почтового ящика, и ненадолго отпускала тревога: жив, здоров. Все так же заботлив и нежен ее Саша. И двенадцатого, в субботу, вскрывая конверт, опять улыбнулась трехлетнему сынишке: «От папы».

Тринадцатого ей сообщили, что ее муж, старший лейтенант Александр Александрович Муравьев, погиб, исполняя интернациональный долг. Шел 1982 год.

– Тетя Оля, расскажи мне про папу маленького!

Большущие глаза – отцовские! – смотрят с нетерпеливым ожиданием. В роду Муравьевых он, Саша, младший. Александрями были и дед, и прадед. Александром звали отца. Саша-младший удивительно похож на него. Отец был высок, широкоплеч, пре-

красно сложен (все школьные годы занимался спортом). На открытом, улыбчивом лице – необыкновенные («не забыть их!») глаза. И теперь друзья, родные узнают в Саше-младшем отца. Во внешности, в походке, в манерах, даже в характере. Может, еще и поэтому малыш так любил слушать рассказы тети Оли «про папу маленького».

В сердце Ольги Александровны свежи воспоминания детства.

...Вот Саша готовится идти в первый класс школы № 5, и она тоже вертится перед зеркалом, пытаясь завязать огромный бант. Саша посмеивается:

– Рано тебе еще, через два года в школу возьмут!

Учиться он сразу стал хорошо, был почти отличником, и учителя говорили маме: «Смышленный мальчик». Потом, правда, оценки стали хуже, как нередко бывает, но тяга к учению осталась.

– Да где же Саша-то?! – мама очень взволнована. Отправила сына в магазин, а его все нет и нет. Оля поминутно выглядывает в окошко.

– Мама, смотри скорее!

Не спеша по улице идет Саша. Рядом огромная собака... несет в зубах его сетку.

Животных Саша очень любил. Не мог пройти мимо кошки или собаки, не погладив, не приласкав. И нередко незнакомые псы преданно провожали его до самого дома. Об этой его страсти знали все – родители, друзья, одноклассники.

Наконец и в их квартире появился щенок, маленький черный Дикарь. До чего с ним весело было играть! Брат с сестрой росли шумные, шаловливые, случалось, и дрались. Вот уж этого Дикарь не любил. Лаял, бегал вокруг, хватал Олю за платье, Сашу за штаны и прекращал потасовку.

Через полгода Дикаря не стало. Спасти не смогли. Плакали всей семьей. И мама после этого сказала:

– Все, собак в доме больше не будет.

Саша отводил душу с собаками чужими, а в деревне у бабушки, куда они ездили каждое лето, его страстью становились лошади.

– Оль, есть ведь в доме конфеты!

– Точно есть! Давай найдем? – Оля с готовностью вскакивает.

– Давай!

Приближался какой-то праздник, а это значило, что мама уже купила самых-самых вкусных конфет и где-то спрятала... Но не от острых глаз догадливых своих «следопытов».

– В шкафу? – было.

– А где не было?

– Давай заглянем в электропечь!

Конфеты найдены и уплетаются с восторгом: победа! А потом, конечно, расплата: в праздник – без конфет. Выходной. Мама хлопочет у духовки, печет пироги: как обычно, сегодня придут родные. Будет многолюдно и весело. Многолюдно у Муравьевых бывало нередко. И в Сашины школьные годы, и позднее, когда он стал курсантом Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники. По словам однокурсника Александра Г. С. Бойцева, ныне майора, все они для Сашиной матери были родными.

К Муравьевым можно было прийти независимо от того, дома Саша или нет: Зоя Алексеевна всегда накормит, напоит, спросит, какие новости, пишут ли из дома. Отец поинтересуется делами в училище.

Вечерами семья собиралась на кухне. Обсуждали, что у кого случилось в школе и на работе. Сашин отец работал на Череповецком металлургическом комбинате, сначала начальником группы композиционной наплавки, а затем, когда стало сдавать здоровье, – сварщиком на стане «2000». Мама заведовала магазином № 7 горпищеторга.

Если бывали неприятности, вместе искали выход, если радость – тоже делили на всех. Вместе решали и что купить из вещей. Дети, кстати, всегда знали, где родители хранят деньги, но ни разу ни один не взял без спроса ни копейки, видно, урок с конфетами запомнился.

...Воспоминания детства. Обычно они вызывают улыбку, согревают своим давним теплом, но у Сашиной сестры заставляют сжиматься сердце от щемящей боли.

В добром и открытом доме Муравьевых и дети росли открытыми и добрыми. «Мухи не обидит», – говорили о Саше. В классе ласково звали Ванечкой за душевность, доброжелательность, так свойственные Иванам из русских сказок.

А профессию выбрал военную, жестокую, по нашим понятиям. Но, может быть, потому и выбрал, что по-настоящему любил людей. Когда вводили в Афганистан войска, объясняя всем, что это делается «для защиты южных границ Родины и наших друзей», Саша подал рапорт с просьбой направить его туда.

– Это было не просто желание испытать себя, не жажда романтики, – не столько утверждает, сколько размышляет майор А. В. Гайтанов, однокурсник Александра, – нечто большее движет военными в такой ситуации.

Быть может, доля объяснения в словах классного руководи-

ля Л. Г. Шишкаревой: «В ребятах Сашиного класса очень сильно было чувство долга».

Долг перед Родиной. Воинский долг.

Эти слова приходилось слышать каждый раз, как только заходил разговор об Александре Муравьеве. Его друзья, родные, педагоги произносили их очень естественно, без всякого пафоса: это чувство, сильное и гордое, жило и в них. Это понятие было из системы ценностей, принятой в их кругу, ценностей, которые исповедовал Саша.

Курс, на котором учился Александр, был сильным. Немало доброго осталось в училище благодаря этому курсу. Появился туристский клуб, курсанты видели Закарпатье, Кавказ, Карелию. Увлечлись гребным и парусным спортом, стали призерами Северо-Западной зоны в гребле на ялах. Много было и других начинаний у десятой роты, где учился Александр Муравьев. Нет, не во всех делах оказывался заводилой именно он. Но запомнился однокашникам причастным ко всему.

«Он был самым интересным среди нас», – считают друзья.

– А главное – это был человек колоссальной надежности, – добавляет майор В. Л. Тамп, ныне преподаватель Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники. – Я помню далеко не всех, с кем учился, но Сашу помню очень хорошо.

Проявлялась надежность во всем, И во время учений. И в наряде (с ним хорошо было дежурить: никогда не перекладывал работу на плечи другого, скорее сам поможет). И просто в дружбе.

... Они были в училище, как четыре мушкетера: Иван Горбунов и три Александра – Муравьев, Гайтанов и Смолич. Спаяла их любовь к армии. Все отслужили срочную, знали трудности армейской доли, но выбрали армию своей профессией, делом жизни.

Увлекались практически всем, жили очень наполненно. Саша Муравьев таскал товарищей на хоккей, на занятия парашютным спортом, боксом – на все, чем увлекался сам. После хоккея, где кричали до сумасшествия, они могли пойти на серьезный фильм, требующий внимания и раздумий. Саша Смолич возглавлял училищный ВИА, возлагая на друзей «ответственную» роль носильщиков аппаратуры. Им и это было интересно. Организовывали вечера, приглашали студенток из соседнего пединститута. А потом у всех трех Александров появились (бывают же совпадения!) невесты Елены. К концу учебы сыграли три свадьбы и шутили: «Будут в нашей компании три Сан Саныча!». Почти в одно время у всех троих родились сыновья...

Военная служба разбросала друзей. Александр Муравьев получил направление в Подмоскowie, в воздушно-десантные вой-

ска. Он сам хотел в десантные. Почему? Этого мы уже не узнаем. Может быть, это была дань юношеской мечте о летном училище, желание прийти к той цели, на полпути к которой остановился отец. (Старший Муравьев училище не закончил – не прошел очередную медкомиссию.) Может, просто хотел продолжить традицию, ведь в армии Саша служил десантником. А может, все-таки надеялся, что так скорее попадет в Афганистан? Сестре на распросы он коротко сказал: «Так надо...»

В Афганистан его направили в 1981-м.

Письма приходили сдержанные и успокаивающие.

«Что говорят, то больше слухи», – писал Саша.

Через несколько месяцев он, как и многие наши ребята, переболел гепатитом и получил направление в санаторий. Но у Саши были дела поважнее, чем укрепление собственного здоровья. Взяв с собой Лену, он поехал на место прежней службы, в Подмоскowie: в Афганистане погиб Володя Ступицкий, и Саша не мог, находясь в Союзе, хотя бы в сороковой день не прийти к его жене. Тем более что на операцию Володя ходил с его, Сашиной, ротой...

А в Череповце его ждали друзья. У Саши Смолича был день рождения, и празднование его откладывалось до приезда Муравьевых.

В этот приезд он был не похож на себя. Так говорили все, кто видел его. В этот приезд он даже в школу не пришел.

Людмила Георгиевна Шишкарева, встретив его с сыном у магазина, удивленно спросила:

– Что же ты не заходишь, Саша?

– Мне не с чем к вам идти, Людмила Георгиевна.

– Как не с чем? – она не поняла сразу. – Разве раньше ты приходил с чем-то?

– С ДУШОЙ, – сказал он очень серьезно. – А сейчас она не на месте... Успокоится – приду.

Перед ней стоял взрослый, возмужавший человек. Жестче стали черты лица, и глаза, «всегда полные света глаза!» – говорят все, кто знал его, стали, казалось, темнее и глубже, словно прятал он от людей большую боль.

Душа его не успокоилась. Он видел кровь и смерть. На его глазах – в какие-то мгновения – стал седым девятнадцатилетний мальчишка, когда увидел, что сделали с его товарищем душманы. Он знал, что для афганцев, объединившихся под зеленым знаменем «джихада» – «священной войны с неверными», все они были врагами, независимо от того, пришел ли ты в кишлак с автоматом или с грузом продовольствия и медикаментов. Он, при-

выкший любить и ласкать все живое, должен был посылать людей на смерть...

– Может быть, он раньше нас, тех, кто оставался здесь, понял правду об Афганистане – правду, которую мы начинаем узнавать только сейчас, – задумчиво говорит начальник курса, где учился Саша, подполковник в отставке Э. П. Амилявичус.

Друзья-военные не досаждали ему вопросами, чувствуя, как тяжело Александру. И только с женой и сыном он сумел остаться прежним.

Как он любил их! На руках носил. Лена перебирает в памяти часы, дни, проведенные вместе, и вдруг вспоминает, как в первые дни их семейной жизни сварила суп. Саша ел, как ни в чем не бывало, только задумчиво и мягко сказал:

– Знаешь, по-моему, здесь чего-то не хватает...

Лена попробовала и не смогла проглотить ни ложки. («Ничего-то я тогда не умела»). Зато Саша умел делать все. И обед приготовить, и уборку сделать. («За ним мы были как за каменной стеной».) Он очень терпеливо ждал, когда Лена станет прекрасной хозяйкой.

Нежным и терпеливым он был и в свой последний отпуск.

– Только ночью во сне вдруг закричит: «Я тебе приказываю, стреляй!» – вспоминает Лена. – Разбужу его: «Саша, ты дома...»

А он всегда нервы в кулаке держал. Какие же потрясения пришлось ему испытать, если при его-то хладнокровии они не отпускали его даже ночью, прорываясь из глубин подсознания страшными видениями?! Он никогда не перекладывал груз своих переживаний на плечи друзей и близких. Наоборот, старался ободрить.

Это в нем было от мамы. Зоя Алексеевна даже после смерти сына была такой же приветливой к людям, всегда на лице ее видели улыбку. И поражались выдержке. Друзья знали, что Саша был для нее всем в жизни, она просто боготворила его. Однажды он с женой приехал в отпуск без предупреждения, сюрпризом. Она упала в обморок: «Не прислали телеграмму – значит, что-то случилось».

– Это была какая-то неземная любовь, – говорит Лена, – и Саша отвечал ей тем же.

С детства для него было так: что мама сказала – то и закон. Став постарше, заботился о ней, оберегал. И не стеснялся, как бывает, своей сыновней любви. Многие помнят, как на школьном выпускном при первых звуках вальса Саша пошел приглашать на танец маму. А позднее, в училище, выкраивал из курсантской стипендии деньги, чтобы сделать ей подарок ко дню рождения: изящный сервиз, красивый платок.

– Он умел любить так, как сейчас не любят, – волнуясь, говорит Лена. – Мы с Сашкой тоже были для него всем.

Из отпуска Александр уезжал трудно. Возьмет билеты – и сдаст. Возьмет – и сдаст. Это было настолько несвойственно ему, человеку долга, что казалось фантастическим. Знал, что уходит туда, откуда не возвращаются? Предчувствовал смерть? Не станем гадать.

*Лучшие ребята из ребят
Первыми уходят, как ни странно.
Но не будем плакать неустанно,
Мертвые нам это не простят...*

После смерти мужа Лена завела блокнот, куда стала записывать стихи – те, что помогали выстоять. Строчки, которые вы прочитали, стали в том блокноте эпитафией.

Сашу помнят. В школе № 20 бережно хранят в музее его личные вещи и документы. А у входа над школой – мемориальная доска: «Здесь с 1964 по 1972 год учился старший лейтенант Александр Александрович Муравьев». Сохранить память о Саше помогли его классный руководитель Л. Г. Шишкарева и его одноклассники.

Он жив в памяти многих людей. Проезжая мимо воинского кладбища, всегда посигналят А. В. Гайтанов. Его дети, сидящие рядом в машине, понимающе спросят: «Дяде Саше?»

Да, это важно, чтобы мы помнили. Чтобы создавались Книги Памяти, Книги Скорби – как предостережение, как вечно звучащий колокол. Ведь за каждой похоронкой – чья-то судьба. Чья-то оборвавшаяся ЖИЗНЬ.

А кто измерит, чем стал Афганистан для друзей погибших, для их близких, родных? Для их отцов и матерей, для жен, ставших вдовами в двадцать с небольшим лет? Для детей, оставшихся сиротами?

Зоя Алексеевна Муравьева смогла прожить после смерти сына только два года. Ей было 52, когда сердце остановилось. Отец продержался еще два года...

7 июня придите на воинское кладбище Череповца. Там могила старшего лейтенанта Александра Александровича Муравьева. Рядом похоронены его родители. Вы обязательно встретите там его родных, однокурсников, друзей. Туда приходят и ученики школы № 20. 7 июня – день, когда его не стало. День его памяти.

Через пять лет А. А. Муравьев был награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

И. Ромина

ЕМУ ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ ВЕЗЛО

ПАВЛЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

*Мы дети необъявленной войны,
Всех ваших неудач и преступлений...*

Валерий Горбачев

Вова Павленко был бы, наверное, самым счастливым человеком, если даже сама мама постоянно поругивала за порванные штанишки и озорные выходки, а отец награждал бы ощутимыми шлепками за частокोल единиц в дневнике. Но Вова был лишен и такого счастья. Родившая Вову женщина отказалась от него. Не знал он и отца. Они украли у него детство, а значит, и юность не сулила Володе ничего хорошего.

Какой-то злой рок преследовал этого парнишку. Воспитывался Володя в школе-интернате города Сокола. Отсюда и в армию его проводжали. И солдатом он побыл совсем немного: меньше шести месяцев. В конце этого срока выпало ему участвовать в Афганистане в тяжелой операции по ликвидации крупной группировки мятежников. Кто знаком с военным делом, тот знает, что в бою прежде всего стараются подавить огневые точки противника. А рядовой Павленко был пулеметчиком. Это его шквальный огонь не давал поднять голову зажатым в кольцо «духам». Единственное, что им оставалось, – это попытаться зайти к пулеметчику в тыл... Увлеченный боем, Володя не заметил, как несколько мятежников обошли его с флангов. Прикрывая огнем товарищей, сам он был ничем не прикрыт. Когда заметил опасность, было уже поздно. Правда, Владимир еще успел развернуть пулемет на 180 градусов и полоснуть очередью по мятежникам. Пятеро из них поплатились жизнью. Но шестой выстрелил раньше, чем нащупал его среди камней юный пулеметчик.

Володя был еще жив, когда товарищи вынесли его из-под огня. Но рана оказалась смертельной. Спасти солдата не удалось. 4 июля 1982 года ему исполнилось бы 19 лет. Он не дожил до дня рождения ровно одного месяца. 4 июня Володи Павленко не стало. Кто-то горько сказал на могиле героя: «Ему опять не повезло».

Похоронен Володя в городе Череповце. Почему не в Соколе? Да потому, что в личном деле воина значилось, что в Череповце проживает та самая женщина. Мы умолчим об ее имени, потому что она сама лишила себя права называться Володиной мамой. Да, видно, и в Соколе не нашлось близких друзей у Владимира. Возможно, вновь сказалось невезение, преследовавшее его всю жизнь. Во всяком случае, на просьбу написать очерк о Володе Павленко для этого сборника никто из интернатовских не откликнулся.

Ю. Леднев

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ.

ПЕТРОВ ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ

*Я помню их, ты запомни меня, а тебя запомнят,
Кто после тебя народится,
Те будут неизвестные – еще лучше тебя.
Так и будет жить один в другом, как один свет,*
Андрей Платонов. Свет жизни

Вот уже восемь лет земной шар живет без Славика Петрова. Без неизвестного ему череповецкого парня, встретившего свой смертный час на чужой земле в двадцать лет от роду.

Командование воинской части сообщило матери солдата: «Уважаемая Алевтина Ивановна! С глубоким прискорбием к Вам обращается командование части, где проходил службу Ваш сын, рядовой Вячеслав Петров.

Выполняя свой служебный и интернациональный долг на территории ДРА, 17 июня 1984 года, проявив стойкость и мужество, Вячеслав погиб в бою с мятежниками...»

Хоронили Славу в Череповце, хоронили весьма скромно, без официальных речей, без митинга, как хоронили тогда сотни, тысячи убиенных вдали от Родины наших ребят, словно бы и не с полей сражения привозили этих парней в цинковых «бушлатах» их матерям во все города и веси российские, а с какой-нибудь пьяной скандальной драчки, о которой на миру и говорить-то совестно. И это останется нашим великим позором, который не замолить нам никакими молитвами во веки веков.

В восемьдесят третьем, кажется, году на городском кладбищенском мемориале шел митинг в честь Дня Победы. Отцы города много говорили с трибуны о памяти, о происках империализма, о поджигателях новой войны, о нейтронной бомбе. Но ни один из ораторов ни словом не обмолвился о том, что вот тут же, на краю мемориальной площади, уже появился ряд свежих могил, а в тех могилах первые жертвы Афганистана. Никто не предложил многотысячной толпе участников митинга почтить наряду с нашедшими вечный покой в этой земле воинами Великой Отечественной и память этих так безвременно ушедших ребят. А над свежими захоронениями бились в рыданиях матери юных солдат, и эти рвущие душу рыдания заставили содрогнуться людей, оцепенеть в недоумении: как это можно не разделить с ними их безутешного горя?

Что, не знали руководители горкома партии и горисполкома, кто лежит в этих могилах? Знать-то знали, да велено им было держать язык за зубами: Афганистан, по идеологическим установкам того

времени, никого не убивал, и молчали.

Потом еще привозили в наш город цинковые гробы с погибшими «за речкой» ребятами, и их тоже закапывали наспех на разных кладбищах. Теперь спохватились: надо было создать общий «афганский» мемориал, да поди собери сейчас все косточки. Вот она, наша память!

А памяти достоин каждый афганский солдат. И слава Богу, что дожили мы все-таки до поры, когда пришел конец позорному умолчанию о суровой доле, выпавшей нашим мальчишкам, доле фронтовиков, многие из которых стали жертвами той необъявленной войны. Наконец-то мы перешагнули через обветшавшую идею приоритета классовых интересов. Многие десятилетия нам внушали, что ради этой высокой идеи не жаль принести на жертвенный алтарь жизнь любого отдельно взятого человека. Помните, у Светлова:

*Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца...*

Донезамечались. Лучший цвет армии в свое время утробили, теперь вот тысячи славных и умных ребят в Афгане положили! Нет, не светловская ура-революционная патетика ближе сегодня нам, а вот это платоновское: «Без меня народ неполный».

Вот и без Славика Петрова народ тоже неполон.

Я пристально вглядываюсь в дорогие реликвии в квартире его матери, в квартире, в которой сам Слава никогда не бывал, потому что Алевтина Ивановна получила ее уже как мать погибшего воина. Одна из стен этой квартиры – своеобразный музей-мемориал. На ней любовно приклеены, приколоты, подвешены самые различные Славиковы вещи: школьные табеля успеваемости, боевые награды и грамоты командования, картины-инкрустации, некогда подаренные ему друзьями, здесь же богатая коллекция собранных самим Славой значков и его увеличенный портрет – произведение еще прошлых дней (военных фотографий Вячеслава я не видел). Все в этой квартире напоминает о Славике, во всем живет неповторимый мир его души.

Алевтина Ивановна Петрова мало видела в жизни радости. Двоих детей, Славу и Свету, воспитывала в основном одна, работая дворником (а иначе – где жить?), и доход имела соответственно этой должности. Уже потом сменила она место работы и сейчас трудится упаковщицей на сталепрокатном заводе. Но как бы

ни приходилось трудно семье, дети никогда не чувствовали себя в чем-то ущемленными, материнской любви и ласки получали, может, побольше других. «Слава у меня очень аккуратный мальчик был, – вспоминает Алевтина Ивановна, – любил рисовать, увлекался поделками, значки вот собирал. Не скажу, что во всем он был идеальным, не был отличником в школе или училище, характер свой имел, но очень был добрый, внимательный паренек, дружить умел и с людьми был общительным».

Да, Слава любил жизнь и думал, что этой жизни у него впереди еще ой как много. А между тем время подскочило, и военкомат вручил ему повестку в армию. Кто уходил служить, помнит, как тревожен этот момент: не знаешь ведь, что ждет впереди, где будешь, да и по дому тоска смертная, по семье. А Славик в ту пору и вовсе мать донельзя расстроил, заявив, что его убьют, да не однажды эти слова повторил. А сам еще ни сном ни духом не ведал, что попадет в Афганистан. Вот и не верь после этого предчувствиям.

Однако с тоской новоиспеченный солдат, похоже, справился. Уже в первом письме из армии успокаивал маму: «...26.09.83 мы прибыли утром в Вологду, там пробыли на сборном пункте два дня и прошли комиссию, а 28-го вечером выбрались из Вологды и проездом через Череповец – прямо в Ленинград. Приехали в часть в г. Выборге 29-го, часов в 12, а вечером уже переоделись в форму. Друг над другом смеялись, все висело, как балахон. <...> Уже натер мозоль, прихрамываю маленько, потому что не умею заматывать портянки».

Знал ли молодой солдат, что первые трудности армейской службы – еще не трудности, что главное испытание впереди? Может, и чувствовал это, но пока что привыкал, как и все новобранцы, к неудобствам и тяготам, неизбежным в солдатской жизни. Умел быть и серьезным, и веселым, и друзьям своим радовался. «Скучать некогда, – напишет он матери, – парни у нас отличные, с одним в 6-й школе учились, да два – из нашего училища». Служба с земляками помогала ребятам переносить разлуку с родными, не раскидаться, укреплять друг в друге надежду, и Славик охотно писал о своих друзьях: «Опять попали с Олегом Осиповым, что учились вместе в училище, в одну роту и один взвод, а из Череповца нас четверо, так что весело»; «Конечно, много уже повидал из военной службы. Есть и несправедливость, но хороших людей хватает везде, ребята во взводе очень хорошие, живем очень весело, дружно и интересно»; «Олега Осипов, мой друг, уже в Афганистане...»

Умел Славик Петров и любить по-настоящему и не жалел для любимой ласковых слов и нежности: «Наташе передайте сердечный привет, мое пожелание ей – поступить в институт. И передай-

те, что я люблю ее и скоро вернусь». Потом в своих письмах Вячеслав еще не раз уверял, что его девушка – самая лучшая на земле и что он ее очень и очень любит. И все ждал заветной встречи.

Надежда жила в нем даже тогда, когда он точно знал, что его направят в Афганистан, что впереди жестокие бои. «В Афганистане год службы будет идти за три, но много и льгот после армии...» – писал он так, словно видел себя уже на гражданке. Трудно читать письма Славы, когда знаешь, что надежда его подвела, что не суждено ему было дожить до встречи с родными, с любимой девушкой. И все же читаю эти письма, то рассудительные, то смешливые.

«Я думаю: жизнь человека – это прекрасная штука, какая бы она ни была». Оптимист он, Славик Петров, другого не скажешь.

Из туркменских краев Вячеслав пишет: «А здесь пустыня, пески, деревьев очень мало. <...> Кормят – на убой». От последних слов – мурашки по коже. Лучше бы Слава не прибегал к такой метафоре...

Еще выдержки из последних его писем: «Можете спать спокойно, жить мирно, мы и наша техника не подведем».

«Но я, конечно, как думаю, изменился, особенно характером. Мне кажется... да, я, конечно, исправился в лучшую сторону. <...> Каждый, конечно, знает, что армия меняет человека».

Дыхание войны рядовой Петров ощущал уже совсем рядом и об этом доверительно писал матери из госпиталя, где некоторое время лечился от желтухи. «Я узнал: все наши попали в Афган, и уже 15 человек – на том свете. Жаль, конечно, но что поделаешь, долг перед Родиной – прежде всего, ведь мы теперь защитники Отечества». Последние слова Слава подчеркнул жирной линией. Выходит, многое значили эти слова для солдата, ко многому обязывали его. Он-то помнил про свой воинский долг, как помнили о нем и тысячи других наших воинов-«афганцев».

А далеко от Кабула, на Большой земле, жили и такие люди, для которых эти слова были не более чем политической фразой. Жрецы-идеологи тех лет заклинали молодую ребячью поросль «до конца выполнить воинский долг», призывали парней в солдатских шинелях свершить «историческую миссию». Однако они, эти творцы ура-лозунгов и патриотических клише, великодушно прощали неисполненный долг своим чадам и внукам, а в пекло боев шли в основном ребята из рабоче-крестьянских семей да дети неноменклатурной интеллигенции. Были, конечно, и в аппаратной среде, и в военном ведомстве совестливые люди, которым претила всяческая элитарщина. Помню, например, с каким сарказмом говорил с телеэкрана ныне покойный председатель Комитета ветеранов войны Кирилл Трофимович Мазуров о том, что из всего его большого дома, населенного высокопоставленными партий-

ными и государственными чинами, только его внук служит в армии. Уводили номенклатурные чины своих сынков от солдатской лямки, от армейской службы вообще, не говоря уж о «горячем» Афгане.

После необходимой подготовки Вячеслав был направлен в Афганистан. Перед этим он написал матери: «Если буду писать «полевая почта», значит, я в Афганистане. И главное – не обижайся, что мало буду писать». Письмо было датировано 24 февраля 1984 года. Затем пришла еще одна весточка, и Славик надолго замолчал. А потом это молчание взорвалось тем страшным «казенным» письмом, о котором было упомянуто вначале. Вот его продолжение: «...Это случилось около 4 часов утра. У одного из наших пунктов завязался тяжелый бой между бандой мятежников и местным населением. Подразделение, в составе которого находился Ваш сын, вышло на помощь мирным жителям. Действуя смело и грамотно, рядовой Петров занял удобную позицию и открыл меткий и уничтожающий огонь по противнику. Своими умелыми действиями он неоднократно заставлял отступать мятежников. В течение всего боя Вячеслав вел себя мужественно и отважно, уничтожив в этом бою семерых мятежников и подавив 4 огневые точки противника. Одной из вражеских пуль он был убит...»

Славик Петров родился 7 января 1964 года. В день рождения Христа. А прожил на этой земле на тринадцать лет меньше. По-божески ли?

Тяжело читать строки о том, что в боях «между бандами мятежников и местным населением» нашим ребятам приходилось главный удар принимать на себя. Сейчас-то мы многое переосмысливаем в афганском десятилетии. Последние события в Афганистане еще больше убеждают, что большинство афганцев поддерживали именно оппозицию, а не кабульский режим. И, может быть, самая настоящая трагедия заключается в том, что своим вторжением в Афганистан мы спровоцировали там бесконечно долгую гражданскую войну.

А о Славике Петрове – что еще сказать? В письме командования части Алевтину Ивановну благодарят за воспитание сына – защитника Родины, не дрогнувшего перед лицом опасности и до конца исполнившего свой воинский долг.

Значит, от сердца шли те слова в письме Вячеслава, которые он подчеркнул жирной линией. Он погиб за дело, в которое свято верил. Указом Президиума Верховного Совета СССР Вячеслав Всеволодович Петров награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

К. Григорьев

ПОГОДИН АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

*Понятней слова быть не может,
Лишь слово, а за ним война.
«Афганистан»... –
и память кровью пишет
друзей погибших имена.
И каждый, как тогда, – живой,
Встают сейчас перед глазами
Ребята, чей последний бой
Поставим мы себе виной.*

Михаил Замуракин

(23 апреля 1989 г. «Вологодский комсомолец», № 49)

«Уважаемые Виктор Савинович и Елизавета Андреевна! С глубоким прискорбием сообщаем Вам, что Ваш сын – Погодин Александр Викторович, – выполняя боевое задание, верный военной присяге, тяжело заболел и умер 17 июля 1984 года, до конца исполнив свой интернациональный долг перед Родиной.

Александр Викторович за время прохождения службы в войсковой части полевой почта 24785 зарекомендовал себя смелым, решительным и трудолюбивым воином, способным быстро решать сложные боевые задачи. К исполнению своих служебных обязанностей относился добросовестно. Исполнительный, дисциплинированный, грамотный военнотруженик, готовый в трудную минуту прийти на помощь товарищу. Жизнь Александра была недолгой, но яркой. Рано повзрослевшим и юным ушел он из жизни. Но будем старыми мы, будут взрослыми афганские дети, те, за кого с оружием в руках сражался с врагами Апрельской революции Александр, и никто никогда не забудет солдата, который пришел сюда из далекой Русской земли, чтобы с оружием в руках отстоять светлое будущее афганского народа, надежно защитить южные рубежи нашей Родины.

Не стало среди нас Александра, боевого товарища по оружию, верного сына нашего непобедимого великого народа. Командование части, политический аппарат, товарищи по службе, весь личный состав части разделяют с Вами боль и безмерную скорбь в связи с безвременной смертью Вашего сына, нашего товарища. Мы гордимся Александром и отдаем дань уважения Вам за воспитание Вашего сына в духе беззаветного служения нашей Родине, Коммунистической партии, советскому народу. Выражаем вам искреннее соболезнование. Память о Вашем сыне будет вечно жить в сердцах всего личного состава части».

Вечная память может жить только в сердце матери, той женщины, которая девять месяцев чувствовала каждый стук его сердца, которая прижимала его к своей груди и помнит первые его шаги.

Саша родился 16 января 1963 года в деревне Осеевская Абакановского сельсовета. Вот он идет с ней за руку в детский сад. Недавно прошел дождь, и так здорово прыгать через лужи. В 68-м они переехали в Череповец. Посмотрите на его фотографию: красивый парень, а какие ласковые, веселые глаза и добрая, застенчивая улыбка. Он учился в лесомеханическом техникуме. За учебу и общественную работу всегда получал почетные грамоты. Окончил техникум – и в армию. Сначала их направили в Ленинград, а затем, после учебки, на юг, в Туркменистан, а оттуда в Таджикистан и в Афганистан.

Афганистан. Служба есть служба. День спокойный, день плохой. Александр Погодин был наводчиком ракет ближнего боя. А бои бывали разные. Группа наших, как считалось, бывалых, обстрелянных солдат вышла на заданный рубеж. Нужно было обезвредить группировку моджахедов. Кругом огороды с дынями и арбузами, фруктовые деревья. И где-то здесь бандиты. Провели визуальную разведку. Поползли Александр и его сослуживцы в сторону предполагаемого противника. Осторожно. Вскоре дошли до них чужие голоса. Притаились. И в обратный путь. Ударили по цели неожиданно, засевшие в деревне не успели опомниться. Все они оказались в плену. Обошлись без потерь. Такие вот фронтовые будни.

Но это было там, в Афганистане, а домой он писал: «Живем весело!», «Привет из Демократической Республики Афганистан». А в последнем письме: «Уже забрали военный билет, остается 61 день до приезда домой. Я уже почти гражданский человек. Жду коня до дома!» А вместо коня – цинковый гроб. Посмертно Александр Погодин был награжден орденом Красной Звезды и памятной медалью «От благодарного афганского народа». Когда сына привезли из Афганистана, отец Виктор Савинович заболел. Девять дней над ним хлопотали врачи, а поднять по-настоящему так и не смогли.

Елизавета Андреевна не сохранила Сашины письма. Потому что память о нем живет в её сердце, а пока оно бьется, сын всегда с ней. Живой.

Т. Митенева

ПЕРВЫМИ ПОДСТАВЛЯЮТ ЛУЧШИХ
ПОПИКОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

Все пройдет, все уйдет,
только боль останется,
сердце ранит вопрос,
чья же все-таки это вина?
Нет неправых среди тех,
кто в свой дом никогда не вернется...

Из «Афганской песни»
«Контингент», № 4 (34), 1993

За окном стоял обычный декабрьский день. Искрясь большими белыми хлопьями, тихо падал на землю снег. Мария Михайловна молча стояла у окна, глядя на него, сердце почему-то сжималось: «Господи! Какая страшная тоска... – подумала она, – как Саша-покойничек говорил!».

И, словно опомнившись, подумала: «Что я говорю? Какой покойничек!» Он же в отпуск должен приехать. До встречи оставалось буквально несколько дней. Сыну придет. Мы соберемся за праздничным столом, весело встретим Новый год. И все-все будет хорошо.

Мысли, словно колеса поезда, понеслись, прокручивая всю жизнь.

...1959 год. 19 сентября. Не по-осеннему теплая и ясная погода. Она в роддоме, держит на руках маленький сверток. Сын родился. Сын! Династия военных продолжается. Он обязательно станет военным, как папа Анатолий Иосифович. Хотя именно он не хотел, чтобы сын был военным, словно предчувствуя все.

Они исколесили всю страну. Гарнизоны, гарнизоны, военные городки, куда только не забрасывала судьба. И в Азии были, и в Прибалтике, и в Европе.

Но всегда встречались на пути добрые приветливые лица. Саша рос общительным мальчиком.

...Колеса поезда стучат и стучат в виски. Они ехали 15 суток в Биробиджан. Ей припомнился день, когда они стояли на дальней станции в Сибири. Она купила два огромных арбуза. А сколько радости было у детишек! Арбуз попался спелый, сочный, его вкус она, кажется, помнит до сих пор. А как дети ели его, вгрызаясь в спелую мякоть. Сок тек по подбородку, а она, глядя на них, была счастлива.

...Саша любил музыку. Занимался в музыкальной школе в Белогорске. Даже мороз под 50° не останавливал. Из военного городка ездил в город на автобусе в музыкальную школу. Каким вдохновением светились его глаза, когда он играл на баяне.

...То лето выдалось необычайно жарким. Мальчишки целыми днями пропадали на реке. Сашка возьмет удочку, наловит мальков – и в таз. «Это мой аквариум!» – гордо говорил он.

...9 классов закончил без троек.

...Любил рисовать, и всегда оформление стенгазет и стендов было на нем.

...Вот и выпускной бал. Сыну купили новый костюм. Перед ней стоял повзрослевший сын, и, глядя на него, она вдруг ощутила щемящую тоску. Как быстро пролетело время! Совсем недавно он был таким милым малышом, а теперь перед ней взрослый мужчина. Саша учился отлично, поэтому для него не составило большого труда поступить в Коломенское артиллерийское высшее военное училище. Теперь сын приезжал только в отпуск, скупко рассказывая, как идет военная служба: «Все хорошо! У меня все хорошо, мама! Ты не переживай!»

После училища лейтенанта Александра Попикова направили в Чехословакию. Почти год прослужил он там. А потом пришла открытка, где он писал: «Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Галя! Прежде всего поздравляю с праздником 7 ноября!»

...Некоторое время буду в командировке, так что не удивляйтесь, если не буду это время писать».

Она даже не сразу поняла, в какую командировку, думала – так просто, обычные военные дела.

А сын был в Афганистане. Раскаленное, знойное солнце, горы и душманы.

«Только через полгода все открылось. Я ночей не спала, места себе не находила», – вспоминает Мария Михеевна. Но сын всегда в письмах успокаивал её.

Вот и последнее письмо: «Дорогая мамочка! У меня все хорошо! После ноябрьских праздников буду собираться в отпуск. Особых новостей у меня нет. У нас сейчас пошла пора дождей, правда, эти дожди влаги почти не прино-

сят, а превращаются в пылевые бури. Не скучайте! Скоро увидимся!»

Мария Михеевна отошла от окна. «Еще несколько дней, и он будет дома». Прозвенел звонок в дверь. «Может быть, это он!» – с надеждой мелькнула мысль. Но за порогом стоял незнакомый военный, протянул ей казенный лист. «С глубоким прискорбием извещаем вас, что ваш сын, старший лейтенант Попиков Александр Анатольевич, верный воинской присяге и интернациональному долгу...»

Какими словами можно передать горе матери?!

Это просто невозможно. Твой сын, твоя кровь, твоя радость и надежда. Надежда, которая ушла навсегда. Это потом из официальных бумаг они узнали, как воевал сын.

«Командир минометной батареи ст. лейтенант Попиков А. А. находился в ДРА с ноября 1981 г. Будучи старшим в районе Н.П. Дех-Кидам в ущелье Панджшер в ночь с 3 на 4 ноября 1982 г., проверяя несение службы часовыми на постах, заметил выдвижение группы мятежников в сторону соседнего поста, быстро оценив обстановку, выдвинул заслон на выгодную позицию по пути продвижения мятежников. Одновременно корректируя огонь минометов и командуя группой заслона, лично проявляя при этом мужество и отвагу, сорвал попытку мятежников скрытого нападения на соседний пост. Участвуя в боевых операциях, рискуя жизнью, проявляя мужество и героизм, неоднократно подавляя боевые точки мятежников, способствовал успешному выполнению поставленных задач».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 03.03.83 ст. лейтенант Александр Попиков был представлен к награждению орденом Красной Звезды за мужество и героизм, проявленный при оказании интернационального долга народу Афганистана.

«Ваш сын, старший лейтенант Попиков Александр Анатольевич, во время боя был тяжело ранен в голову в район височной кости. Скончался через 2,5 часа в госпитале. От места, где его ранили, везли 70 км на БТРе. Тяжело терять друзей, стоящих ребят, каким был Саня, – напишет Евгений Буряков. – Трудно мне писать.

Саша очень часто вспоминается мне. Вместе служили в Чехословакии. Вместе ехали сюда, часто виделись. Нет хорошего, настоящего товарища, на которого всегда можно было положиться, который всегда пришел бы на помощь».

Нет друга, нет сына. Нет, и больше не будет. Где взять силы, чтобы продолжать жить? Но, видно, горе действительно объединяет людей. Мария Михеевна стала выписывать газету «Контингент» и именно через газету познакомилась с Бережной Раисой Дмитриевной. Женщины поддерживали друг друга письмами. 28 марта 1987 года газета «Звезда» (№ 60) опубликовала письмо Раисы Дмитриевны.

«Пишет Вам Бережная Раиса Дмитриевна из далекого от Череповца поселка Комсомольск в Тюменской области. Мой сын Юра был призван в армию в 1981 году. Служил в Афганистане. 4 декабря 1982 года Юра погиб. Мне тогда казалось, что вся жизнь остановилась, белый свет был не мил. Все это вылилось в сильное нервное потрясение. Врачи боролись за мою жизнь и здоровье, а мне, признаться, было все равно. И вот в это время пришло письмо из Череповца с незнакомым мне обратным адресом. Писала мне Мария Попикова, которая тоже пережила тяжелую утрату. И ее слова – простые, бесхитростные, но очень искренние, идущие от большой души, – вернули мне силы, помогли пережить безнадежные, казалось, дни. Чтобы сохранить и продлить память наших детей, писала Мария Михеевна, – надо жить. Наши дети защищали других детей, светлое будущее. Они, эти строчки, подействовали сильнее лекарств. Низкий поклон этой женщине». Когда погиб Саша, Мария Михеевна заказала 30 портретов сына. Вот он маленький, постарше, выпускник школы, курсант, «афганские» фотографии. Целая стена портретов. С каждого на мать смотрят красивые, любящие глаза сына. «Все хорошо, мама!» Да, сынок, тебе, наверно, действительно Там хорошо. В Сашиной записной книжке осталась запись: «В необходимом случае прошу сообщить по всем адресам». Декабрь 15-16. Это день, когда он погиб.

Т. Митенева

ПОЛОВИНА СРОКА

СМИРНОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ

*...Классический союз
гвоздики и штыка.*

Александр Башлачев

Строгая тишина мемориала. Воинская определенность ощущается в расположении могил, схожести каменных надгробий. На одном из обелисков выбито: 22 ноября 1963 – 9 сентября 1984. Между ними черта, вобравшая в себя двадцатилетнюю жизнь Виктора Смирнова.

«Каким он был? – Зинаида Петровна, мама Виктора, грустно и растерянно улыбается, – для меня – хорошим».

Впрочем, об отношениях матери и сына лучше говорят письма Виктора. Сначала он писал их из Туркмении, где начинал службу, затем из солнечного Узбекистана – лечился в самаркандском госпитале от приобретенного в Афгане гепатита.

«Очень часто вспоминаю о доме... Сегодня ночью приснились ты

и батяка... я очень соскучился по тебе... Если сможешь, то, пожалуйста, приедь ко мне. Потом нас обратно отправят в Афганистан, и мы уже долго не увидимся».

Они не встретились той среднеазиатской теплой осенью, когда солдат вывозили на уборку хлопка, когда женщины-туркменки угощали их чуреками и дынями, а самым большим неудобством считалось хроническое отсутствие курева.

Оформить отпуск Зинаиде Петровне не удалось. Не увидела она Виктора и через год. В зябком череповецком сентябре сын вернулся наглухо упрятым в цинковый ящик. Кроме похоронки, матери вручили лишь фуражку да целлофановый мешочек с зубной щеткой и помазком для бритья.

И остались еще семнадцать желтеющих конвертов со штемпелем полевой почты. Половина писем – тетрадных листков, исписанных детским торопливым почерком, затерялась, послужив добычей одному из многочисленных «старателей», собирающих свидетельства горькой боевой славы «афганцев».

Зинаида Петровна протягивает стершуюся на сгибах казенную бумагу из части, где служил Виктор. Текст отбит на машинке, с обилием грамматических ошибок.

«Это случилось около 4 часов утра. Подразделению была поставлена задача по оказанию помощи местному населению в отражении нападения банды мятежников. Умело используя рельеф местности, Ваш сын вел себя мужественно и отважно, как и подобает воину. Отлично владея личным оружием, он вел огонь по мятежникам... Виктор бросился на уничтожение огневой точки противника, но внезапно разорвавшаяся рядом мина смертельно ранила его. Находясь в тяжелом состоянии, он нашел в себе силы... подавить огневую точку, обеспечив успешное выполнение боевого задания. Не приходя в сознание, он умер на руках у товарищей.

Ваш сын зарекомендовал себя... Примите нашу командирскую благодарность... искреннее соболезнование и сочувствие... С глубоким уважением...» Дата. Печать. Офицерские автографы.

Вместе с образчиками официальной риторики документ сохранил и частицу жестокой правды о той «непонятной» войне, долгие годы преподносимой как очередное проявление нашей мудрой внешней политики.

Но что-то в письме отцов-командиров не дает покоя. Пытаюсь воссоздать ситуацию, изложенную в письме. Глухой ночью банда душманов напала на некий населенный пункт. Мирное население взяло в руки оружие и ведет с мятежниками неравный бой. Нет, не совмещается это представление с недавно прочитанными строками: «Вооруженная борьба с оппозицией отнимала много сил и тре-

бовала больших материальных затрат. Наши войска несли потери. Однако сломать сопротивление вооруженной оппозиции не удалось. Потому что в подавляющем большинстве ее отряды были не банды вовсе, а местное население, которое поднялось против ломки родоплеменных устоев и защищало свои интересы».

Кстати или некстати вспомнились слова классика о том, что всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Вожди Саурской (Апрельской) революции избрали для ее защиты чужие штыки и в буквальном, и в переносном смысле слова.

Что ж, российские мальчики выполнили требования Устава, высокопарно названные «интернациональным долгом», честно, не жалея себя:

*И мы пошли, примкнув штыки,
Душманам это не сошло рук.
Эх, наших знай!..*

И в этих строках – еще одна частица жестокой правды об афганской войне. Но платили мальчишки, как оказалось, по чужим и фальшивым векселям. Боль, недоумение застыли в глазах их матерей. И дай Бог, чтобы времена не повторились. Афганский опыт, смерть тысяч и тысяч должны же нас чему-либо научить!..

Виктор Смирнов был парнем, каких много, с самой обычной биографией.

Учился в школе, долго помнил потом первую учительницу, в праздники поздравлял открыткой, делился новостями.

После восьми классов поступил в техническое училище № 23. Облюбовал специальность электрогазосварщика. Избирался комсоргом, ездил по поощрительной путевке в Сочи. До призыва в армию успел поработать на Череповецком заводе металлоконструкций.

К службе сколько-нибудь целенаправленно Виктор не готовился. Активными занятиями спортом пренебрегал. Не был приверженцем дворового кулачного боя или качания мускулов. Одним словом, не супермен. Напротив, мать порой корила его за несобранность, некую обломовщину в характере.

- Дружил он с девушкой, – рассказывает Зинаида Петровна. – Пришла она как-то утром в гости, а Витя еще в постели нежится. Я в дверь его комнаты стучу: «Вставай. У нас Лена». Он в ответ: «Рано еще, я сплю...»

Хотя при некоторых обстоятельствах Виктор мог проявить решительность и упорство. Однажды крепко повздорил с кем-то в училище. Матери не объяснил причину, лишь доложил: «Все. За-

бираю документы». Сам нанес визит в инспекцию по делам несовершеннолетних, попросил устроить на работу. На том и завершил бы свое образование, если бы не вмешалась директор. Долгих угоров стоило ей удержать подопечного от поступка, совершенного в горячке.

Виктор доучился, получил диплом. Начал работать. Затем повестка в военкомат, сборы, проводы, дорога на юг, присяга.

«...Пишу письмо и думаю: ведь завтра мне стукнет 20 лет. А недавно еще ходил в школу. <...> Побывать бы дома хоть на пять минут. Так хочется! Ну, осталось немного. Всего 22 месяца. Все будет нормально». И чуть раньше, перед годовщиной революции: «Желаю... выпить чарку за мое здоровье».

Весточки из Афганистана стали суше. В основном про природу, погоду, самочувствие, кормежку. Незадолго до гибели, однако, Виктор обмолвился: «Сидели в секрете». На исходе была половина из отсчитанного им самим срока.

М. Коковин

ЗВАЛИ ЕГО СОКОЛЕНКОМ

СОКОЛОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

*Хорошим был он парнем и солдатом,
Вы на слово должны поверить мне...*

Ян Ицкевич. Из афганской песни

Семья Соколовых, как тысячи череповецких семей, корнями своими уходит в деревню. Батран всего в 35 километрах от города: час езды на автобусе – и любой укажет старый, но еще крепкий дом с пристройкой для скота, банькой и аккуратной поленницей. Десять лет жизни в городе не разнежили Соколовых, не отучили от сельского труда, поэтому каждую весну Николай Васильевич с Софьей Степановной ездили в Батран сажать картошку, а осенью собирали урожай. Привозили в деревню детей. Вместе нарабатываются, выкупаются в реке, а вечером за столом соберутся. Вот и картошка подоспела – рассыпчатая, самовар наделяет каждого чашкой ароматного чая, а под столом путается в ногах кот-лежебока, выпрашивая подачку.

Трое сыновей было у Соколовых. Старший сын Василий и средний Сергей – погодки, вместе и в СПТУ-8 учились. А младшему Соколову едва два года исполнилось, когда Василия уже во флот призывали...

Третий год продолжались военные действия в Афганистане. Га-

зеты пестрели сообщениями о наших успехах то в одной, то в другой провинции, телевидение передавало бойкие репортажи из воинских подразделений. Показывали взятых в плен бандитов, а также благодарных мирных жителей, которым наша страна оказывала безвозмездную экономическую помощь. Продовольствие, автомобили, ткани, холодильники потоком шли за Гиндукуш. На экранах – улыбки, рукопожатия. Благодарность казалась искренней. Смотрел эти передачи и Сергей, читал газеты и мечтал: «Вот бы попасть в Афган да пострелять бы вдоволь!» Войну он воспринимал по-мальчишески и был готов защищать интересы братского народа, хотя не очень разбирался, в чем они состоят. Да и немного было таких, кто разбирался, – все пили воду из одной реки, называемой контрпропагандой.

Пришел и Сергею срок сменить гражданскую одежду на солдатскую шинель. Осенью 1983 года вместе со своими ровесниками он прошел в Выборге курс молодого бойца. Некоторые ребята, распираемые любопытством, спрашивали у офицеров, где им предстоит служить в дальнейшем. В ответ – только шутки или угрюмое молчание.

В Выборге Сергей сдружился с земляками – Валерием Гуляевым, Олегом Тиховым, Мишей Кузнецовым, Валерием Жаровым. Всех вместе их отправили потом под Кушку. Там служили в военно-саперной роте два месяца. Оказавшись в Туркмении, молодые солдаты больше не задавали наивных вопросов.

Но Сергею с Валерием Гуляевым вышла непредвиденная отсрочка. На месте новой службы они попали в госпиталь областного центра Мары: заболели желтухой. Их земляки в это время уже пересекли Саланг.

Из солдат, перенесших болезнь, вскоре было сформировано подразделение, постоянным местом дислокации которого впоследствии стал Панджшер.

Родители получали от Сергея письма, полные оптимизма. Заканчивались они обычно какой-нибудь прибауткой вроде этой: «Не волнуйтесь, у нас все хорошо, с автоматом, как с родным братом, даже спим в обнимку с ним». И хотелось верить – помогают сыну в службе его общительный характер и умение дорожить дружбой. Начали приходить домой снимки, на которых Сережа уже не в шинели, а в куртке «хэбэ». Вот он с друзьями – все такой же стройный и подтянутый, но уже уверенный в себе и возмужавший. Но – письма письмами... Они ловили хоть какую-нибудь информацию о военных действиях в районе, где служил Сергей. Информации же почти никакой: думай, что хочешь.

Между тем в районе Панджшерского ущелья моджахеды вели активные боевые действия. Здесь находилась центральная база

Ахмад-Шаха Масуда (Масуд в переводе – «счастливый»), одного из наиболее влиятельных лидеров оппозиции на территории страны. Его отряды достигали нескольких тысяч штыков.

Дикое и величественное в своей красоте Панджшерское ущелье представляло собой мощный укрепрайон. В верхней его части были возведены фортификационные сооружения, неуязвимые для артиллерийских и бомбоштурмовых ударов. Множество огневых точек, укрытых в пещерах, готовы были поразить цель. Здесь находились склады с оружием и боеприпасами, были оборудованы госпитали, налажена радиосвязь.

Родившиеся и выросшие в этих горах, душманы во время боя занимали очень выгодные позиции, а с приближением опасности бесследно растворялись среди гор.

В течение нескольких лет зона Панджшерского ущелья была местом проведения крупных войсковых операций. Разумеется, никакие «сводки Информбюро» об этом не сообщали...

По прибытии в часть Сергея и Валерия Гуляева назначили в один расчет. Гуляева – старшим расчета, наводчиком гранатомета, а Сергея – его помощником. Всего через месяц молодым солдатам пришлось участвовать в одной из панджшерских операций. В боях были задействованы значительные силы сороковой армии. Во время операции Сергей неожиданно встретился с Мишей Кузнецовым. Им удалось перемолвиться лишь двумя-тремя словами.

– Времени на разговоры не было, – вспоминал Михаил позже, – но, взглянув на Сергея, я сразу понял: службой он не тяготится. Как всегда, весел, сказал, что и со «стариками» нашел общий язык. В полку боевые друзья называли его Соколенком.

У солдата и в самом деле служба началась успешно. Командир роты капитан Дмитриев любил Сергея, хотя ничем не показывал своего расположения к нему. За пятнадцать месяцев службы на чужой земле, обильно политой кровью советских солдат, Соколов не пропустил ни одного боя, одинаково охотно ходил в разведку и в засаду, минировал и разминировал, мог сутками шагать с полной боевой выкладкой. Из трех расчетов в роте тот, в котором служили Соколов и Гуляев, отличался в соревнованиях и на учениях, успешно действовал в бою. За это бойцам чаще других объявляли благодарность командир роты и командир взвода.

Есть в семье Соколовых дорогая реликвия – письмо от сына-солдата, в котором он пишет: «...за первую армейскую операцию представлены к награде. Не знаю только, что из этого получится. Некоторые уже два раза награждены, но награды не доходят».

Увы, наград своих они не дождались. Лишь 1 февраля 1989 года Указом Президиума Верховного Совета СССР № 7091 всем, кто не

награждался ранее, была дарована общая награда – орден Красной Звезды. Уже посмертно.

20 мая 1985 года над Панджером стояло высокое, голубое небо. Из разведроты сообщили о движении, замеченном вблизи дороги, по которой должна была пройти колонна. Каждый знал, с чем это связано: «духи» собирали вдоль дороги неразорвавшиеся снаряды, закапывали их по 3-5 штук под мину и рвали колонны автомашин с боеприпасами и техникой. Командир подразделения подбирал людей для прикрытия колонны.

Через несколько дней родители Сергея получили похоронку. Вслед за ней пришло письмо, подписанное командиром войсковой части и заместителем командира по политчасти:

«...Около 15 часов дня подразделение, в котором находился Ваш сын, выдвигалось в район засады. Колонна во время движения была обстреляна бандой мятежников из минометов и стрелкового оружия. Быстро и грамотно оценив обстановку, Сергей занял удобную огневую позицию и открыл меткий уничтожающий огонь по противнику. Но внезапно разорвавшаяся рядом с ним мина смертельно ранила в голову и грудь Вашего сына, и он, не приходя в сознание, умер на руках товарищей».

Похоронили Сергея на кладбище деревни Батран.

Каждый год 8 мая на могиле солдата появляются цветы. Преподаватели и учащиеся СПТУ № 8, где когда-то учился Сергей Соколов, возлагают венки у его памятника. Училище и теперь не забывает своего выпускника. На фасаде учебного заведения в его честь помещена памятная доска.

В. Евшина

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

ТИХОВ ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в ДРА, рядовой Олег Тихов был награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Орден вручен матери Клавдии Васильевне Шониной.

Я переступил порог квартиры Шониных на улице Краснодонцев в городе Череповце и встретился с матерью Олега Тихова – Клавдией Васильевной и отчимом – Валентином Владимировичем. Клавдия Васильевна молча посторонилась и пригласила меня пройти.

В скромно обставленной комнате, в углу у окна, стоит стол. Это стол сына, на стене в рамке большая фотография. На ней в

полный рост Олег, стройный, красивый. На других фотографиях он в военной форме, с широкополой панамой на голове.

На столе, в коробочке, личные предметы сына, возвращенные его боевыми друзьями из Афганистана, тут же орден Красной Звезды. В записной книжке Олег написал крупными печатными буквами и обвел рамочкой такие слова: «Не для войны рождаются солдаты, а для того, чтоб не было войны».

В отдельном ящичке стола – письма. Их очень много. Клавдия Васильевна, немного успокоившись, достала и положила на стол большую пачку этих писем. «Олег писал часто, – сказала она, – Мы получали по два-три письма в неделю».

С разрешения матери я прочитал несколько писем. Каждое начинается приветом из Демократической Республики Афганистан. «Я жив, здоров, настроение нормальное, можно сказать, хорошее, – писал Олег матери 6 мая 1984 года. – Раньше я не понимал многого. Правильно говорят, что армия – хорошая школа. За два года службы очень многому научишься, очень многое поймешь».

В одном из писем Олег нарисовал портрет матери и спросил: «Мама, посмотри, похожа или нет на себя».

В следующем письме прислал стихи:

*Здравствуй, милая мама!
Шлю тебе я привет,
Самый горячий привет,
Даже слов в мире нет.*

*Я служу в Афганистане,
Где жара и пески,
Как живешь ты, родная?
Письмецо напиши.*

*Тихо, тихо в палатке.
Только слышно вокруг:
Нежно плачет гитара,
Да солдаты поют.*

*Так пройдут все два года.
И вернусь я домой.
Ты меня встретишь, мама,
Со счастливой слезой.*

Клавдия Васильевна подошла к окну и посмотрела во двор. У

этого окна она провожала сына в школу и ждала, когда он придет домой. Олег учился в 7-й средней школе до восьмого класса. Аттестат о среднем образовании получил в школе № 28.

«С малых лет сын мечтал стать машинистом тепловоза, – рассказывает Клавдия Васильевна. – Любил спорт, занимался боксом, много времени уделял физическим тренировкам, был сильным и крепким, двухпудовые гири крутил над головой. В школу машинистов его не приняли. Тогда Олег поступил в техническое училище № 27 и через год, окончив его, стал работать слесарем КИП и автоматики на азотно-туковом заводе».

Когда сын стал задерживаться у зеркала и аккуратно приглаживать свою прическу, мать поняла: пришла первая любовь. Украдкой поглядывала на него и таила в глазах улыбку.

Олег любил играть на гитаре и петь. «Не могу сказать, хорошо ли он пел, но всегда шел гулять с гитарой», – сказала Клавдия Васильевна.

Гитара висит тут же, в комнате, на гвозде. Теперь никто на ней не играет.

Рядом с телевизором стоит магнитофон. Клавдия Васильевна объяснила: «Знаю, что Олег записал на пленку свой голос и свои песни, а подойти и включить магнитофон не могу, надо подождать».

...Настало время призыва в армию. Перед посадкой в автобус Олег бережно обнял мать. Клавдия Васильевна прижалась к груди сына, всплакнула: «Мы так и не успели наглядеться друг на друга, наговориться напоследок. Не знали и не думали, что это последний раз».

Олег Тихов был танкистом, в каждом письме писал: «Не беспокойся, мама, все будет хорошо, у нас три мощных танка, душмана боятся подойти к нам».

Из письма командования воинской части Клавдии Васильевне и Валентину Владимировичу Шониным: «Ваш сын при прохождении военной службы в части зарекомендовал себя храбрым и дисциплинированным воином, отзывчивым товарищем и настоящим боевым другом. При выполнении патриотического и интернационального долга на территории Афганистана, верный воинской присяге, проявил высокие боевые и морально-политические качества, стойкость, мужество и отвагу».

Олег очень любил жизнь. И именно ради жизни на земле, оказывая интернациональную помощь афганскому народу, 20 марта 1985 года сделал свой последний шаг. Ему было только 20 лет.

П. Г. Костин

ОН БЫЛ ТАКИМ ХОРОШИМ МУЖЕМ

ТИХОМИРОВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

*Мир был грозен и тогда, когда рядом был мужчина, – да.
Но – у него были твердые плечи и крепкие кулаки, спокойный
взгляд и низкий уверенный голос, – между нею и миром был он.
А потом его увезли на Восток, и мир разрушился и стиснул ее...*

Олег Ермаков.

Занесенный снегом дом

После окончания Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники Анатолий Тихомиров был направлен на службу в ГДР. 2 августа 1979 года он приехал в родной Череповец в отпуск. На танцах в городском парке встретил красивую стройную студентку Валю, и 25-го она стала женой старшего лейтенанта Тихомирова.

Валентина Михайловна вспоминает:

– Мне понравились в Толике его скромность, деликатность, необыкновенная доброта. Моя мама лежала тогда в больнице, мы вместе ходили навещать. Помню, когда однажды застали ее в плохом состоянии, я сильно расстроилась, плакала, а он меня уговаривал, успокаивал, как ребенка. Уже тогда я была очень тронута таким умением поддержать в трудную минуту.

Этих трудных минут у жены офицера было впереди много. Из ГДР Анатолия перевели в Уссурийск. Целый год они не имели возможности разгрузить контейнер с вещами. Он так и стоял на железной дороге – у молодой семьи не было никакого жилья. С маленькой дочкой на руках они переходили из квартиры в квартиру, ночуя у знакомых, у сослуживцев. И в бараке пожили, когда получили, наконец, одну комнату на двоих с другой семьей. Так и жили, разгородившись занавесками. Было холодно. Спали в тренировочных костюмах. Питьевую воду привозили, ее приходилось запасать. Муж был сильно занят, мало чем мог помочь. Валентина все-таки окончила (но уже заочно) политехнический институт. Наконец им дали отдельную квартиру. Снежана пошла в детский садик, мама работала и еще училась на курсах экскурсоводов.

Много занимался самообразованием и Анатолий. И не только в радиоэлектронике. Зарекомендовавший себя знающим, хорошим специалистом офицер Тихомиров получал поощрения от командования, быстро продвигался по службе. К 1986 году он был в звании майора и собирался поступать в академию. Уже были собраны все документы, оставались лишь небольшие формальности, когда его вдруг вызвали в штаб и предложили поехать в Афганистан. Не

приказали, а именно предложили, даже дали время посоветоваться с женой. Жена была против.

– Толик сказал тогда мне, – вспоминает теперь Валентина Михайловна, – я же офицер, Валя, я присягу принимал и должен быть там, где нужны мои знания и опыт.

В январе 1987 года она проводила мужа в Москву, откуда он уехал в Кабул, а сама осталась с дочерью в Уссурийске.

В Афганистане майор Тихомиров обучал солдат военному делу.

– Он сам был очень спортивным, – рассказывает Валентина Михайловна, – даже в отпуске не позволял себе залежаться в постели, вставал в семь, делал зарядку. Много тренировал свое тело, был всегда бодр, подтянут, готов на шутку. И нас с дочерью увлекал, мы делали большие прогулки, выходные были у нас всегда насыщенными и интересными.

Всего два месяца пробыл майор А. Тихомиров в Афганистане. Те самые два месяца, в течение которых вновь прибывших на боевые операции не назначают. Но Тихомиров руководствовался не столько инструкциями, сколько чувством долга. Шестнадцатого марта он сам попросил направить его на военную операцию. И погиб.

Когда его товарищ по училищу Юрий Копейкин ехал в Афганистан (а ребята знают, что их посылают на место того, кто погиб), он никак не мог предполагать, что этот погибший – Толя Тихомиров.

Гроб с телом А. В. Тихомирова сопровождал в Череповец подполковник В. Ф. Пономаренко, однополчанин Анатолия. Его родным он сказал:

– Есть люди, с которыми проживешь рядом всю свою жизнь, но вспомнить бывает не о чем. С Анатолием Викторовичем мы были знакомы всего девять дней, но я не забуду его никогда.

Валентина Михайловна, получив горькое известие, вернулась с дочерью Снежаной в Череповец. Шесть месяцев (а не три, как положено) ютилась на пятнадцати квадратных метрах вместе с матерью. Сдав в Уссурийске двухкомнатную квартиру, в Череповце она получила крохотную однокомнатную, в которой с трудом нашла место для письменного стола дочери-школьнице.

Но не это беда. Валя с грустью смотрит на меня и с трудом сдерживает слезы: «Он был таким хорошим мужем..»

Э. Огнева

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ

К моменту выхода в свет книги «Спрятанная война» и окончания этой войны прошло более 17 лет. Срок немалый. За это время обстановка изменилась не только в Афганистане, но и во многих регионах мира: распался Советский Союз, началась гражданская война на Кавказе, перешедшая в партизанско-террористическую, резко осложнились отношения России с Грузией, Молдавией. На территории Украины произошли кардинальные изменения, так называемая «оранжевая революция» с ее непредсказуемыми последствиями.

О прибалтийских государствах и говорить нечего, они никогда не были стороной, симпатизирующей России.

В худшую сторону изменились отношения ряда государств, бывших советских республик, с Российской Федерацией. Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан находятся под пристальным вниманием США. Международными силами реакции многое делается для того, чтобы оставить Россию в одиночестве, ослабить ее влияние и вес в мировой политике.

В своем последнем, седьмом Послании народу Президент России В. В. Путин сказал о том, что США тратят денег на наращивание военных мускулов в 25 раз больше, чем Россия. Гонка вооружений никогда не приводила к добру, и значит, тем более нужно учитывать агрессивный нрав нынешнего блока НАТО. Истекающий кровью Ирак. Разметанная по кускам Югославия. Отхваченный лакомый Косовский кусок в центре Европы. Желание ряда государств немедленно вступить в НАТО, в частности, Украины и Грузии, не говоря уж о Прибалтике. Все это является серьезным и опасным моментом в мировой истории и может привести к нежелательным последствиям. Добавьте к этому ряд территориальных претензий к России со стороны Японии, стран Прибалтики и других.

Что же в Афганистане?

Вывод, видимо, один: там мы не добились победы, но и не проиграли эту войну. Показали себя достойными воинами, смелыми и мужественными. Ошибку совершили неумелые политики, озаренные идеей мировой революции. Был совершен глубокий просчет как во внутренней обстановке исламского государства Афганистан, так и в оценке реакции государств мира, не говоря уже о резко отрицательной позиции ООН.

10 лет необъявленной войны принесли России неисчислимые потери. О них сказано в этой книге.

В результате действий Организации Объединенных Наций, находящейся под сильным влиянием США, и переговоров Советского Союза в начавшийся переломный момент так называемой перестройки по-горбачевски в Афганистан беспрепятственно вошли натовские контингенты под эгидой все тех же США.

Занимая выгодные военно-политические позиции, аналитики США стараются далеко просмотреть складывающуюся обстановку. И пока время играет на них. Заняв и обустроив в Афганистане инфраструктуру, оставленную ограниченным контингентом советских войск, американцы и их союзники действуют обстоятельно. Сценарий один с несколькими разновидностями: создание в Афганистане своего, проамериканского правительства, администрации, невмешательство во внутреннюю жизнь населения. Политика проста: пусть себе живут и делают свое крестьянское дело, опиум и наркотики, благо – Россия рядом, и каналы для их сбыта удобны. Героин в Афганистане продается свободно.

А главная цель – военные базы на очень удобном месте. Под маркой борьбы с терроризмом можно многого добиться в укреплении своего военного присутствия. Кстати, и Иран является соседом Афганистана, и весь Ближний Восток недалеко.

Надеюсь, что данная книга о наших смелых, мужественных ребятах, с которыми мне довелось познакомиться в процессе работы над ней, будет памятью для многих поколений череповчан. Любовь к Родине, к своей родной России, к своей семье, к друзьям и товарищам – это основное в книге.

ПОСТСКРИПТУМ

После выхода книги «Спрятанная война» прошло более пяти лет. У американцев, находящихся в Афганистане, проблем не меньше, хотя они действуют объединенными силами НАТО. На волевые действия в Афганистане и Иране уже давно потрачено более триллиона долларов. Пентагон просит еще миллиарды и миллиарды. Это, пожалуй, самая дорогостоящая война в истории США после Второй мировой. Но разница, и очень большая, в трате громадных денежных средств. У нас, по подсчетам экспертов, львиную долю ушедших на войну 33 миллиардов инвалютных рублей составили вложения в экономику Афганистана. Нас обвиняли в оккупации. Но где вы видели, чтобы оккупанты на занятой территории построили более 140 объектов: домостроительные комбинаты, промышленное производство, школы и больницы.

Не так давно появилась информация, что Россия собирается оказать помощь США в реализации афганской проблемы военным путем, отправить туда спецконтингент наших военнослужащих. Данная информация была опровергнута. По-моему, Российской Федерации не нужно больше соваться в афганский котел. В Афганистане находится более 150 тысяч военнослужащих войск НАТО. При этом нужно еще учитывать около 100 тысяч сотрудников так называемых неправительственных вооруженных формирований. Эти наемники со всего мира числятся в штате частных фирм и занимаются охраной объектов, сопровождением грузов и т. д.

В настоящее время легальной экономики в стране фактически нет. Зато ежегодно здесь производится около 150 миллиардов разовых доз героина. Россия после Европы занимает второе место по потреблению героина. По данным ООН, около трех миллионов афганцев заняты в наркопроизводстве. Знают ли об этом западные покровители? Конечно. Ежедневно только со спутников делаются многие тысячи космических снимков, на которых хорошо видны красные пятна маковых полей. Что сделали США, чтобы прекратить зловещий наркобизнес? Ровным счетом ничего.

По всей видимости, в недалеком будущем США и их союзникам придется уводить из Афганистана свои войска. Хотя талибы несут большие потери, но контролируют ряд районов страны. Ведется партизанская война. Талибы регулярно получают помощь из ряда мусульманских стран, в том числе из соседних Пакистана и Ирака. Не надо забывать, что мусульманский мир очень обширен и объединен. По некоторым официальным оценкам, он составляет бо-

лее двух миллиардов человек. И свою религию, и Коран они очень чтят. В Российской Федерации, по некоторым подсчетам, проживает более 20 миллионов мусульман. С этим нельзя не считаться, и нужно уважительно относиться к религиозности мусульманского народа.

Вернемся к нашим воинам, сложившим головы на войне в Афганистане. По официальным данным, их 86 человек. Молодых, крепких парней. Их имена и фамилии высечены золотыми буквами на мраморных плитах, установленных в храме Святого Александра Невского в Вологде. Мемориальная доска была открыта Губернатором Вологодской области Вячеславом Евгеньевичем Позгалевым.

«Победы не даются даром, – сказал он на торжественной церемонии открытия. – За них приходится платить дорогой ценой жизнью наших воинов. Мы отдаем должное памяти своих героев».

Надеюсь, что эта книга будет памятна для многих. Ее первый тираж разошелся моментально. И немало просьб поступило о переиздании, в том числе от родителей и близких ребят, которые служили в Афганистане, от библиотек города Череповца.

С уважением,
Владимир Михеев,
кандидат исторических наук

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Адат (араб. – обычай) – неписаный закон, основанный на обычае (обычное право). В странах распространения ислама существовал вместе с шариатом и охватывал традиции и обычаи местных народов.

Аллах (от араб. «илах» – божество) – имя бога в мусульманской религии.

Аманат (араб.) – заложник, часто ребенок из знатной семьи, даваемый в обеспечение договора. Нарушение договора означало рабство или смерть аманата.

Аят (араб. – чудо, знамение) – стих в Коране. Согласно мусульманскому вероучению, в аяте запечатлены подлинные слова самого бога.

Аятолла – шиитский мусульманский деятель.

Газават (от араб. «газв» – набег) – «война за веру», частный случай джихада.

Гази – отличившийся в войне за веру.

Гяур (турец. «гяфур» – неверующий) – презрительная кличка не мусульманина. Обычно переводится как «неверный».

Джихад (араб. – усилие) – по мнению исламоведов, более точно его надо переводить как борьба. Именно в таком контексте раскрывается подлинная суть таких существующих в исламе понятий, как «джихад сердца», то есть борьба со своими собственными недостатками и дурными наклонностями, «джихад языка» – повеление благого и запрет дурного, «джихад руки» – соблюдение меры наказания в отношении преступников и, наконец, «джихад меча» – борьба за утверждение ислама, то есть вооруженная борьба с «неверными».

Зиндан – на Востоке (в Северной Азии и на Кавказе) – земляная тюрьма для содержания невыкупленных военнопленных, а также должников.

Имам (араб. «амма» – стоять впереди, руководить, предводительствовать) – руководитель общей молитвы в мечети, стоящий впереди всех.

Ислам (араб. – покорность) – одна из трех мировых религий. Возникла в Аравии в VII веке. Вероучение изложено в Коране, который был ниспослан Аллахом пророку Мухаммеду.

Кааба (араб. – куб) – мусульманский храм в Мекке, имеющий четырехугольную форму.

Калым (турец. букв. – остаток) – плата за невесту (деньгами или имуществом) при женитьбе мусульманина.

Кафир (от араб. «кафара» – быть неверующим) – неверный, безбожник, еретик.

Кибла (араб.) – исламский «полюс». Направление на Мекку, точнее, на Каабу, которое следует соблюдать мусульманину во время совершения молитвы. При захоронении тело правоверного кладут также согласно кибле.

Коран (араб. «аль-кур'ан» – чтение, декламация) – главная святая книга мусульманина.

Курбан-байрам (араб.-турецк. – праздник жертвоприношения) – один из главных ежегодных религиозных праздников у мусульман. Отмечается через 70 дней после окончания поста уразы. 10-го числа месяца зульхиджа (12-го месяца мусульманского лунного календаря). В этот день мусульманам предписывается принести кровавую жертву: заколоть барана, козу, корову или верблюда. Праздник длится три дня, сопровождается угощениями, посещением могил своих близких.

Мавлюд (араб. – рождение) – религиозный праздник по случаю дня рождения пророка Мухаммеда. Отмечается 12-го числа месяца рабби аль Авваля (3-го месяца мусульманского лунного календаря).

Мекка – город в Саудовской Аравии. Святая земля для мусульман, куда они совершают паломничество (хадж). В Мекке родился, жил и начал свою проповедь Мухаммед. Здесь находится главная святыня мусульман – Кааба.

Мечеть (араб. «масджид» – место поклонения) – у мусульман молитвенное здание. Большинство мечетей имеет один или несколько минаретов – башен, с которых провозглашается призыв к молитве. В молитвенном помещении находится михраб – ниша, указывающая направление на Мекку: к ней молящиеся должны обратиться лицом. Около михраба ставится кафедра проповедника – минбар. При входе в мечеть верующие обязательно снимают обувь и совершают ритуальное омовение. Женщины молятся в специально отгороженной части общего зала или на галереях.

Минарет (от араб. «манара» – светиться) – башня при мечети, с которой муэдзин призывал верующих к намазу.

Мирадж (араб. – вознесение, лестница) или радж-байрам – праздник у мусульман, установленный в честь фантастического путешествия пророка Мухаммеда на быстром, как молния, коне Аль-Бураке из Мекки в Иерусалим, а оттуда по световой лестнице на небо для беседы с Аллахом.

Мулла (от араб. «маула» – владыка, господин) – служитель культа в исламе, выбираемый мусульманами из своей среды.

Муфтий (араб. – высказывающий мнение) – высшее духовное лицо у мусульман-суннитов, дающее заключение по вопросам при-

менения шариата, именуемое фетвой. Обычно муфтии избираются на съездах духовенства и верующих.

Муэдзин (араб. – приглашающий, объявляющий) – служитель мечети, призывающий мусульман на молитву.

Намаз (перс. – молитва, по-арабски – «саят») – мусульманская каноническая молитва. Правоверным предписано совершать молитву пять раз в день: между рассветом и восходом, в полдень, незадолго до заката, после заката, поздно вечером. Намаз разрешается совершать в любом чистом месте, став на молитвенный коврик, циновку или расстеленную верхнюю одежду. По пятницам шариат рекомендует совершать намаз в мечети.

Рамазан (араб. – «рамадан») – 9-й месяц лунного мусульманского календаря. В рамадан мусульмане, согласно Корану и шариату, обязаны соблюдать пост – уразу.

Сунна (араб. – обыкновение, образ действий, поведение) – священное предание ислама, изложенное в рассказах (хадисах) о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Таких рассказов, сообщений насчитывается десятки тысяч. Принципиальное отличие Сунны от Корана состоит в том, что Сунна является сборником высказываний пророка (человека), которые были произнесены в определенный момент, то есть имеет свое «начало», а Коран существовал всегда.

Суннизм – одно из двух (наряду с шиизмом) основных направлений ислама, наиболее многочисленное по количеству своих последователей.

Сура – глава в Коране, состоящая из аят (стихов, «знамений»). В Коране содержится 114 сур разной длины, от 286 аят во 2-й главе до 3-6 аят в последних сурах.

Ураза (тюрк., перс. – «рузе», араб. – «саум») – 30-дневный мусульманский пост в месяц рамадан (рамазан), прерывающийся с вечера до утра. Соблюдающий уразу должен с рассвета и до наступления темноты отказаться от еды, питья, игр, зрелищ, купаний и т.д.

Хадж – паломничество в Мекку, один из пяти «столпов» ислама. Каждый мусульманин обязан хотя бы раз в жизни совершить хадж.

Шариат (араб. «шариа» – прямой, правильный путь) – закон, предписания, установленные в качестве обязательных для всех мусульман.

Шахид – погибший в войне за веру, мученик, которому уготовано место в раю. Обряд их погребения совершался очень торжественно и был рассчитан на то, чтобы возбудить в присутствующих храбрость, самоотверженность, стремление следовать высокому примеру.

Шиизм (от араб. «ши'а» – группировка, партия, сторонники) – второе по числу приверженцев (после суннизма) направление в исламе.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Предисловие	4
Глава 1. Афганистан.....	6
Глава 2. Им повезло.....	20
Первыми были пограничники (Хомяков В. П.).....	20
Молодость и дружба брали свое (Бирюков О. В.)	21
Разведчик (Бороухин Г. Н.).....	23
Сапер (Виноградов С. А.).....	26
Он служил в спецназе (Гейдель В. Н.)	31
Ранение было тяжелым (Гриценко А. В.).....	33
Водитель БТР-70 (Гудков С. В.)	34
Испытание боем (Гусев Е. Б.)	37
Старший сапер (Егоров Ю.).....	41
Военный техник (Жаров В. Б.)	43
Танкист (Иванов И. Ю.)	46
Заговоренный (Исаев В. В.).....	48
Спецназовец (Козлов В. А.).....	50
Он участвовал в операции «Магистраль» (Кубасов Э. А.).....	52
Старший советник Царандоя (Кичигин Л. А.).....	54
Он служил в охране аэродрома (Меньшиков А. В.)	58
Он служил в элитной дивизии ВДВ (Молотков В. Л.).....	60
Командир вертолета МИ-8 (Пауков Г. В.).....	62
Водитель мощной системы «Ураган» (Ратников С. Г.).....	64
Советник афганской бригады (Савочкин А. Н.)	66
Он командовал ротой (Серегин О. А.).....	69
Связист и десантник (Стрючков А. А.)	71
Он был на передовой (Хвалов В. В.)	74
Командир РДР (Харитонов В. А.)	76
Всегда начеку (Черепов С. А.).....	78
Глава 3. Они оставили здоровье там	81
Глава 4. Помяни нас, Россия, в декабрьскую стужу	84
Мать (Бесенков П. А.).....	85
Что осталось матери от сына? (Голубцов А. В.).....	89
Они стояли насмерть друг за друга (Катайков А. С.)	91
Вдали, под Гератом (Коробов Д. В.).....	94
Красовитов Андрей Николаевич	100
Славик, сыночек... (Крылов В. В.)	104
В кандагарской «зеленке» (Кузнецов А. В.)	108
Ушел на минное поле (Кулаков О. С.).....	109

Навеки девятнадцатилетний (Курочкин А. А.)	112
«Черный тюльпан». Почему? (Мальцев Ю. М.)	115
Не забыть (Муравьев А. А.)	118
Ему всю жизнь не везло (Павленко В. И.)	125
А был он лишь солдат (Петров В. В.)	126
Погодин Александр Викторович	131
Первыми подставляют лучших (Попиков А. А.)	133
Половина срока (Смирнов В. Ф.)	136
Звали его Соколенком (Соколов С. Н.)	139
Шаг в бессмертие (Тихов О. В.)	142
Он был таким хорошим мужем (Тихомиров А. В.)	145
Заключение. Афганистан сегодня	147
Постскриптум	149
Словарь терминов	151